

801-17
1830

УСТОИ НАРОДНАГО ХОЗЯЙСТВА РОССІИ

АГРАРНО-ЭКОНОМИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ

В. ГУРЮ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІА А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

1902

Часть настоящихъ этюдовъ, подъ заглавіемъ «Земледѣліе и Заработки», была напечатана въ ноябрѣ — декабрѣ 1901 года въ газетѣ «Новое Время».

2014244958

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стран</i>
<i>I. Происходятъ ли голодовки отъ пониженія урожайности нашихъ земель?</i>	<i>1—9</i>
<i>II. Степень и причины оскуднѣнія крестьянства въ различныхъ районахъ земледѣльской области .</i>	<i>10—19</i>
<i>III. Какимъ образомъ удешевленіе продуктовъ земледѣлія повело къ голодовкамъ</i>	<i>20—32</i>
<i>IV. Возможно ли поднять цѣны на хлѣбъ?</i>	<i>33—46</i>
<i>V. Зависитъ ли благосостояніе крестьянъ отъ размеровъ ихъ земельныхъ владѣній?</i>	<i>47—64</i>
<i>VI. Развитіе фабрично-заводской промышленности, какъ средство для увеличенія заработковъ населенія</i>	<i>65—81</i>

VII. <i>Повышеніе техники сельскаго хозяйства, какъ средство для увеличенія заработковъ населенія</i>	82—103
VIII. <i>Вліяніе различныхъ видовъ кредита на сельскохозяйственную культуру</i>	104—126
IX. <i>Откуда почерпнуть средства, необходимыя для повышенія сельскохозяйственной культуры</i>	127—140
X. <i>Обзоръ мѣръ, могущихъ содѣйствовать развитію сельскохозяйственной культуры . . .</i>	141—170
XII. <i>Явленія, понижающія самопомощь и самостоятельность крестьянъ</i>	171—182
XI. <i>Общіе выводы.</i>	183—196

«Земледѣліе аки сосцы, питающіе все государство», провозглашено было Императрицей Екатериной II въ манифестѣ 1786 г., объ учрежденіи государственнаго заемнаго банка и эта мысль, лишь выраженная иными словами, повторялась съ тѣхъ поръ неоднократно въ правительственныхъ актахъ: земледѣльческая промышленность постоянно признавалась основнымъ устоемъ народнаго хозяйства. Въ соответствии съ этимъ правительство искони озабочивалось поддержаніемъ сельскохозяйственнаго промысла; но воплощеніемъ сего почти неизмѣнно являлись однѣ и тѣ же мѣры. Помѣстному сословію облегчалась возможность получить денежныя средства подъ залогъ своихъ владѣній и устанавливались болѣе льготныя условія пользованія земельными ссудами и уплаты по нимъ роста и погашенія.

Въ основаніи такого образа дѣйствій лежало исторически сложившееся убѣжденіе въ нераздѣльности интересовъ землевладѣльческаго сословія съ интересами самой земли. Предполагалось, что при такихъ условіяхъ выдаваемые землевладѣльцамъ средства будутъ ими направлены «къ лучшему устройству хозяйственныхъ заведеній», что они «усугубятъ попеченія свои на распространеніе всякаго рода полезнаго хозяйства». Такъ, казалось, оно и должно

быть въ дѣйствительности: длительные интересы помѣстнаго сословія настоятельно взывали и нынѣ не перестаютъ взывать «къ лучшему устройству хозяйственныхъ заведеній». Но этого требуютъ длительные интересы сословія, и притомъ взятаго въ его совокупности, въ общемъ рядѣ его преемственныхъ поколѣній. Не то говорили и говорятъ переходящіе интересы отдѣльныхъ лицъ. Потребности минуты, нужды даннаго времени заслоняли выгоды будущаго и въ громадномъ большинствѣ случаевъ всецѣло поглощали какъ заботы владѣльцевъ, такъ и предоставленныя имъ для поднїтя хозяйства денежныя средства. Но при такихъ условїяхъ удовлетвореніе временныхъ нуждъ землевладѣльцевъ совершалось за счетъ ихъ будущихъ потребностей, ибо сопряжено было не съ приращеніемъ доходности земли, а производилось, наоборотъ, за счетъ ея основной стоимости. Между тѣмъ, владѣльцы съ этимъ не могли примириться. Сохранивъ въ своемъ полномъ распоряженіи прежнія по пространству владѣнія, они ожидали отъ нихъ и прежнихъ доходовъ, т. е., иначе говоря, предъявляли къ землѣ усиленныя требованія, какъ будто полученныя за ея счетъ деньги не ослабили ее, а, наоборотъ, оплодотворили. Словомъ, изъ года въ годъ на пространствѣ полутора вѣковъ происходило роковое недоразумѣніе: государственная власть, въ стремленіи поднять земледѣліе, открывала помѣстному сословію широкій доступъ къ денежнымъ средствамъ. Но деньги эти поступали не на пользу земледѣлія и, поглощаясь потребностями минуты, въ конечномъ результатѣ ложились тяжелымъ гнетомъ какъ на сословіе, такъ и на основу его крѣпости и значенія — землю.

Произошло это недоразумѣніе отъ перемѣненія причины съ слѣдствіемъ. Исходили изъ того убѣжденія, что освобожденные отъ денежныхъ затрудненій землевладѣльцы, въ свою очередь, освободятъ и землю отъ непосильныхъ требованій. На дѣлѣ же лишь повышенная, при посредствѣ денегъ, въ своей производительности земля можетъ поддержать стѣсненнаго въ средствахъ владѣльца. Оказалось необходимымъ обособить землю отъ исторически въ нашемъ общественномъ сознаніи сливагося съ нею воедино — владѣльца ея. Жизнь все настоятельнѣе требовала не поддержаніе сельскаго хозяйства, а поддержаніе и развитіе самого сельскохозяйственнаго промысла.

Осуществленіе этого нынѣ возвѣщено Державнымъ Хозяиномъ земли русской. Учрежденному по Высочайшему повелѣнію, изъ высшихъ должностныхъ лицъ имперіи, Особому Совѣщанію поставлено цѣлью «выясненіе нуждъ сельскохозяйственной промышленности и соображеніе мѣръ, направленныхъ на пользу этой промышленности», совершенно независимо отъ лицъ и сословій, занятыхъ ею. Открывая дѣйствія Совѣщанія, предсѣдатель его именно на это и указалъ, заявивъ, что выраженная при учреженіи Совѣщанія «Высочайшая воля вполне ясна и понятна» и что, согласно ей, потребности сельскохозяйственной промышленности подлежатъ изслѣдованію «во всей ихъ совокупности, не дѣлая никакого различія между отдѣльными группами занимающагося земледѣльческимъ промысломъ населенія». И этотъ приемъ, конечно, единственный для правильнаго разрѣшенія Высочайше указанной задачи. Лучшимъ же залогомъ плодотворности трудовъ Особаго Совѣщанія и мѣръ,

имѣющихъ имъ быть выработанными, служить принятый Совѣщаніемъ порядокъ дѣйствій, а именно предварительный опросъ мнѣнія тѣхъ, «кто близко стоитъ къ земледѣлю и кому лучше всего извѣстны его слабыя стороны и насущныя требованія».

Такимъ образомъ, нынѣ отъ представителей самого сельскохозяйственнаго промысла, въ значительной мѣрѣ, зависитъ успѣшное разрѣшеніе столь близко касающагося ихъ дѣла. При подобныхъ условіяхъ разъясненіе этого вопроса, въ мѣрѣ ихъ силъ и разумѣнія, отдѣльными лицами должно быть также признано желательнымъ. Сколь бы не были слабы сдѣланныя ими въ этомъ направленіи попытки, какъ бы не были ошибочны ихъ конечные выводы, но коль скоро мысли ихъ внушены лишь однимъ желаніемъ выяснитъ истинныя причины испытываемыхъ нашимъ сельскимъ хозяйствомъ недуговъ, онѣ, хотя бы и въ ничтожнѣйшихъ размѣрахъ, могутъ лишь содѣйствовать полнѣйшему освѣщенію поставленной задачи.

Такое убѣжденіе даетъ намъ смѣлость принести и нашу посильную лепту на пользу этого дѣла.

I.

Происходятъ ли голодовки отъ пониженія урожайности нашихъ земель?

Начальный годъ XX вѣка ознаменовался для Россіи необходимостью вновь прибѣгнуть къ особымъ мѣрамъ для обезпеченія продовольственными средствами народонаселенія большинства именуемыхъ хлѣбородными губерній. Къ явленію этому мы настолько привыкли въ концѣ минувшаго вѣка; что оно никого уже болѣе не поражаетъ. Не служитъ оно даже темой для газетныхъ статей—лучшее доказательство, что оно не только потеряло интересъ новизны, но не представляетъ и благодарной почвы для разслѣдованія причинъ его возникновенія.

Всѣмъ представляется очевиднымъ, что періодическія, все чаще повторяющіяся голодовки въ земледѣльческихъ губерніяхъ происходятъ вслѣдствіе пониженія средней урожайности нашего чернозема. Между тѣмъ, имѣющіяся по сему предмету данныя этого обстоятельства вовсе не свидѣтельствуютъ. Такъ, въ десятилѣтіе съ 1883 по 1892 г. сборъ одиннадцати хлѣ-

бовъ въ 50 губерніяхъ Европейской Россіи, въ среднемъ на одну десятину, за исключеніемъ сѣмянъ, равнялся 27,5 п., а въ десятилѣтіе съ 1888 по 1898 г. тотъ же сборъ достигъ 32,3 пуда—фактъ тѣмъ болѣе знаменательный, что неурожайные 1891 и 1892 гг. вошли въ оба означенные періода. Наконецъ, если принять во вниманіе, что сборъ хлѣбовъ въ среднемъ за всѣ означенныя 16 лѣтъ равнялся 30,3 пуд. съ десятины, то окажется, что за первыя 10 лѣтъ указаннаго періода онъ на три пуда не достигалъ этого размѣра, а за послѣднее десятилѣтіе тѣхъ же годовъ на 2,5 п. превышалъ его ¹⁾.

Такимъ образомъ, урожайность послѣдняго десятилѣтія, единогласно признаваемая ненормально низкой, при сопоставленіи ея съ урожайностью прежнихъ лѣтъ, этого взгляда вовсе не подтверждаетъ.

Не наблюдается, равнымъ образомъ, за послѣднее десятилѣтіе и большихъ колебаній въ размѣрахъ урожаяевъ по отдѣльнымъ годамъ. Если раздѣлить указанный шестнадцатилѣтній періодъ пополамъ, то окажется, что количество неурожайныхъ лѣтъ въ первой его половинѣ не уступало количеству ихъ во второй. Въ каждой изъ нихъ было по три неурожайныхъ года, а именно въ первой—годы 1883, 1886 и 1889, а во второй—1891, 1892 и 1897.

Но, быть можетъ, урожай хлѣбовъ, повысившись въ среднемъ для всей Россіи, понизился для тѣхъ ея мѣстностей, въ которыхъ все чаще приходится при-

¹⁾ Свѣдѣнія о сборѣ хлѣбовъ заимствованы изъ труда г. Лохтина: «Состояніе сельскаго хозяйства въ Россіи», гдѣ они выведены на основаніи официальныхъ данныхъ.

нимать особыя мѣры для снабженія населенія сѣмнами и продовольствіемъ. Факты, однако, и этого не подтверждаютъ. Слѣдующая таблица указываетъ средній урожай ржи и овса безъ вычета сѣмянъ, какъ на владѣльческихъ, такъ и на крестьянскихъ надѣльныхъ земляхъ за время съ 1883 по 1900 гг., какъ за всѣ эти 18 лѣтъ, такъ и за первое и послѣднее десятилѣтіе того же срока по губерніямъ Тульской, Курской, Воронежской, Саратовской, Оренбургской и Уфимской. Мы остановились на этихъ именно губерніяхъ, какъ на типичныхъ представителяхъ центра, средняго Поволжья и крайняго востока Россіи. Данныя по остальнымъ губерніямъ приводятъ къ совершенно тождественнымъ выводамъ.

СРЕДНІЙ УРОЖАЙ.

		за 1883— 1900 гг.	за 1883— 1892 гг.	за 1891— 1900 гг.
Тульская . . .	Рожь . . .	{ кр. 44,5	40,7	44,5
		{ вл. 51,5	42,3	51,8
	Овесъ . . .	{ кр. 41	37,4	41,5
		{ вл. 49,3	44,1	51,3
Курская	Рожь . . .	{ кр. 43,8	34,7	45,5
		{ вл. 51,5	45,6	56
	Овесъ . . .	{ кр. 34,8	27	35,2
		{ вл. 46,4	41,3	41,1
Воронежская . .	Рожь . . .	{ кр. 43,9	39,4	42,4
		{ вл. 55,1	49,8	54,2
	Овесъ . . .	{ кр. 36,6	32,3	36,2
		{ вл. 47,5	42,6	47,4
Саратовская . .	Рожь . . .	{ кр. 39	34,4	40,6
		{ вл. 50,8	44,2	54,4
	Овесъ . . .	{ кр. 33,9	30,1	35
		{ вл. 44	37,5	47,9
Оренбургская . .	Рожь . . .	{ кр. 33,1	30,8	32,1
		{ вл. 38,4	37,5	39,1
	Овесъ . . .	{ кр. 37,9	37	36,5
		{ вл. 41,9	38,2	42,4
Уфимская	Рожь . . .	{ кр. 41	37,3	44,2
		{ вл. 49,7	46,2	53,5
	Овесъ . . .	{ кр. 40,5	33,4	45
		{ вл. 44,5	36,9	51

Изъ таблицы этой легко усмотрѣть, что средній урожай, какъ на крестьянскихъ надѣльныхъ, такъ и на владѣльческихъ земляхъ, въ перечисленныхъ губерніяхъ за послѣднее десятилѣтіе не только выше урожая за десятилѣтіе съ 1883—1892 гг., но выше средняго урожая за всѣ 18 лѣтъ¹⁾.

Что же касается времени, предшествующаго 1883 г., то свѣдѣнія о немъ даетъ составленное г. Полѣновымъ

¹⁾ Полное подтвержденіе этого мы нашли уже во время печатанія этихъ строкъ въ помѣщенной въ № 9329 «Новаго Времени» отъ 17-го февраля 1902 г. статьѣ кн. Кудашева «Спячка ли?». Въ этой статьѣ приведена слѣдующая по этому вопросу таблица, составленная по матеріаламъ, собраннымъ отдѣломъ сельской экономіи и сельскохозяйственной статистики Министерства Земледѣлія, которую мы рѣшаемся привести цѣликомъ:

Приростъ за 15 лѣтъ въ проц. урожая съ 1 дес. посѣва.

ВЪ ГУБЕРНІЯХЪ.	Р о ж ь.		Пшеница.		О в е с ь.	
	У владѣльц.	У крестьянъ.	У владѣльц.	У крестьянъ.	У владѣльц.	У крестьянъ.
Черноземныхъ	+ 8 ⁰	+15 ⁰	+ 4 ^{1/2}	— 12	+ 5 ^{1/2}	0
Средневожскихъ	+38	+47	+25	+ 12	+35	+28
Нижневожскихъ	+38	+33	+58	+100	+24	+36
Новороссійскихъ	+ 5 ^{1/2}	+21	+20	+ 83	+14	+18
Юго-Западныхъ	+36	+30	+36	+ 27	+40	+21
Малороссійскихъ	+37	+24	+22	+ 18	+24	+20
Промышленныхъ	+32	+20	+10	+ 5	+ 9	0
Бѣлорусскихъ	+30	+28	+11	+ 6	+18	+ 7
Литовскихъ	+42	+30	+ 9	+ 19	+25	+18
Прибалтійскихъ	0	+15	+16	+ 17	+ 5	—18

«Ислѣдованіе экономическаго положенія центрально-черноземныхъ губерній». Въ трудѣ этомъ имѣется, между прочимъ, таблица, указывающая количество посеяннаго и собраннаго хлѣба (ржи, овса, пшеницы и ячменя) на каждую тысячу душъ населенія, по пятилѣтіямъ съ 1861 по 1895 гг. Таблица эта имѣетъ собственно въ виду доказать, что сборъ четырехъ главнѣйшихъ хлѣбовъ въ абсолютныхъ цифрахъ по отношенію къ численности населенія за 35 лѣтъ, съ 1861 по 1895 гг., постепенно уменьшался, при чемъ это уменьшеніе сказалось особенно рѣзко въ центрально-черноземныхъ губерніяхъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ она доказываетъ, что собственно урожайность нашихъ земель въ этотъ періодъ неуклонно повышалась. Размѣръ сбора хлѣбовъ въ отношеніи къ высѣянному зерну съ каждымъ пятилѣтіемъ становится выше и опять-таки не только по отношенію ко всѣмъ 50 губерніямъ Европейской Россіи, но въ равной степени и по каждому изъ отдѣльныхъ ея раіоновъ. Такъ, въ центрѣ въ первое пятилѣтіе послѣ освобожденія крестьянъ урожайность была самъ -3,4 и, постепенно повышаясь, достигла въ пятилѣтіе 1886—1890 гг. - 4,5; на востокѣ за то же время урожай отъ самъ-2,8 увеличился до самъ-4.

Совокупность приведенныхъ свѣдѣній въ корнѣ подрываетъ правильность столь распространеннаго у насъ убѣжденія въ пониженіи урожая въ нашемъ черноземѣ и тѣмъ самымъ доказываетъ, что объ истощеніи нашей почвы, на что многіе нынѣ такъ усиленно напирать, говорить едва ли приходится.

Конечно, если сравнивать старопашатныя земли съ вѣковой залежью, то плодородіе послѣдней значи-

тельно выше. Но долго ли наблюдается эта разница? Нѣсколько лѣтъ воздѣлыванія залежей подь культурныя растенія вполне ихъ уравниваютъ съ старопашной, о чемъ возможно судить по современной урожайности тѣхъ изъ нашихъ черноземныхъ областей, въ которыхъ значительное большинство пахатной площади засѣвается лишь съ весьма недавняго времени. Такъ, на примѣръ, въ Уфимской губерніи съ конца шестидесятыхъ годовъ и до 1887 г. подь культуру поступило до двухъ милліоновъ десятинъ залежи, которые и составили до $\frac{4}{5}$ всей площади пахатныхъ земель въ этой губерніи¹⁾. Очевидно, что объ истощеніи этихъ земель говорить, по меньшей мѣрѣ, преждевременно: половина изъ нихъ воздѣлывалась въ теченіе не болѣе десяти лѣтъ, да и вся остальная часть едва ли поступила подь обработку, въ виду господствующей тамъ еще и понынѣ залежной системы хозяйства, болѣе нежели за двадцать лѣтъ назадъ.

Между тѣмъ оказывается, что средняя урожайность земель въ Уфимской губерніи за десятилѣтіе съ 1883 по 1892 гг. не только не превышала средней урожайности въ тѣхъ изъ черноземныхъ губерній, большинство земель которыхъ обрабатывается въ теченіе зна-

¹⁾ По даннымъ изданнаго въ 1869 г. Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ сельскохозяйственнаго атласа пахатной земли въ Уфимской губерніи было всего 563.000 десятинъ, а по произведенной въ 1887 г. переписи земельной собственности площадь одной лишь засѣянной земли въ той же губерніи превышала 1,715,000 десятинъ, что и даетъ право полагать, что всей пахоти было не менѣе двухъ съ половиной милліоновъ десятинъ, такъ какъ подь паромъ не могло быть менѣе половины засѣянной площади.

чительно болѣе продолжительнаго времени, но даже нѣсколько уступала имъ. Такъ, для ржи средней урожай за указанный періодъ опредѣлился для Уфимской губерніи въ 39,2 пуда съ десятины, а для губерній: Орловской и Курской — 42,9, Тульской — 43,8, Рязанской — 46,5 пуд., при средней урожайности для всѣхъ 50 губерній Европейской Россіи въ 38,2 пуд.

Едва ли послѣ этого возможно утверждать, что нашъ черноземъ въ центральныхъ земледѣльческихъ губерніяхъ замѣтно отошелъ по своей производительности отъ вѣковыхъ залежей, т. е. отъ земель, завѣдомо не истощенныхъ. Говорить объ истощеніи почвы въ теченіе десяти лѣтъ, конечно, нѣтъ возможности. Происходящія за это время измѣненія въ химическомъ составѣ почвы столь незначительны, что имѣть какое-либо вліяніе на производительность ея положительно не могутъ. По свидѣтельству профессора Менделѣева (Мысли о развитіи сельскохозяйственной промышленности), произведенные въ недавнее время опыты такъ называемой водяной, т. е. безпочвенной культуры злаковъ, вполне доказали, что количество необходимыхъ для развитія растений собственно матеріальныхъ почвенныхъ частицъ до крайности мало и это не только по отношенію къ почвѣ, но и въ отношеніи къ произведенному ею количеству урожая: какіе-то граммы на цѣлые тонны продукта.

Одно то обстоятельство, что земли, воздѣлываемыя въ теченіе 25 лѣтъ и нѣсколькихъ вѣковъ, не отличаются по своей производительности, достаточно указываетъ, что о какомъ-либо истощеніи нашей почвы, подразумѣвая подь послѣднимъ ослабленіе ея естественнаго плодородія, и рѣчи быть не мо-

жетъ. Ненормальной или вѣрнѣе сверхнормальной надлежитъ, наоборотъ, признать урожайность вѣковыхъ залежей при ихъ первоначальной утилизаціи подъ культурныя растенія. Отчего именно она происходитъ, въ научномъ отношеніи представляетъ, конечно, вопросъ первостепенной важности. Но какъ бы онъ ни былъ рѣшенъ, а именно происходитъ ли это вслѣдствіе особаго физическаго строенія вѣковыхъ залежей, или же вслѣдствіе бѣльшаго богатства ихъ въ микроорганизмахъ, этихъ, судя по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, переработывателей необходимыхъ для жизни растеній составныхъ частей почвы въ удобоусвояемый ими видъ, несомнѣнно одно, что признана нормальной урожайность цѣлины быть не можетъ. Человѣчество, все болѣе принуждаемое пользоваться для полученія достаточнаго количества продовольственныхъ средствъ каждымъ клочкомъ земельной поверхности нашей планеты, очевидно, не можетъ основывать свое земледѣліе на свойствахъ дѣвственныхъ земель. Свойствами почвы естественными или, по крайней мѣрѣ, нормальными для человечества должны, конечно, быть признаны не тѣ, которыя длятся въ теченіе одного или даже нѣсколькихъ десятилѣтій, а которыя болѣе или менѣе неизмѣнны въ теченіе весьма продолжительнаго времени.

Но если современная урожайность нашихъ почвъ не представляетъ какихъ-либо существенныхъ отклоненій отъ естественной нормы и что средній урожай на единицу земельной поверхности обнаруживаетъ склонность, хотя правда незначительную, къ повышенію, а не къ пониженію, то какъ же примирить это обстоятельство съ другими фактами народной жизни,

наглядно доказывающими съ каждымъ годомъ все рѣзче обозначающійся упадокъ крестьянскаго благосостоянія во многихъ земледѣльческихъ губерніяхъ? Чѣмъ объяснить все чаще появляющуюся необходимость въ принятіи особыхъ мѣръ для обезпеченія населенія въ буквальномъ смыслѣ отъ голодной смерти? Гдѣ видѣть причины, по которымъ населеніе до 1891 г. хотя по временамъ и снабжалось хлѣбными ссудами, но однако въ размѣрахъ въ общемъ настолько скромныхъ, что для удовлетворенія ихъ въ большинствѣ случаевъ хватало мѣстныхъ хлѣбныхъ запасовъ?

Очевидно, что причины этихъ явленій имѣютъ болѣе глубокія основанія, при чемъ возникновеніе ихъ несомнѣнно относится ко времени, значительно предшествующему наблюдаемому нынѣ обостренію народной нужды.

II.

Степень и причины оскуднѣнія крестьянства въ различныхъ районахъ земледѣльской области.

Для выясненія причинъ оскуднѣнія крестьянъ земледѣльской области необходимо прежде всего съ возможной точностью опредѣлить, въ какихъ именно мѣстностяхъ ея оно всего рѣзче обнаружилось, и одновременно попытаться установить начало его возникновенія.

Всеобщее признанное оскуднѣніе центра Имперіи, казалось бы, освобождаетъ отъ этой необходимости. Доказывать доказанное значитъ ломиться въ открытую дверь. На дѣлѣ однако оказывается, что существуетъ область, находящаяся еще въ худшемъ положеніи, нежели ядро государства, а именно весь востокъ хлѣбородной области. Обойти этотъ вопросъ, слѣдовательно, нельзя.

Отсутствіе сколько-нибудь обширныхъ, по обхвату, имѣемому ими району, изслѣдованій экономическаго быта сельскаго населенія, какъ при переходѣ его къ свободному состоянію, такъ и въ настоящее время, конечно, затрудняетъ выясненіе истинныхъ размѣровъ.

оскуднѣнія крестьянства въ различныхъ областяхъ Имперіи. Приходится поневолю ограничиться данными болѣе общаго порядка, лишь косвенно свидѣтельствующими о степени зажиточности крестьянъ, какъ, напримеръ, свѣдѣніями о недоимкахъ по окладнымъ сборамъ, количествѣ крестьянскихъ безлошадныхъ дворовъ и наличности хлѣбныхъ запасовъ въ общественныхъ магазинахъ. Но зато эти свѣдѣнія приведены въ полный порядокъ въ составленномъ г. Полѣновымъ изслѣдованіи экономическаго положенія центрально-черноземныхъ губерній, при чемъ они сгруппированы по отдѣльнымъ районамъ Европейской Россіи и, слѣдовательно, вполне отвѣчаютъ указанной цѣли.

Относительно поступленія окладныхъ сборовъ данныя въ названномъ трудѣ имѣются за 28 лѣтъ, съ 1871 по 1898 гг.—время, совершенно достаточное, дабы дать полную картину постепеннаго измѣненія размѣровъ недоимокъ по нимъ. Изъ нихъ прежде всего выясняется, что до 1880 г. недоимки, не достигая вообще значительныхъ размѣровъ, распредѣлялись между отдѣльными мѣстностями болѣе или менѣе равномерно. Привилегированное положеніе занимали лишь центръ и юго-западъ, гдѣ недоимки составляли всего 10% и 13% оклада. Въ остальныхъ районахъ онѣ колебались въ предѣлахъ отъ 22 до 46%.

Иную картину представляютъ послѣдующіе годы. Такъ, уже съ начала 80-хъ годовъ первенство по недоимочности занимаютъ губерніи востока. Стойко охраняя это положеніе, онѣ доводятъ свои недоимки къ 1898 г. до 232% оклада. За ними слѣдомъ, однако лишь со второй половины 80-хъ годовъ, идутъ губерніи центра: недоимка по нимъ составляла въ 1898 г. 177%

оклада. Слабое поступленіе окладныхъ сборовъ наблюдается затѣмъ и въ губерніяхъ промышленныхъ (86⁰/₀) и, наконецъ, въ Малороссіи (27⁰/₀).

Наоборотъ, въ губерніяхъ сѣверныхъ, сѣверо и юго-западныхъ и южныхъ недоимочность замѣтно понижается; на сѣверѣ она съ половины оклада падаетъ до одной трети его, а во всѣхъ остальныхъ губерніяхъ этой группы до 8⁰/₀.

Приведенныя свѣдѣнія съ необыкновенной выпуклостью выставляютъ то обстоятельство, что крестьянство всей сѣверной Россіи, въ которой, на ряду съ земледѣліемъ, существуютъ и другія многочисленныя отрасли труда, судя по размѣрамъ накопившихся за нимъ недоимокъ, не испытало за послѣднія 30 лѣтъ особыхъ потрясеній въ экономическомъ отношеніи.

Иное представляетъ область черноземная. Она подраздѣлилась на три отдѣльныя части, изъ которыхъ двѣ рѣзко отличаются между собой, а третья составляетъ какъ бы переходную между ними ступень. Въ губерніяхъ центральныхъ и восточныхъ произошло чудовищное накопленіе недоимокъ, въ Малороссіи недоимки хотя и удвоились (съ 14⁰/₀ до 27⁰/₀), но все же не достигли значительныхъ размѣровъ. На югѣ же и юго-западѣ, наоборотъ, произошло замѣтное уменьшеніе недоимочности.

Тѣ же данныя указываютъ, что начальнымъ періодомъ пониженія благосостоянія центра и востока является пятилѣтіе съ 1881 по 1885 гг.— обстоятельство тѣмъ болѣе знаменательное, что именно въ это время, точнѣе въ періодъ съ 1880 по 1887 гг., окладные сборы съ крестьянскаго населенія были значительно уменьшены, а именно въ предѣлахъ до 20⁰/₀

общаго ихъ количества (съ 190 мил. руб. въ 1880 г. до 153 мил. руб. въ 1887 г.).

Къ подобному же заключенію приводятъ свѣдѣнія о размѣрахъ хлѣбныхъ запасовъ въ общественныхъ продовольственныхъ магазинахъ за время съ 1861 по 1895 гг. Изъ нихъ выясняется, что запасы эти собственно въ предѣлахъ черноземной области уменьшились всего болѣе въ центрѣ, а именно до трети ихъ количества въ 1861 г., при чемъ убыль сказалась всего рѣзче опять-таки въ періодъ съ 1881 по 1885 гг. Далѣе идутъ восточныя губерніи, гдѣ запасы уменьшились на половину, засимъ малороссійскія и юго-западная, гдѣ они сократились въ первыхъ лишь на 22⁰/₀, а во вторыхъ еще меньше, всего на 16⁰/₀. Наконецъ, въ южныхъ губерніяхъ хлѣбные запасы, наоборотъ, увеличились, правда, лишь на 2⁰/₀.

Свѣдѣнія о коневодствѣ страдаютъ, къ сожалѣнію, недостаточной полнотой. Въ трудѣ г. Полѣнова они имѣются всего лишь за два срока, а именно за 1882 г. и за 1888—1891 гг., не считая, впрочемъ, данныхъ военно-конской переписи за 1893 и 1894 гг., которая, къ сожалѣнію, по многимъ губерніямъ и въ томъ числѣ по всѣмъ южнымъ произведена не была. Сопоставленіе свѣдѣній о крестьянскомъ коневодствѣ, относящихся къ 1882 г., съ такими же за 1889—1891 гг. даетъ въ смыслѣ характеристики крестьянскаго благосостоянія въ различныхъ раіонахъ Россіи совершенно однородные съ предыдущими результаты. Такъ, процентное отношеніе безлошадныхъ крестьянскихъ дворовъ къ общему ихъ количеству въ сѣверныхъ такъ же, какъ въ малороссійскихъ, южныхъ и юго-западныхъ губерніяхъ, осталось почти безъ измѣненія, въ сѣверо-за-

падныхъ нѣсколько уменьшилось (на 0,7⁰/₀), наоборотъ, въ восточныхъ чувствительно увеличилось, а именно на 3,7⁰/₀. Что же касается центрально-черноземныхъ губерній, то количество безлошадныхъ дворовъ по нѣкоторымъ изъ нихъ уменьшилось (Воронежская, Орловская, Рязанская), для большинства же также повысилось въ предѣлахъ отъ 0,5⁰/₀ до 3,3⁰/₀. Такимъ образомъ, здѣсь не столь рѣзко сказалось оскудѣніе. Но если количество безлошадныхъ хозяйствъ въ центрѣ и на востокѣ не особенно увеличилось, зато среднее количество лошадей на одинъ лошадный дворъ замѣтно понизилось.

Обстоятельство это, еще въ бѣльшей степени подтверждаемое свѣдѣніями военно-конской переписи 1893—1894 гг., вполне основательно приводитъ составителя изслѣдованія къ тому заключенію, что сильныя крестьянскія хозяйства все болѣе упраздняются и замѣняются хозяйствами, едва способными къ полевой работѣ.

Для полноты картины не бесполезно привести свѣдѣнія о недоимкахъ платежей Крестьянскому поземельному банку съ 1886 до 1895 гг., также имѣющіяся въ составленномъ г. Полъновымъ изслѣдованіи. Приведемъ эти свѣдѣнія здѣсь въ ‰ отношении недоимки къ суммѣ срочныхъ платежей, ограничившись первымъ, среднимъ и послѣднимъ годами указаннаго десятилѣтія.

ГРУППЫ ГУБЕРНІЙ.	‰ отношеніе недоимки къ суммѣ срочныхъ платежей.		
	1886 г.	1890 г.	1895 г.
Сѣверныя	4	12	33
Сѣв.-Западныя	9	4	6
Юго-Западныя	1	5	7
Промышленныя	10	10	22
Центр.-Черноземныя	41	98	146
Восточныя	22	95	90
Южныя	46	46	24
Малороссійскія	39	53	67
Всего по Европ. Россіи	26	52	66

Какъ видимъ, и эти данныя не звучатъ диссонансомъ въ общемъ дружномъ хорѣ показателей оскудѣнія востока и центра Россіи. Если по нимъ востокъ уступилъ первое мѣсто центру, то это слѣдуетъ объяснить значительной разницей въ покупныхъ цѣнахъ на землю въ этихъ двухъ раіонахъ. Въ губерніяхъ восточныхъ цѣна эта болѣе чѣмъ на 50⁰/₀ ниже существующей въ губерніяхъ центра. Естественно, что наиболѣе неисправными плательщиками банка оказались крестьяне, купившіе земли по высшей цѣнѣ.

Такимъ образомъ, въ губерніяхъ южныхъ и юго-западныхъ упадка крестьянскаго благосостоянія не наблюдается вовсе, въ Малороссіи оно слабо выражено, ясно же опредѣлилось лишь въ центрѣ и на востокѣ, при чемъ первенство въ этомъ отношеніи принадлежитъ послѣднему. Принимая во вниманіе, что начало упадка крестьянскаго благосостоянія въ указанныхъ мѣстностяхъ относится къ періоду съ 1881 по 1885 гг. и что именно въ это время произошло рѣзкое измѣненіе въ цѣнахъ на хлѣбъ, естественно возникаетъ мысль, нѣтъ ли причинной связи между этими двумя явленіями, не правы ли тѣ, которые утверждаютъ, что крестьянство страдаетъ, главнымъ образомъ, отъ обезцѣненія продуктовъ земледѣлія? Подобное объясненіе представляется уже а priori тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что въ особенности понизилась расцѣнка сѣрыхъ хлѣбовъ, производимыхъ на продажу именно въ центрѣ и на востокѣ.

Дѣйствительно, при опредѣленіи выручаемыхъ крестьянами отдѣльныхъ мѣстностей черноземной области цѣнъ за хлѣбъ необходимо помнить, что по различнымъ раіонамъ крестьянами продаются не одно-

родные хлѣба. Тогда какъ въ губерніяхъ центральныхъ и восточныхъ, за исключеніемъ Самарской и Оренбургской, крестьяне продаютъ почти исключительно одни сѣрые хлѣба—рожь и овесъ, наоборотъ, въ южныхъ губерніяхъ предметомъ продажи является преимущественно пшеница. Въ свою очередь, губерніи малороссійскія, за исключеніемъ Черниговской, и юго-западная, кромѣ Волынской, занимаютъ среднее положеніе, продавая какъ сѣрые хлѣба, такъ и пшеницу приблизительно въ равныхъ частяхъ.

Въ этомъ легко убѣдиться посредствомъ сопоставленія процентнаго отношенія площади крестьянскихъ пшеничныхъ посѣвовъ съ общимъ количествомъ засѣваемой ими земли по отдѣльнымъ районамъ.

Въ большинствѣ губерній центра и востока пшеничные посѣвы не превышаютъ 40% общей посѣвной площади, достигая 150% лишь въ Саратовской и Воронежской губерніяхъ и превышая эту норму исключительно въ губерніяхъ Самарской и Оренбургской. Совершенно иную картину представляютъ губерніи южныя. Тамъ пшеничные посѣвы колеблются въ предѣлахъ отъ 40 до 500% общаго количества засѣянной земли. Въ одной лишь Бессарабской губерніи они падаютъ до 380%, но разница эта болѣе чѣмъ возмѣщается тѣмъ, что въ этой губерніи широко распространена культура кукурузы (до 270% всей посѣвной площади), которая, по цѣнѣ, не многимъ уступаетъ пшеницѣ. Наконецъ, въ губерніяхъ малороссійскихъ и юго-западныхъ подъ пшеницу поступаетъ отъ $\frac{1}{5}$ до $\frac{1}{4}$ всей засѣваемой крестьянами земли, кромѣ Волынской и Черниговской губерній, гдѣ посѣвы эти равня-

ются въ первой 80%, а во второй всего лишь 10% крестьянскаго посѣва¹⁾.

Такъ какъ крестьяне оставляютъ для личнаго потребленія болѣе дешевые хлѣба и болѣе половины своего урожая они ни въ какомъ случаѣ продавать не въ состояніи, то мы едва ли ошибемся, если признаемъ, что наиболѣе близкимъ къ дѣйствительности показателемъ продажной цѣны крестьянскаго хлѣба можетъ служить: въ губерніяхъ центра и востока—средняя цѣна между рожью и овсомъ, для южныхъ—цѣна на пшеницу, а для малороссійскихъ и юго-западныхъ—средняя цѣна между рожью и пшеницею. Попытаемся теперь опредѣлить, въ какой степени отразилось въ различныхъ районахъ земледѣльческой области происшедшее за послѣднія двадцать лѣтъ измѣненіе въ денежныхъ ставкахъ на хлѣбъ.

Слѣдующая таблица заключаетъ характеристику цѣнъ за 1881—1887 гг. и за 1893—1896 гг., періодъ, избранный нами, какъ ознаменовавшійся наиболѣе низкими за всѣ послѣднія 20 лѣтъ цѣнами на хлѣбъ. Послѣдняя графа таблицы указываетъ среднюю продажную цѣну одного пуда крестьянскаго хлѣба въ эти періоды въ различныхъ мѣстностяхъ. При этомъ цѣны Уфы, Самары и Саратова слѣдуетъ признать въ общемъ соответствующими цѣнамъ, господствующимъ во всемъ восточномъ районѣ; Воронежа, Козлова и Ельца—въ центрально-черноземныхъ губ.; Кіева и Полтавы—въ юго-западныхъ и малороссійскихъ, а Ростова-на-Дону и Одессы—въ южныхъ.

¹⁾ По изд. Центр. Стат. Комит. «Посѣвныя площади по 50 губерніямъ Европ. Россіи». 1901 г.

ГОРОДА.	ХЛѢБА.	Нижнія цѣны на хлѣбъ въ среднемъ.						
		Въ 1881 г.	Въ среднемъ за 1881—1887 гг.		Въ 1893—1896 гг.	Цѣна, вырученная крестьянами за пудъ проданнаго ими хлѣба.		
			Въ 1881 г.	Въ среднемъ за 1881—1887 гг.		Въ 1896 г.	Въ 1896 г. въ % къ цѣнѣ 1881 г.	
Уфа . . .	Рожь . .	64	45	22	56	38,5	24	43
	Овесъ . .	38	32	26				
Самара .	Рожь . .	90	54	23	74,5	49,5	26	34,9
	Овесъ . .	59	45	29				
Саратовъ .	Рожь . .	103	59	24	80,5	54	27	33,5
	Овесъ . .	58	49	30				
Воронежъ	Рожь . .	100	60	30	83	54,5	32	38
	Овесъ . .	66	49	34				
Козловъ .	Рожь . .	100	61	29	81,5	55	30	36,8
	Овесъ . .	63	49	31				
Елецъ . .	Рожь . .	97	66	27	79	58	30	38
	Овесъ . .	59	51	33				
Полтава .	Рожь . .	92	61	32	95,5	73	49	51
	Пшеница .	99	85	66				
Кіевъ . .	Рожь . .	83	59	38	99	73,5	53	53,5
	Пшеница .	115	88	68				
Ростовъ - на-Дону .	Пшеница .	125	94	69	125	94	69	55,5
Одесса . .	Пшеница .	125	95	79	125	95	79	63,5

Приведенныя свѣдѣнія свидѣтельствуютъ не только о громадномъ превосходствѣ хлѣбныхъ цѣнъ въ тѣхъ районахъ земледѣльческой области, гдѣ не обнаруживается упадка крестьянскаго благосостоянія; они, кромѣ того, указываютъ, что въ то время, какъ въ центрѣ и на востокъ рыночная стоимость продажнаго пуда крестьянскихъ хлѣбовъ къ 1893—96 гг. упала прибли-

зительно до $\frac{1}{3}$ ихъ стоимости, въ 1881 г. въ южныхъ губерніяхъ пониженіе это въ общемъ не достигло 50%.

Наряду съ этимъ, приведенная таблица наглядно указываетъ, насколько хлѣбная цѣна въ тѣхъ мѣстностяхъ Россіи, которая вывозятъ часть своего урожая, всецѣло зависитъ отъ степени ихъ удаленности отъ границъ Западной Европы или крупныхъ экспортныхъ рынковъ, соотвѣтственно чему хлѣбъ расцѣнивается у насъ всего дешевле въ восточныхъ губерніяхъ, а затѣмъ въ черноземныхъ. Наконецъ, тѣ же свѣдѣнія, выставяя разницу между условіями крестьянскаго земледѣлія въ различныхъ районахъ черноземной области, даютъ возможность окончательно остановиться на причинахъ, вызвавшихъ оскудѣніе сельскаго люда въ центрѣ и на востокъ. Причина эта совершенно ясна—крайнее пониженіе доходности земледѣлія въ этихъ нѣкогда цвѣтущихъ мѣстностяхъ.

III.

Какимъ образомъ удешевленіе продуктовъ земледѣлія повело къ голодовкамъ.

Въ дореформенной Россіи производительность и доходность земли для крестьянъ большинства губерній земледѣльческой области были факторами почти равнозначными. Хозяйство крестьянина въ то время было едва ли не исключительно натуральное. Удовлетворяя почти всѣ свои несложныя потребности издѣліями собственнаго труда, онъ почти не прибѣгалъ къ обмѣну добываемыхъ имъ земледѣльческихъ продуктовъ на произведенія другихъ отраслей промышленности.

Между тѣмъ, количество находившейся въ пользованіи крестьянъ земли было настолько велико, что нормальный сборъ хлѣбовъ не только удовлетворялъ всѣ личныя потребности крестьянской семьи, но давалъ еще нѣкоторый избытокъ, изъ года въ годъ сохранявшійся сельскимъ населеніемъ, потреблявшимъ его въ годы неурожая и пополнявшимъ его въ годы благоприятныя.

Установить существованіе значительныхъ хлѣбныхъ запасовъ въ странѣ въ годы, непосредственно слѣдо-

вавшіе за освобожденіемъ крестьянъ, возможно не на основаніи однихъ только преданій. Удостовериться въ этомъ можно путемъ сравненія количества ежегоднаго чистаго остатка хлѣба на одну душу населенія въ періодъ съ 1860 по 1870 г. и съ 1888 по 1898 г.

За послѣднее десятилѣтіе количество это, получаемое посредствомъ вычитанія изъ общаго чистаго урожая количества вывоза и дѣленія остатка на численность населенія, равнялось, въ среднемъ, 15,72 пуда на душу.

Что же касается перваго десятилѣтія послѣ реформы 19-го февраля, то опредѣлить для него остатокъ хлѣбныхъ запасовъ на душу населенія возможно по слѣдующимъ даннымъ. По вычисленіямъ профессора Янсена («Сравнительная статистика Россіи»), посѣвная площадь въ Европейской Россіи (безъ Финляндіи) къ началу 70-хъ годовъ достигала 52 милліоновъ десятинъ. Принимая, что средній урожай хлѣбовъ не былъ въ то время ниже наблюдаемаго нынѣ, а именно 30,3 пуда съ десятины за вычетомъ сѣмянъ, мы получимъ, что чистый остатокъ хлѣбовъ со всей посѣвной площади достигалъ одного милліарда 576 милліоновъ пудовъ. Исключивъ изъ этого количества средній ежегодный вывозъ хлѣба за тотъ же періодъ времени—по даннымъ изданія Министерства Финансовъ «Россія въ концѣ XIX вѣка»—91 милліонъ пудовъ, получимъ, что для внутренняго потребленія оставалось 1,485 милліоновъ пудовъ хлѣба. Населеніе Европейской Россіи (проф. Янсенъ) въ 1870 г. равнялось 72 мил., слѣдовательно, чистый остатокъ хлѣбовъ на одну душу населенія въ то время достигалъ 20,6 пуда, т. е. превышалъ такой же остатокъ за послѣднія 18 лѣтъ (15,72 пуда) на 4,88 пуда.

Если даже допустить, что потребление хлѣба большинствомъ населенія Имперіи 30 лѣтъ назадъ превосходило существующее нынѣ, то и въ такомъ случаѣ окажется, что въ среднемъ обеспеченность пищевыми продуктами была въ то время значительно бѣльшая. Иначе говоря, урожайные годы должны были оставлять продовольственные запасы, вполне достаточные для пополненія съ ихъ помощью возможнаго недостатка хлѣба при недородахъ. Засимъ само собою разумѣется, что запасы эти сосредоточивались въ земледѣльческихъ губерніяхъ черноземной области, такъ какъ съверъ Россіи уже съ давнихъ поръ не производитъ достаточнаго количества хлѣба для собственнаго прокормленія.

Что же касается тѣхъ рукъ, въ которыхъ сосредоточивались хлѣбные запасы, то существуетъ полное основаніе предполагать, что онѣ были преимущественно крестьянскія. Почти до самой реформы 19-го февраля не только въ губерніяхъ восточныхъ, средне и нижневоложскихъ, но и во многихъ центрально-черноземныхъ помѣщичьихъ хозяйствахъ были преимущественно оброчныя. Фактическое пользованіе землей сосредоточивалось въ крестьянскихъ рукахъ, а, слѣдовательно, въ ихъ же рукахъ оставались и хлѣбные запасы. Уплата оброка, конечно, вызвала необходимость для крестьянина реализаціи части его урожая, но сравнительная незначительность оброка, съ одной стороны, а главнымъ образомъ затруднительность сбыта земледѣльческихъ продуктовъ, при необходимости личной доставки его съ этою цѣлью на весьма отдаленные рынки—съ другой, вели къ созданію и сохраненію хлѣбныхъ запасовъ на мѣстахъ.

Обычай не разставаться немедленно со всѣмъ остаю-

щимся, за удовлетвореніемъ своихъ личныхъ потребностей, избыткомъ собраннаго зерна, служа лучшимъ признакомъ зажиточности крестьянъ центральныхъ и восточныхъ губерній черноземной области и ихъ хозяйственной устойчивости въ періодъ, предшествовавшій освобожденію и непосредственно за нимъ слѣдовавшій, не вызывался исключительно предусмотрительностью крестьянъ, желаніемъ обезпечить себя отъ тяжелой нужды въ неурожайныя лихолѣтія. Подобно всякимъ широко-распространеннымъ явленіямъ народной жизни, обычай этотъ являлся необходимымъ послѣдствіемъ всего экономическаго строя крестьянской жизни того времени.

Но строй этотъ съ начала семидесятыхъ годовъ подвергся коренному измѣненію. Соединеніе сначала центральныхъ, а затѣмъ и восточныхъ губерній Европейской Россіи рельсовыми путями съ Западной Европой открыло обширный рынокъ для сбыта земледѣльческихъ произведеній указанныхъ мѣстностей. Требования на хлѣбъ были настолько значительны, что подняли стоимость его въ этой мѣстности въ нѣсколько разъ. Рядъ благоприятныхъ по урожаямъ лѣтъ, въ связи съ высокими цѣнами на хлѣбъ, передалъ въ руки крестьянства значительныя денежные средства. Послѣднему, несомнѣнно, содѣйствовало и одновременное развитіе сельскохозяйственныхъ заработковъ. Поднятіе цѣнъ на хлѣбъ въ связи съ облегченіемъ его сбыта, какъ извѣстно, привело къ весьма значительному расширенію посѣвной площади во владѣльческихъ хозяйствахъ, усилившему требованіе на рабочія руки. Наконецъ, въ томъ же направленіи дѣйствовала развившаяся въ то же время сдача земель въ крестьян-

скую аренду. Обращение съ деньгами нѣсколько расширило потребности крестьянъ, но главнымъ образомъ приучило ихъ удовлетворять многія свои нужды не личнымъ трудомъ, а путемъ покупки. Последнему, несомнѣнно, способствовали тѣ же желѣзныя дороги: открывъ легкій сбытъ хлѣбу, они вмѣстѣ съ тѣмъ доставили въ обслуживаемыя ими мѣстности дешевыя фабричныя издѣлія. Старыя привычки обходиться домашнимъ платьемъ, домашними утварью и орудіями земледѣлія понемногу исчезли. Въ крестьянскій обиходъ неудержимой струей ворвался дешевый, но, къ сожалѣнію, далеко не всегда доброкачественный фабрикатъ.

Однако, обычай сохранять хлѣбные запасы все еще удерживался въ крестьянскомъ быту. Порожденный, какъ мы указали выше, не исключительно предусмотрительностью крестьянъ, онъ, подобно всякой давно существующей привычкѣ, настолько вкоренился въ крестьянскую жизнь, что устраненіе основной его причины—затруднительности сбыта—далеко не сразу его искоренило.

Тому же, несомнѣнно, способствовали существовавшія въ 70-хъ годахъ высокія цѣны на хлѣбъ. Онъ давали крестьянину возможность выручать достаточныя денежныя средства какъ для уплаты повинностей, такъ и для покупки тѣхъ издѣлій другихъ отраслей труда, которыя онъ ввелъ къ тому времени въ свой обиходъ, не принуждая его продавать въ благоприятные годы весь избытокъ своего урожая. Запасы продолжали сохраняться и даже начавшееся съ 1882 г. паденіе цѣнъ на хлѣбъ не сразу ихъ уничтожило.

Знавшіе центральныя губерніи хлѣбороднаго района въ началѣ 80-хъ годовъ, конечно, засвидѣтель-

ствуютъ наличность этихъ запасовъ именно въ крестьянскихъ хозяйствахъ. Одонья съ годами немолоченнымъ хлѣбомъ составляли въ то время принадлежность большинства сель этой мѣстности. Крестьяне сохраняли урожайные избытки необмолоченными, мирясь съ потерей части зерна, усердно поѣдаемаго въ ометахъ полевыми мышами, надо полагать, изъ опасенія, что въ обмолоченномъ видѣ онъ не удержится въ ихъ рукахъ, что они не устоятъ противъ соблазна обернуть его въ деньги, столь легко ускользающія изъ слабыхъ крестьянскихъ рукъ. Всеобщая реализація запасовъ началась лишь съ 1887 года. Принятый въ это время рядъ мѣръ къ усиленію хлѣбнаго вывоза, вызванный стремленіемъ увеличить активъ нашего международнаго торговаго баланса, имѣлъ въ этомъ смыслѣ выдающееся значеніе. Введеніе на желѣзныхъ дорогахъ дифференціального тарифа съ особымъ пониженіемъ ставокъ для хлѣба, имѣющаго назначеніемъ вывозные порты, далъ могучій толчокъ въ томъ же направленіи. Но едва ли не еще большее вліяніе оказало предшествовавшее отмѣнѣ подушной подати усиленное взысканіе недоимокъ по ней. За два года—1887 и 1888—недоимокъ этихъ было взыскано на сумму до 16 мил. рублей.

Неудивительно, что начало 90-хъ годовъ застало крестьянъ экономически подорванными, а произведенный въ 1891 г., въ виду надвигавшагося бѣдствія, подсчетъ хлѣбныхъ запасовъ выяснилъ ихъ почти повсемѣстное полное отсутствіе.

Понятна при такихъ обстоятельствахъ сила удара, нанесеннаго крестьянскому благосостоянію земледѣльческихъ губерній дѣйствительно исключительнымъ по

своей неурожайности 1891 годомъ. Происшедшее въ этомъ году сильное поднятіе цѣнъ на хлѣбъ, конечно, лишь способствовало крестьянскому разоренію. За отсутствіемъ продажнаго зерна, цѣны эти, разумѣется, лишь отягощали крестьянскій бюджетъ въ его расходной части.

Послѣдующіе урожайные годы, при вновь установившихся низкихъ цѣнахъ на хлѣбъ, не были въ состояніи улучшить положеніе сельскаго люда. Благодаря этимъ цѣнамъ, крестьянинъ, для уплаты денежныхъ повинностей и приобрѣтенія необходимыхъ ему продуктовъ обрабатывающей промышленности, принужденъ продавать до послѣдняго зерна весь хлѣбный избытокъ, даже въ лучшіе по урожайности годы, не оставляя ничего про запасъ. Естественно, что годы неурожайные застаютъ его совершенно безпомощнымъ и это, конечно, тѣмъ болѣе, что другой источникъ его существованія — промысловые заработки при неурожаяхъ также нѣсколько изсякаетъ, такъ какъ эти заработки въ черноземныхъ губерніяхъ исключительно сельскохозяйственнаго характера.

Возвращаясь къ причинамъ, ослабившимъ дѣйствіе уже много лѣтъ господствующаго сельскохозяйственнаго кризиса на крестьянское благосостояніе малороссійскихъ губерній и, повидимому, совершенно парализовавшимъ его вліяніе на экономическій бытъ крестьянства южныхъ и юго-западныхъ губерній, нельзя, прежде всего, не указать, что крестьяне Малороссіи, Волыни и Подола значительно ранѣе, нежели сельское населеніе центра и востока Россіи, ввели въ свое хозяйство денежные обороты и, слѣдовательно, въ болѣе степени успѣли принаровиться къ сложному

денежному хозяйству. Тому же, вѣроятно, способствуетъ и существующее въ этихъ губерніяхъ подворное землевладѣніе. Засимъ немаловажное подспорье для населенія юго-западныхъ губерній представляетъ развитіе въ нихъ въ значительно болѣе степени, чѣмъ въ остальныхъ губерніяхъ черноземной области, промысловыхъ заработковъ. На ряду съ болѣе интенсивной сельскохозяйственной культурой во владѣльческихъ экономіяхъ, не только требующей больше рабочихъ рукъ, но и лучше ихъ оплачивающей, въ этихъ губерніяхъ развилась и фабрично-заводская дѣятельность, также доставляющая существенныя выгоды населенію.

Что же касается южныхъ губерній, то причины, по которымъ онѣ не испытываютъ особыхъ потрясеній отъ пониженія хлѣбныхъ цѣнъ прежде всего происходятъ отъ господствующей въ нихъ культуры болѣе цѣнныхъ злаковъ, а именно — яровой и озимой пшеницы. Тому же содѣйствуетъ и широкое распространеніе въ большинствѣ южныхъ губерній садоводства, табаководства и виноградарства, при чемъ послѣднее неразлучно, даже въ крестьянскомъ хозяйствѣ, съ винодѣліемъ, что, ктати сказать, и указываетъ, до какой степени заслуживаютъ всемѣрнаго поощренія эти отрасли сельскаго хозяйства.

О первостепенномъ значеніи высокихъ цѣнъ на хлѣбъ для земельного крестьянства всей черноземной области, казалось бы, не стоитъ распространяться. Въ виду, однако, того совершенно обратнаго заключенія, къ которому пришли въ этомъ отношеніи 13 нашихъ экономистовъ въ совмѣстномъ ихъ изслѣдованіи «Вліяніе урожаяевъ и хлѣбныхъ цѣнъ на нѣкоторыя

стороны русскаго народнаго хозяйства», приходится остановиться на этомъ вопросѣ нѣсколько подробнѣе.

Трудъ этотъ въ свое время получилъ надлежащую оцѣнку въ русской литературѣ и въ нашу задачу, конечно, не входитъ подробное опроверженіе сотканыхъ изъ столь сложныхъ данныхъ выводовъ его. Укажемъ лишь на ту основную, допущенную авторами изслѣдованія, ошибку, вслѣдствіе которой они могли придти къ выводу о выгодности дешевыхъ цѣнъ на хлѣбъ даже для населенія большинства черноземныхъ губерній. Ошибка эта заключается въ опредѣленіи ими въ сильно преувеличенномъ размѣрѣ нормы потребления хлѣба въ самомъ крестьянскомъ хозяйствѣ, размѣрѣ, при которомъ могущій поступить на рынокъ избытокъ урожая въ среднемъ крестьянскомъ хозяйствѣ либо совершенно отсутствуетъ, либо представляется весьма незначительнымъ. Впрочемъ, потребительная норма отдѣльными авторами «Вліянія урожаяевъ» опредѣляется различно. Однимъ изъ нихъ, г. Маресомъ, въ 26,5 пуд., другимъ, г. Щербиною, въ 23,3 пуда на душу населенія. По сколько эти количества преувеличены, можно убѣдиться слѣдующимъ образомъ.

По основаннымъ на официальныхъ данныхъ вычислениямъ г. Лохтина ¹⁾, общій сборъ хлѣба въ среднемъ за 16 лѣтъ, съ 1883 по 1898 гг., за исключеніемъ сѣмянъ, достигалъ для пятидесяти губерній Европейской Россіи 1,848 милліоновъ пудовъ, что составляетъ всего лишь по 21 пуду на одну душу населенія. Очевидно, что потребить хлѣба въ большемъ количествѣ, нежели его вообще родилось, русскій мужикъ при

¹⁾ Состояніе сельскаго хозяйства въ Россіи. Спб. 1901 г.

всемъ желаніи не могъ. Но если мы исключимъ изъ полученнаго ежегодно въ среднемъ количества хлѣба нашъ вывозъ, достигшій за этотъ же періодъ, опять-таки въ среднемъ 423 милліоновъ пудовъ, а также то количество хлѣба, которое ежегодно перерабатывается въ вино и пиво, а именно 70 милліоновъ, то получимъ, что въ среднемъ на одну душу всего населенія приходится лишь 16,7 пуда чистаго остатка.

Однако, и эту цифру нельзя признать выражающей норму потребления хлѣба собственно въ крестьянскомъ бытѣ. Всѣмъ извѣстно, что потребление хлѣба въ городскихъ центрахъ, гдѣ населеніе въ общемъ болѣе зажиточно, значительно превышаетъ потребление его сельскими жителями. Равнымъ образомъ, и во всѣхъ фабричныхъ центрахъ и даже во владѣльческихъ экономіяхъ хлѣбный паекъ превышаетъ 24 пуда. Наконецъ, въ войскахъ полагается до 29 пудовъ разнаго хлѣба на каждаго солдата въ годъ. Такимъ образомъ, для всѣхъ указанныхъ классовъ населенія хлѣбное довольство должно быть опредѣлено не ниже 24 пудовъ на душу. Само собою разумѣется, что чѣмъ больше превышаетъ потребление хлѣба указанными классами средней ежегодный остатокъ всего хлѣба на душу населенія, тѣмъ ниже падаетъ, по сравненію съ этимъ остаткомъ, потребление остальныхъ классовъ, т. е. въ данномъ случаѣ сельскаго населенія. Въ виду этого, среднее потребление хлѣба въ крестьянскомъ хозяйствѣ, какъ на личное продовольствіе, такъ и на кормъ скоту, никакимъ способомъ не можетъ превышать 15 пудовъ на одну душу населенія.

Попытаемся теперь опредѣлить количество ежегодно производимаго хлѣба въ среднемъ крестьян-

скомъ хозяйствѣ центральныхъ черноземныхъ губерній. Средній крестьянскій надѣлъ въ центральныхъ черноземныхъ губерніяхъ къ 1-му января 1893 г. на одну душу населенія мужского пола достигалъ 2,5 десятинъ. Возьмемъ для примѣра крестьянское хозяйство въ шесть душъ, изъ коихъ три мужскихъ, т. е. съ надѣломъ въ 7,5 десятинъ земли. Полагая, что въ этомъ числѣ ежегодно подъ посѣвомъ находится до $4\frac{2}{3}$ десятинъ, что при господствующемъ у насъ трехпольѣ и почти полномъ отсутствіи въ крестьянскомъ владѣніи центрально-черноземныхъ губерній сѣнокосныхъ угодій не можетъ быть признано преувеличеннымъ, и зная изъ предыдущаго, что средній урожай главнаго озимого хлѣба—ржи въ среднемъ, за вычетомъ сѣмянъ, равняется 36 пуд., а главнаго ярового—овса 28 пуд. и что, слѣдовательно, средній урожай съ двухъ десятинъ — одной озимой и одной яровой достигаетъ 64 пуд., мы узнаемъ, что общій сборъ хлѣба для принятаго нами крестьянскаго хозяйства этихъ губерній въ среднемъ за цѣлый рядъ лѣтъ равенъ 150 пудамъ.

Исключивъ изъ этого количества опредѣленную выше норму потребленія хлѣба въ самомъ крестьянскомъ хозяйствѣ на душу населенія—15 пудовъ, слѣдовательно, на всѣ 6 душъ принятаго нами хозяйства 90 пудовъ, мы получимъ, что свободными къ продажѣ въ среднемъ крестьянскомъ хозяйствѣ черноземныхъ губерній остается до 70 пудовъ хлѣба.

Какое же вліяніе оказывала на крестьянскій бюджетъ различная по отдѣльнымъ годамъ расцѣнка указанного продажнаго остатка?

По вычисленіямъ г. Щербины, одного изъ авторовъ

«Вліяніе урожаяевъ», основаннымъ на изслѣдованіяхъ, произведенныхъ преимущественно въ Воронежской губерніи, денежная часть расходнаго бюджета достигаетъ на одну душу крестьянскаго населенія 18 р. 18 к., что составитъ для всѣхъ шести душъ нашего хозяйства 109 р. 8 к. Полагая, что указанные продажные 70 пудовъ хлѣба составляютъ поровну изъ ржи и овса, мы узнаемъ, что въ годъ наивысшей за послѣднее 20-лѣтіе цѣны—1881, когда рожь стоила въ Воронежской губерніи 1 р. пудъ, а овесъ 66 к. пудъ, крестьянинъ выручалъ 58 р. 10 к. Наоборотъ, въ 1893 г., когда наблюдалось наибольшее пониженіе цѣнъ—рожь упала до 21 к., а овесъ до 25—выручка крестьянина за хлѣбъ упала до 16 р. 10 к. Иначе говоря, въ первомъ случаѣ вырученная отъ продажи хлѣба сумма покрывала свыше 53 проц. денежныхъ расходовъ крестьянина, а во второмъ не болѣе 15 проц.

Но этимъ еще не ограничивается вліяніе хлѣбныхъ цѣнъ на доходы крестьянъ земледѣльческихъ губерній. Несомнѣнно важную часть ихъ доходнаго бюджета составляетъ выручка отъ скотоводства—продажа приплода, а отчасти и убойнаго скота. Такъ какъ цѣна на скотъ находится въ тѣсной зависимости отъ цѣнъ на зерновые продукты, т. е. скотъ тѣмъ дороже, чѣмъ дороже хлѣбъ, то понятно, что съ паденіемъ хлѣбныхъ цѣнъ и эта отрасль крестьянскаго хозяйства значительно понизилась по своей прибыльности.

Наконецъ, нѣтъ надобности доказывать крайнюю убыточность низкихъ хлѣбныхъ цѣнъ для крестьянъ, арендующихъ владѣльческія земли. Аренды эти получили широкое распространеніе при высокихъ цѣнахъ на хлѣбъ и доставляли въ то время немаловажную

выгоду съемщикамъ земель, можно сказать, вполнѣ исчезнувшую съ пониженіемъ хлѣбной цѣны.

Въ дополненіе ко всему сказанному, нельзя не прибавить, что обезцѣненіе хлѣба особенно разорительно для наиболѣе зажиточныхъ крестьянъ, имѣющихъ наибольшіе, за покрытіемъ своихъ личныхъ потребностей, хлѣбные избытки; для малоземельныхъ крестьянъ, для упавшихъ хозяйствъ, дѣйствительно важнѣе исключительно размѣръ полученнаго ими урожая и безразлична его рыночная цѣна. Сборъ хлѣба у нихъ настолько незначителенъ, что въ лучшемъ случаѣ удовлетворяетъ лишь личные потребности дворохозяина въ продовольственныхъ средствахъ. Въ доходную часть бюджетовъ крестьянъ этой категоріи, выручка отъ продажи хлѣба никогда не входила; она пополнялась изъ другихъ источниковъ (преимущественно заработковъ), на размѣръ поступленій отъ которыхъ хлѣбные цѣны въ общемъ повліяли незначительно. Именно этимъ обстоятельствомъ и надо объяснить относительно незначительное увеличеніе числа безлошадныхъ дворовъ, съ одновременнымъ замѣтнымъ уменьшеніемъ числа дворовъ многолошадныхъ. Однимъ словомъ, какъ справедливо замѣтилъ г. Полѣновъ, составитель изслѣдованія экономическаго положенія центрально-черноземныхъ губерній, «сильныя крестьянскія хозяйства упраздняются и замѣняются хозяйствами, едва способными къ полевой работѣ».

Всѣ вышеприведенныя данныя говорятъ сами за себя. Увеличеніе доходности земледѣльческаго промысла при существующихъ въ центрѣ и на востокъ Россіи цѣнахъ на хлѣбъ и малой урожайности нашей почвы совершенно немыслимо.

IV.

Возможно ли поднять цѣны на хлѣбъ?

Исконная, незамѣнимая и главная кормилица нашего крестьянства—земля, вслѣдствіе паденія цѣнъ на зерновые продукты, какъ бы отвернулась отъ крестьянина, превратилась для него въ злую мачиху. Спрашивается, существуетъ ли для насъ возможность поднять эти цѣны?

Нѣкоторые рѣшаютъ этотъ вопросъ утвердительно, доказывая, не безъ основанія, что самое паденіе хлѣбныхъ цѣнъ на международномъ рынкѣ въ извѣстной степени произошло и продолжаетъ поддерживаться крайнею неупорядоченностью нашей, русской хлѣбной торговли, а именно полнымъ отсутствіемъ соответствія между существующимъ на главныхъ европейскихъ хлѣбныхъ рынкахъ спросомъ на хлѣбъ и предложеніемъ его съ нашей стороны. Хлѣбъ нашъ его производителями выбрасывается на рынокъ немедленно по обмолову полученнаго урожая и тотчасъ же направляется за границу, совершенно независимо отъ существующихъ тамъ цѣнъ на него. Этимъ обстоятельствомъ неизмѣнно пользуются европейскіе

хлѣботорговцы, дабы систематически, изъ года въ годъ, искусственно понижать хлѣбныя цѣны ко времени реализаціи русскаго урожая.

Въ подтвержденіе этого обстоятельства, по порученію Министерства Финансовъ, Г. Касперовъ составилъ подробное изслѣдованіе, выпущенное въ свѣтъ подъ заглавіемъ «Цѣны на пшеницу на международномъ рынкѣ». При помощи безконечнаго количества цифровыхъ данныхъ и составленныхъ изъ нихъ картограммъ и діаграммъ, авторъ изслѣдованія доказалъ, что главный нашъ конкурентъ по поставкѣ въ Европу пшеницы — Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты — постоянно выручаетъ высшую цѣну за означенный продуктъ на рынкахъ Европы, нежели мы. Происходитъ такое странное и на первый разъ непонятное явленіе: чѣмъ ниже въ Англіи, главной покупательницѣ пшеницы, цѣна на нее, тѣмъ большій ввозъ въ нее русской пшеницы, и наоборотъ, коль скоро цѣна эта поднимается, нашъ ввозъ падаетъ, а американскій растетъ. Словомъ, русскій хлѣбъ, по выраженію автора названнаго труда, какъ бы ищетъ дешевой цѣны.

Явленіе это объясняется тѣмъ, что въ то время какъ нашъ ввозъ зависитъ исключительно отъ размѣровъ урожая и вовсе не руководствуется уровнемъ иностранныхъ цѣнъ, ввозъ Соединенныхъ Штатовъ лишь тогда принимаетъ значительные размѣры, когда цѣна на хлѣбъ соответствуетъ произведеннымъ для его полученія затратамъ. Достигли же Штаты возможности произвольно увеличивать или уменьшать свой ввозъ путемъ крайне цѣлесообразнаго устройства всей своей хлѣбной торговли, главнымъ образомъ посредствомъ

организаціи крупныхъ хлѣбныхъ запасовъ въ самой странѣ, размѣры которыхъ сокращаются или увеличиваются въ зависимости отъ высоты цѣнъ на хлѣбъ въ странахъ его ввоза: чѣмъ выше эта цѣна, тѣмъ большее количество хлѣба направляется въ эти страны и запасы сокращаются; наоборотъ, чѣмъ она ниже, тѣмъ большее количество хлѣба идетъ на увеличеніе запасовъ и тѣмъ менѣе его вывозится.

Отнюдь не отрицая значенія организаціи хлѣбныхъ запасовъ для всякой страны, едва ли, однако, можно признать, что на пополненіе этихъ запасовъ можетъ сколько-нибудь значительно вліять то или иное устройство самой хлѣбной торговли въ странѣ. Въ сущности хлѣботорговцу важна не абсолютная высота цѣны на хлѣбъ, а лишь та разница, которую онъ можетъ выручить между цѣною покушки имъ хлѣба и продажи его. Ему даже часто выгоднѣе дешевыя цѣны, нежели дорогія, такъ какъ съ одинаковымъ количествомъ денегъ онъ въ первомъ случаѣ можетъ приобрести большее количество вѣсовыхъ единицъ этого товара, нежели во второмъ, а между тѣмъ въ хлѣбной торговлѣ прибыль посредника находится въ зависимости не столько отъ суммы, вложеннаго въ дѣло капитала, т. е. общей цѣнности проданнаго товара, сколько отъ количества его.

Такимъ образомъ несомнѣнно, что главнымъ регуляторомъ цѣнъ на хлѣбъ можетъ явиться лишь производительного, который дѣйствительно ближайшимъ образомъ и непосредственно заинтересованъ въ абсолютной высотѣ господствующихъ на рынкѣ цѣнъ на зерновые продукты. Если производитель обладаетъ достаточными денежными средствами, чтобы имѣть возможность от-

казаться отъ реализаціи своего урожая, коль скоро цѣна на хлѣбъ не отвѣчаетъ произведеннымъ для его полученія затратамъ, онъ въ общемъ дѣйствительно въ состояніи сократить размѣры предложенія зерна на рынкѣ и тѣмъ повысить цѣну на него.

Подтвержденіе этого обстоятельства мы находимъ и въ вышеупомянутомъ изслѣдованіи. Изъ приведенныхъ въ немъ данныхъ о распредѣленіи хлѣбныхъ запасовъ между фермерами и торговцами Соединенныхъ Штатовъ видно, что до 1893 г. въ рукахъ торговцевъ находилось въ большинствѣ случаевъ не болѣе одной трети общаго количества этихъ запасовъ, при чемъ оно ни разу не достигало половины ихъ. Но разразившійся въ 1892 г. въ Америкѣ денежный кризисъ принудилъ фермеровъ сразу передать въ руки торговцевъ весьма значительное количество хлѣба. Торговые запасы сразу увеличились почти на двѣсти процентовъ (съ 68 до 174 милл. пудовъ) и вывозъ Соединенныхъ Штатовъ немедленно возросъ болѣе нежели на 50% противъ средняго, не взирая на происшедшее къ тому же времени рѣзкое паденіе цѣнъ на пшеницу въ Европѣ.

Все это даетъ полное основаніе утверждать, что никакая, даже самая совершенная организація хлѣботорговаго дѣла у насъ не въ состояніи сколько-нибудь значительно повліять на повышеніе международныхъ хлѣбныхъ цѣнъ, или хотя бы даже на выручку нами лучшей изъ существующихъ въ теченіе года цѣнъ на хлѣбные продукты въ государствахъ западной Европы. Сколько-нибудь успѣшно вліять на хлѣбный рынокъ можетъ исключительно производитель зерна, ибо онъ одинъ существенно и постоянно въ этомъ заинтере-

сованъ. А это, какъ всякому понятно, доступно лишь крѣпкому, благоденствующему производителю и притомъ—*conditio sine qua non*—имѣющему возможность пользоваться широкимъ подтоварнымъ кредитомъ. Дѣйствительно, сила американскихъ фермеровъ состояла именно въ томъ, что они до 1892 г. пользовались широкимъ кредитомъ подъ хлѣбъ, ссылаемый ими съ этою цѣлью въ общественные элеваторы, покрывающіе густою сѣтью Соединенные Штаты. Но достаточно было сокращенія этого кредита въ 1892 году, чтобы фермеры немедленно утратили свою главную опору въ этомъ дѣлѣ и наводнили бы рынокъ своими запасами.

Такъ какъ, однако, никакой подтоварный кредитъ не можетъ достигнуть по своимъ размѣрамъ полной продажной стоимости закладываемого продукта, то естественно, что и онъ благодѣтеленъ лишь для тѣхъ производителей зерна, которые въ состояніи въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго срока обойтись въ своемъ хозяйствѣ безъ той суммы денегъ, которую представляетъ разница между продажною стоимостью зерна и выданной подъ него ссудою. Американскіе фермеры въ общемъ, очевидно, настолько состоятельны, что могутъ обходиться безъ этихъ денегъ. Можно ли, однако, сказать то же самое про нашихъ посѣвщиковъ изъ земледѣльцевъ? Конечно, нѣтъ. Въ крестьянскомъ хозяйствѣ буквально каждый рубль, который возможно выручить отъ продажи того или иного сельскохозяйственнаго продукта, столь необходимъ, что откладывать его полученіе на сколько-нибудь значительный срокъ крестьянинъ не имѣетъ никакой возможности. Крестьянскій хлѣбъ, представ-

ляющей, какъ извѣстно, значительнѣйшую часть поступающаго въ осенніе мѣсяцы на рынокъ зерна, въ виду этого, даже при наличности наиболѣе льготнаго кредита, все же хлынетъ на внутренніе базары, а съ нихъ на международный рынокъ. Словомъ, вліяніе производителя зерна на его рыночную цѣну является исключительно послѣдствіемъ благоденствія земледѣльца, но отнюдь не причиной его, а, слѣдовательно, мечтать о давленіи нашихъ производителей на рынокъ, совѣтуя имъ воздерживаться отъ единовременной продажи своего урожая и вообще руководствоваться при его реализаціи степенью соответствія рыночной цѣны хлѣба со стоимостью его производства, равносильно тому, чтобы совѣтовать человѣку, ищущему въ темнотѣ спичекъ, предварительно зажечь свѣчку.

Допустимъ, однако, что путемъ какого-либо чуда (естественнаго къ тому способа мы, признаемся, не видимъ) Россіи дѣйствительно удастся выручать на международномъ рынкѣ, подобно Америкѣ, высшую въ теченіе даннаго года цѣну на хлѣбъ, а не низшую, какъ это происходитъ нынѣ, и посмотримъ окажетъ ли это серьезное вліяніе на степень доходности нашего сельскаго хозяйства. Вполнѣ точный отвѣтъ на это даетъ то же изслѣдованіе г. Касперова, въ которомъ высчитано, что Россія, въ среднемъ, выручаетъ за пудъ проданной ею въ Англіи пшеницы на 2,6 метал. коп. менѣе, нежели Соединенные Штаты, т. е. на 3,9 коп. новой золотой валюты ¹⁾.

Брезгать лишними 4 коп. на пудъ пшеницы русскому производителю, конечно, не приходится. Едва ли,

¹⁾ Касперовъ. Цѣны на пшеницу, стр. 33, 34.

однако, разница эта, даже въ случаѣ полученія ея нашими поставщиками въ полномъ объемѣ, обезпечить ихъ благополучіе. Въ сущности, она сведется въ общемъ къ какому-нибудь лишнему рублю дохода съ посѣянной десятины, т. е. къ суммѣ черезчуръ незначительной по отношенію къ той колоссальной потерѣ, которую терпитъ Россія отъ общаго паденія цѣнъ на хлѣбъ.

Судить объ этой потерѣ возможно по слѣдующимъ даннымъ. За десятилѣтіе съ 1871 по 1880 г. мы вывезли 2,365 милліоновъ пудовъ на сумму 2,275 милліоновъ рублей, т. е., иначе говоря, продали въ среднемъ пудъ нашего хлѣба по 96 коп. А за десятилѣтіе съ 1891 по 1900 г. нами вывезено 4,425 милліоновъ пудовъ на общую сумму въ 3,143 милліона рублей, слѣдовательно, мы выручили за пудъ—по 71 коп. Такимъ образомъ, разница въ стоимости хлѣба въ среднемъ, между двумя указанными десятилѣтіями, составила 25 копѣекъ на пудъ. Очевидно, что выручка лишнихъ 4 коп. при такихъ обстоятельствахъ горю не поможетъ.

Столь же ясно, что паденіе цѣнъ на хлѣбъ произошло не отъ дурной постановки нашей торговли имъ, а всецѣло зависитъ отъ стоимости его производства въ большинствѣ земледѣльческихъ странъ. Предписывать Европѣ ту или иную, въ зависимости отъ стоимости его производства, цѣну на хлѣбъ Россія безусловно не можетъ, такъ какъ участіе ея въ поставкѣ зерновыхъ продуктовъ въ сущности ничтожное. Достаточно указать, что даже въ 1894 г., когда нашъ хлѣбный вывозъ достигъ наибольшихъ размѣровъ, Россія доставила въ Европу менѣе поло-

вины того количества пшеницы, которое поставили заокеанскія страны (194 мил. пуд. противъ 421 мил. пуд.) и не болѣе 11% общаго количества потребляемаго западной Европой хлѣба (600 мил. пуд. изъ 5,475 милліоновъ).

А съ тѣхъ поръ наше участіе въ хлѣбномъ довольствіи Европы съ каждымъ годомъ стремительно падаетъ. Весьма назидательныя въ этомъ отношеніи свѣдѣнія доставляютъ англійскія и германскія статистическія данныя о размѣрахъ ввоза хлѣбовъ изъ Россіи и Соединенныхъ Штатовъ за годы съ 1895 по 1899. Свѣдѣнія эти представляются намъ настолько многозначительными, что мы приводимъ ихъ здѣсь въ слѣдующей таблицѣ:

Ввозъ хлѣба въ Великобританію ¹⁾:

Г О Д Ы.	ВВОЗЪ ВСѢХЪ ХЛѢБОВЪ.				ВВОЗЪ ПШЕНИЦЫ.			
	Изъ Россіи.		Изъ Соединен. Штатовъ.		Изъ Россіи.		Изъ Соединен. Штатовъ.	
	Въ милліонахъ тоннъ.	Въ % къ общему количеству ввоза.	Въ милліонахъ тоннъ.	Въ % къ общему количеству ввоза.	Въ милліонахъ тоннъ.	Въ % къ общему количеству ввоза.	Въ милліонахъ тоннъ.	Въ % къ общему количеству ввоза.
1895	3,01	37 ¹ / ₂	3,1	37 ¹ / ₂	1,15	21,6	2,96	41,6
1896	2,66	31	4,57	54	0,86	17	2,64	55
1897	2,08	24	5,55	64	0,75	17	2,70	61
1898	2,048	29	5,85	60	0,31	6,5	3,1	66
1899	2,27	26	5,79	67	0,12	2,5	3,01	61

¹⁾ Trade & navigation returns.

Ввозъ хлѣба въ Германію ¹⁾:

Г О Д Ы.	ВВОЗЪ ВСѢХЪ ХЛѢБОВЪ.				ВВОЗЪ ПШЕНИЦЫ.			
	Изъ Россіи.		Изъ Соединен. Штатовъ.		Изъ Россіи.		Изъ Соединен. Штатовъ.	
	Въ милліонахъ центнеровъ.	Въ % къ общему количеству ввоза.	Въ милліонахъ центнеровъ.	Въ % къ общему количеству ввоза.	Въ милліонахъ центнеровъ.	Въ % къ общему количеству ввоза.	Въ милліонахъ центнеровъ.	Въ % къ общему количеству ввоза.
1895/6	24,26	56	7,02	16	8,04	53	2,05	13,5
1896/7	24,55	47	13,92	27	7,65	57	2,07	15,5
1897/8	25,51	47	21,16	39	8,39	62,5	3,51	26
1898/9	16,29	33	19,37	39	4,46	30	7,88	52,5
1899/900	17,52	36	21,09	43	3,45	26,5	5,43	42

Таблица эта указываетъ, что тогда какъ въ 1895 г. Россія доставляла въ Англію болѣе трети общаго количества, ввозимаго въ нее хлѣба и болѣе одной пятой общаго ввоза пшеницы, въ 1899 г. ввозъ этотъ сократился до четверти общаго количества хлѣбовъ и до ¹/₄₀ ввоза пшеницы. Такое же рѣзкое паденіе наблюдается и по отношенію нашего вывоза въ Германію. Наоборотъ, вывозъ Соединенныхъ Штатовъ съ каждымъ годомъ исполнски растетъ, болѣе чѣмъ удвоившись въ Англіи и увеличившись въ два съ половиною раза для Германіи. Ясно, что заокеанскія страны насъ систематически вытѣсняютъ съ европейскихъ рынковъ и что даже полное прекращеніе поставки нами хлѣба въ Европу не поставитъ ее въ затруднительное положеніе и не отразится сколько-нибудь замѣтно на высотѣ хлѣбныхъ цѣнъ.

¹⁾ Viertheilsjahrbuch zur Statistik des Deutschen Reiches.

При такихъ условіяхъ мы вынуждены безропотно покоряться цѣнѣ, устанавливаемой другими земледѣльческими странами, дѣйствительно господствующими на рынкахъ Европы. Но страны эти, какъ культурныя западно-европейскія и сѣверо-американскія, такъ даже и полукультурныя южно-американскія, настолько повысили производительность своихъ земель, что, несмотря на существующую у нихъ крайне высокую, по сравненію съ нами, заработную плату, довели стоимость производства вѣсовой единицы хлѣба до размѣровъ, значительно уступающихъ цѣнѣ производства той же единицы у насъ. Естественно что хлѣбная цѣна устанавливается въ зависимости отъ той цѣны, въ которую онъ обходится имъ. Цѣна эта, удовлетворяя заокеанскихъ посѣвщиковъ, насъ, однако, удовлетворить не можетъ. Дѣйствительно, если урожаи на черноземѣ не понизились, то все же размѣры его въ высшей степени незначительны. По свѣдѣніямъ, имѣющимся въ уже упомянутомъ нами трудѣ г. Лохтина: «Состояніе сельскаго хозяйства въ Россіи, сравнительно съ другими странами», не только въ Европѣ, но даже во всемъ мірѣ не существуетъ страны, въ которой сборъ хлѣба съ единицы площади былъ бы меньше, чѣмъ у насъ. Въ странахъ этихъ въ среднемъ сборъ важнѣйшихъ хлѣбовъ съ одной десятины, за исключеніемъ сѣмянъ, колеблется между 119 пуд. (Бельгія) и 44 пуд. (Сербія). У насъ сборъ этотъ въ среднемъ для всей Европейской Россіи за годы 1883—1898 равнялся лишь 30,3 пуд. при наибольшемъ среднемъ урожаѣ въ 44,1 и наименьшемъ 20,5. Въ общемъ средній чистый остатокъ хлѣбовъ съ одной десятины для всѣхъ странъ равнялся 76,6 пуда, т. е. въ 2½ раза больше, нежели у насъ.

И не только посредствомъ повышенія урожайности почвы уменьшили земледѣльцы культурныхъ странъ стоимость производства зерна. Въ этомъ же направленіи и столь же могучимъ образомъ дѣйствуетъ все большее примѣненіе къ сельскохозяйственнымъ работамъ усовершенствованныхъ орудій земледѣлія, дающихъ громадное сбереженіе рабочей силы. Первенство тутъ, несомнѣнно, принадлежитъ странамъ Сѣверной Америки, далеко опередившимъ технику, не только нашего убогаго земледѣлія, но и всѣхъ остальныхъ странъ Европы. Въ высшей степени назидательныя свѣдѣнія по этому вопросу, почерпнутыя изъ ежегодника департамента земледѣлія Соединенныхъ Штатовъ Америки, привелъ недавно кн. Кудашевъ¹⁾. По словамъ его «въ Америкѣ нѣтъ фермера, который не пахалъ бы и одновременно не дробилъ почву дисковымъ плугомъ; онъ обсѣменяетъ почву конной сложной сѣялкой, одновременно жнетъ, молотитъ и ссыпаетъ зерно въ мѣшки конной жнее-молотилкой и сдаетъ это зерно прямо съ поля въ элеваторъ желѣзнодорожный, частный или общественный. Траву онъ коситъ, ворошитъ, сгребаетъ, мечетъ въ стоги и прессуетъ сѣно конными механизмами».

«Въ результатъ для производства одной четверти пшеницы фермеръ въ Америкѣ работалъ въ половинѣ прошлаго вѣка 2 ч. 30 м., теперь 7¾ м. Стоимость работы обходилась тогда 27 к., теперь—5 к., хотя оплата труда возросла за 1 часъ съ 11 к. до 38 к. теперь».

Что же мудренаго, что Новый Свѣтъ заливаютъ Европу своимъ зерномъ по цѣнѣ для него прибыльной, а для мѣстнаго посѣвщика—убыточной.

¹⁾ Новое Время, № 9311.

Главная и истинная причина паденія цѣны на зерновые продукты на европейскихъ рынкахъ становится, такимъ образомъ, вполне понятной. Одновременно исчезаетъ всякая надежда на ея возвращеніе къ прежнему уровню. У западно-европейскихъ странъ, ввозящихъ хлѣбъ, имѣется возможность защитить свое земледѣліе соответственными пошлинами. Страны, вывозящія хлѣбъ, этого средства, разумѣется, лишены и въ ихъ распоряженіи остается одно лишь орудіе защиты—повысить технику земледѣлія до того уровня, котораго она достигла въ странахъ Новаго Свѣта, оставивъ разъ навсегда бесплодными мечтанія о повышеніи международной цѣны на хлѣбъ какими бы то ни было искусственными приемами торговаго характера. Временный подъемъ хлѣбныхъ цѣнъ, подъ влияніемъ неурожая въ какой-либо поставляющей зерно въ Европу странъ, конечно, возможенъ. Но основывать народное хозяйство на такихъ случайныхъ явленіяхъ, конечно, немыслимо.

Въ отвѣтъ на это, лица, не усматривающія иного спасенія для нашего земледѣлія вообще и для подъема благосостоянія центра въ особенности, какъ повышение цѣны, выручаемой за хлѣбъ его производителемъ, обыкновенно указываютъ на другой, съ ихъ точки зрѣнія, безусловно дѣйствительный способъ этого достигнуть, а именно повышение цѣны на хлѣбъ на внутреннихъ рынкахъ посредствомъ кореннаго измѣненія желѣзнодорожныхъ тарифныхъ ставокъ по перевозкѣ хлѣба изъ различныхъ раіоновъ Россіи.

Что путемъ соответственнаго измѣненія этихъ ставокъ можно предоставить самыя существенныя преимущества одной мѣстности передъ другой, разумѣется, нѣтъ сомнѣнія. Столь же вѣрно, что государство не

только въ правѣ, но даже и обязано принимать въ расчетъ, при проведеніи мѣръ экономическаго характера относительную степень благосостоянія различныхъ, входящихъ въ его составъ, мѣстностей и соответственно съ этимъ создавать, для страдающихъ раіоновъ, хотя бы даже и искусственно, болѣе благоприятныя условія. Желѣзнодорожная тарифная политика является въ этомъ отношеніи въ рукахъ правительства однимъ изъ наиболѣе могущественныхъ орудій. Нельзя, однако, не указать, что всякая дарованная въ этомъ направленіи для одной мѣстности льгота явится соответственной тяготою для другой. Въ общемъ же все государство, взятое какъ цѣлое, отъ такого перераспределенія, конечно, не выиграетъ. Можно даже не безъ основанія опасаться, что оно, наоборотъ, потерпитъ значительный ущербъ. Дѣло въ томъ, что разрушить существующее благосостояніе, а тѣмъ болѣе остановить ростъ его тамъ, гдѣ оно только что зачинается, безмѣрно легче, а въ особенности скорѣе, нежели поднять его тамъ, гдѣ оно находится въ состояніи упадка.

Такимъ образомъ, весьма легко можетъ оказаться, что мѣстности, поставленныя въ условія болѣе благоприятныя, нежели существующія нынѣ по поставкѣ хлѣба въ экспортные пункты, выиграютъ значительно менѣе, нежели потеряютъ тѣ, для которыхъ эти условія будутъ отягчены. Такое предположеніе тѣмъ болѣе справедливо, что на дѣлѣ тарифныя льготы для центра могутъ быть осуществлены преимущественно за счетъ крайняго востока и юго-востока Европейской Россіи, т. е. такихъ мѣстностей, которыя лишь весьма недавно связаны рельсовыми путями съ торговыми центрами и, слѣдовательно, гдѣ промышленное земледѣліе едва

лишь получило живительный толчокъ, а потому еще далеко не окрѣпло, и гдѣ всякое его отягощеніе неминуемо приведетъ къ полной его гибели. Быть можетъ, было бы цѣлесообразнѣе не приобщать вообще этихъ мѣстностей къ общей площади посѣвной земли, представляющей на международные рынки хлѣбъ, оставивъ ихъ до времени при ихъ исключительно натуральномъ хозяйствѣ, тѣмъ болѣе, что при послѣднемъ низшіе слои ихъ населенія въ общемъ не терпѣли нужды. Но коль скоро это сдѣлано, идти обратно нельзя. Хозяйственный бытъ ихъ населенія уже получилъ иное направленіе и остановить это движеніе не во власти людей. Всякое отягощеніе условій ихъ хозяйственной дѣятельности равносильно преступной игрѣ. Правительство не можетъ ни по какимъ соображеніямъ то осыпать щедротами населеніе, то накидывать на него мертвый арканъ.

Думать же, что возможно вообще понизить тарифныя ставки по перевозкѣ хлѣба, т. е., иначе говоря, увеличить доходъ земледѣльцевъ за счетъ доходовъ желѣзныхъ дорогъ, безъ соотвѣтственнаго отягощенія того же населенія, конечно, неправильно. И въ настоящее время наше желѣзнодорожное хозяйство едва покрываетъ расходы по уплатѣ процентовъ на совершенные для него займы. Очевидно, что всякое пониженіе валового дохода желѣзныхъ дорогъ поведетъ къ увеличенію участія страны въ уплатѣ этихъ процентовъ.

Нѣтъ, мы въ общемъ столь же мало въ состояніи увеличить цѣну, выручаемую производителемъ зерна на мѣстѣ его производства, сколь безсильны повліять на размѣръ этой цѣны на международныхъ рынкахъ. На этомъ пути наше земледѣліе спасенія не обрѣтетъ.

V.

Зависитъ ли благосостояніе крестьянъ отъ размѣровъ ихъ земельныхъ владѣній?

Среди множества причинъ, которымъ приписывается оскуднѣніе центрально-черноземной области, за послѣднее время обнаруживается все болѣшая склонность остановиться на недостаточности находящагося во владѣніи крестьянъ этой мѣстности земельного фонда. Усиленное стремленіе крестьянъ къ переселенію, равно какъ повсемѣстно наблюдаемая среди нихъ жажда къ приобрѣтенію владѣльческихъ земель на первый взглядъ какъ бы подтверждаютъ правильность этого мнѣнія.

Остановимся прежде всего на вопросѣ, находится ли степень оскуднѣнія крестьянства по отдѣльнымъ губерніямъ земледѣльческой области въ соотвѣтствіи съ величиною душевыхъ надѣловъ.

По свѣдѣніямъ, относящимся къ 1-му января 1892 г.¹⁾, наименьшее количество надѣльной земли на душу крестьянскаго населенія мужскаго пола приходилось въ

¹⁾ Сводъ статист. матер., касающихся эконом. полож. сельск. насел. Евр. Россіи. Изд. Канц. Комитета Министровъ. 1894 г.

губерніяхъ Киевской, Подольской и Полтавской (отъ 1,7 до 1,9 дес.), затѣмъ слѣдуютъ губерніи центрально-черноземныя съ среднимъ душевымъ надѣломъ въ 2,5 десятины (отъ 2,1 до 2,7 дес., за исключеніемъ Воронежской, гдѣ онъ достигаетъ 3,3 дес.). Третье мѣсто занимаютъ южныя губерніи, съ надѣломъ въ 3,5 десят. на душу. Наконецъ, наиболѣе обеспеченными землею являются крестьяне восточныхъ губерній, гдѣ душевой надѣлъ въ среднемъ достигаетъ 5 дес., не считая Оренбургской губерніи съ надѣломъ, превышающимъ 21 дес. на душу.

Такимъ образомъ, наименѣе обеспечены землею крестьяне юго-западныхъ губерній, въ которыхъ, однако, какъ мы видѣли, не обнаруживается признаковъ оскудѣнія сельскаго люда, а наибольшіе душевые надѣлы сохранились на востокѣ, гдѣ, наоборотъ, нуждавъ продовольственныхъ средствахъ принимаетъ все болѣе хроническій характеръ, а упадокъ крестьянскаго благосостоянія достигъ крайнихъ предѣловъ. Иначе говоря, размѣры крестьянскаго землевладѣнія по отдѣльнымъ раіонамъ черноземной области находятся въ обратнo пропорціональномъ отношеніи къ крестьянскому оскудѣнію. Къ тому же заключенію приводитъ сопоставленіе недоимочности крестьянъ съ размѣрами ихъ душевыхъ надѣловъ по отдѣльнымъ губерніямъ центра.

Исключеніе составляетъ лишь южная область, не испытывающая, повидимому, вліянія сельскохозяйственнаго кризиса, съ надѣлами, занимающими по величинѣ среднее мѣсто между центромъ и востокомъ, что, однако, легко объясняется преобладаніемъ въ нихъ культуры болѣе цѣнныхъ растений, рыночная стоимость которыхъ не понизилась настолько, какъ понизилась

цѣна производимыхъ въ центрѣ и на востокѣ сѣрыхъ хлѣбовъ.

Что не отъ недостатка земли страдаетъ сельское населеніе центра и востока, возможно еще болѣе убѣдиться по имѣющимся свѣдѣніямъ о степени распространенія по отдѣльнымъ ихъ губерніямъ крестьянскихъ арендъ. Наибольшихъ размѣровъ аренды эти, въ предѣлахъ центра и востока, достигаютъ въ губерніяхъ Уфимской, Оренбургской, Самарской, Пензенской, Симбирской и Саратовской (отъ 29,5 до 32,7 дес. на 100 душъ населенія), т. е. тамъ, гдѣ и надѣлы достигаютъ вышей нормы. Наименьшихъ (отъ 11,9 до 13,7 на 100 душъ населенія), наоборотъ, въ губерніяхъ Рязанской и Тульской, гдѣ крестьянскіе надѣлы не превышаютъ 2,1 дес. Всего же ничтожнѣе аренды въ губерніяхъ юго-западныхъ и Черниговской (отъ 5 до 8,9 дес. на 100 душъ населенія), т. е. въ губерніяхъ съ наименьшими надѣлами¹⁾.

Однимъ словомъ, если расположить губерніи центра и востока по степени обеспеченности крестьянъ надѣльной землею, распространенію въ нихъ крестьянскихъ арендъ и, наконецъ, по размѣрамъ недоимокъ окладныхъ сборовъ, свѣдѣнія о которыхъ приведены были раньше, то окажется, что эти три величины находятся въ строгомъ соответствіи другъ съ другомъ: чѣмъ больше у крестьянъ земли, тѣмъ больше распространена среди нихъ сѣмка земель въ аренду и тѣмъ значительнѣе накопившіяся за ними недоимки.

Можно ли при подобныхъ обстоятельствахъ утверждать, что крестьянское оскудѣніе происходитъ отъ

¹⁾ Вліяніе урожаяевъ, томъ I, стр. 20.

недостаточности ихъ земельныхъ владѣній и что стоитъ лишь увеличить ихъ земельный фондъ, чтобы вновь поднять ихъ благосостояніе?

Безъ сомнѣнія, величина крестьянскихъ арендъ зависитъ не исключительно отъ желанія крестьянъ снимать землю, а и отъ количества земель, сдаваемыхъ ихъ владѣльцами. Этимъ обыкновенно и объясняется распространенность крестьянскихъ арендъ на востогѣ, гдѣ, влѣдствіе преобладанія крупныхъ земельныхъ владѣній, обработка которыхъ собственными средствами ихъ владѣльцамъ не подл силу, предложеніе земель достигаетъ наибольшихъ размѣровъ.

Однако, едва ли возможно лишь такимъ, образомъ объяснить это явленіе. Существуетъ, на ряду съ этимъ, и другая причина, не въ одинаковой степени побуждающая крестьянъ отдѣльныхъ губерній увеличивать пространство воздѣлываемыхъ ими земель, а именно степень обезпеченности ихъ промысловыми заработками. Послѣдніе наименѣе распространены именно въ тѣхъ губерніяхъ центра и востока, гдѣ крестьянскія аренды наиболѣе развиты (Уфа, Оренбургъ, Самара, Симбирскъ, Пенза, Саратовъ). Число лицъ мужского пола, занимающихся промыслами въ этихъ губерніяхъ, не превышаетъ 10 на 100 душъ крестьянскаго населенія. Съ другой стороны, въ тѣхъ губерніяхъ центра, гдѣ промысловыя занятія наиболѣе распространены (Тульская и Рязанская съ занимающимися промыслами отъ 20 до 22 лицъ на 100 душъ крестьянскаго населенія), съемка земель крестьянами въ аренду наименѣе развита.

Такимъ образомъ, тутъ мы имѣемъ дѣло съ новымъ и едва ли не наиболѣе важнымъ факторомъ крестьян-

янскаго доходнаго бюджета—заработками. Дѣйствительно, не ему ли слѣдуетъ придать рѣшающее значеніе въ степени распространенности крестьянскихъ арендъ по отдѣльнымъ мѣстностямъ? Естественно, что тамъ, гдѣ крестьянинъ лишенъ возможности обмѣнять свой трудъ на наличныя деньги, онъ стремится утилизировать свободное время посредствомъ приложенія труда къ обработкѣ снимаемой имъ для этого земли, сколь бы обработка ея ни была малопродуктивна.

Все сказанное даетъ полное основаніе предположить, что въ общемъ, за цѣлый рядъ лѣтъ, крестьянинъ зарабатываетъ болѣе количество денегъ, т. е.: иначе говоря, дорожее продаетъ свой трудъ, работая на владѣльческой землѣ, нежели воздѣлывая снимаемую въ аренду землю. Скажемъ болѣе, не только арендная земля, иногда высоко оплачиваемая, не окупаетъ крестьянскаго труда по существующей въ данной мѣстности заработной платѣ, но и надѣльныя крестьянскія земли, за пользованіе которыми крестьянинъ взноситъ лишь подать, коль скоро онъ не используетъ лично ея продуктовъ, а ищетъ превратить ихъ въ деньги, не всегда достигають своей доходностью той суммы, которую онъ въ состояніи выручить, продавая затраченный на ея воздѣлываніе трудъ сельскохозяйственному работодателю.

Предположеніе это возможно подтвердить цифровыми данными. Валовая доходность крестьянской земли въ губерніяхъ востока, при современной ея производительности (36 пудовъ) и существующихъ цѣнахъ на хлѣбъ (около 25 коп.), въ среднемъ не превышаетъ, считая одно лишь зерно, 9 рублей съ десятины, и если даже прибавить стоимость соломы, продать которую

далеко не всегда возможно (около 60 пудовъ при цѣнѣ не свыше 3 коп. за пудъ), 1 р. 80 к., все же не превышаетъ 41 руб. Въ губерніяхъ центрально-черноземныхъ доходность эта, въ виду средней цѣны на хлѣбъ въ 30 к. за пудъ, немного выше, а именно 10 р. 80 к., а со стоимостью соломы (60 пуд. по 5 коп. за пудъ) 13 р. 80 к. По свѣдѣніямъ, доставленнымъ сельскими хозяевами обработка одной десятины земли подъ озимый хлѣбъ съ уборкой и молотью уже въ 1889 году одною лишь работою обходилась въ восточныхъ и центрально-черноземныхъ губерніяхъ отъ 9 и до 15 руб. Если даже не принимать въ расчетъ происшедшаго съ тѣхъ поръ значительнаго повышенія сельскохозяйственной заработной платы и взять лишь $\frac{2}{3}$ средней стоимости обработки десятины земли — 8 руб., полагая, что оставшая треть поглощается работою живого и мертваго инвентаря, то и въ такомъ случаѣ окажется, что крестьянинъ, при реализаціи продуктовъ своего урожая на деньги, выручаетъ всего на всего отъ 4 до 6 лишнихъ рублей съ десятины противъ той суммы, въ которую оплачивается его трудъ на той же землѣ при условіи принадлежности ея другому лицу. Сумма въ ея низшихъ предѣлахъ едва ли достаточная для уплаты земельныхъ повинностей.

Очевидно, что доходность земли въ крестьянскихъ рукахъ въ центрѣ и на востокъ черноземной области упала до мннимума. Въ сущности ренты она почти совсѣмъ не приноситъ, возвращая земледѣльцу лишь стоимость затраченнаго имъ труда, да и то не полную. Иначе говоря, наши земледѣльческія губерніи центра и востока сравнялись по доходности крестьянской земли съ сѣверными нечерноземными губерніями, гдѣ

земля уже давно перестала являться источникомъ денежныхъ доходовъ крестьянства. Этимъ источникомъ тамъ служатъ по преимуществу широко распространенныя промысловыя занятія. Но именно ихъ-то не имѣетъ крестьянство восточныхъ и центрально-черноземныхъ губерній. Значеніе земельного обезпеченія крестьянъ въ этихъ губерніяхъ, такимъ образомъ, ограниченное. Представляясь безмѣрно важнымъ въ извѣстныхъ предѣлахъ, оно утрачиваетъ это значеніе по превышеніи крестьянскимъ надѣломъ того количества земли, которое необходимо для личнаго продовольствія крестьянской семьи.

Доставляя крестьянину множество неподлежащихъ ичисленію на деньги выгодъ, обезпечивая его въ среднемъ продовольственными средствами, давая ему значительную, по сравненію съ безземельнымъ батракомъ, независимость отъ работодателя, земельное владѣніе, коль скоро крестьянинъ превращаетъ его въ коммерческое предпріятіе, стремясь извлечь изъ него денежный доходъ, едва окупаетъ затрачиваемый имъ для сего трудъ. Денежную часть своего бюджета онъ можетъ пополнять лишь заработками на промысловыхъ занятіяхъ.

Поднять благосостояніе крестьянъ въ центрѣ и на востокъ черноземной области посредствомъ увеличенія ихъ земельного фонда при современной производительности крестьянскихъ земель и существующихъ цѣнахъ на продукты земледѣлія тѣмъ болѣе невозможно, что земли крестьянами приобрѣтаются не на сбереженные деньги, а при помощи банковыхъ ссудъ, срочные платежи по которымъ окончательно поглощаютъ всю доходность земли. Переходъ къ нимъ права собствен-

ности на землю является ни чѣмъ инымъ, какъ переносомъ на нихъ риска сельскохозяйственнаго предприятия. Если бы это предприятие въ ихъ рукахъ представлялось въ общемъ прибыльнымъ, то крестьяне отъ такого перехода, конечно, выгадали бы. При наблюдаемой же нынѣ малой доходности этого дѣла въ крестьянскихъ рукахъ, они, конечно, лишь теряютъ.

Еще болѣе пагубно вліяетъ на крестьянскіе достатки распродажа владѣльческихъ земель въ цѣломъ составѣ. Подобныя распродажи, въ особенности если онѣ производятся при помощи банковыхъ ссудъ, составляютъ не что иное, какъ передачу права собственности изъ рукъ частнаго владѣльца банку. Но тогда какъ первый, если не всѣ, то, по крайней мѣрѣ, нѣкоторую часть своихъ доходовъ, даже въ случаѣ личнаго отсутствія въ своемъ имѣніи, расходовалъ на мѣстѣ, второй—банкъ цѣликомъ ихъ передаетъ владѣльцамъ своихъ облигацій, размѣщенныхъ, какъ извѣстно, исключительно среди городскихъ жителей.

Одно уничтоженіе хозяйской усадьбы съ одновременнымъ исчезновеніемъ всей администраціи имѣнія должно неминуемо повести къ уменьшенію крестьянскихъ доходовъ: самая бѣдная владѣльская усадьба все же доставляетъ нѣкоторые зимніе заработки крестьянамъ (уходъ за скотомъ, дворовыя работы), наиболѣе драгоценныя для крестьянъ центра и востока земледѣльческаго раіона, вслѣдствіе ихъ крайней ограниченности. Крестьянамъ этихъ губерній, какъ извѣстно, въ теченіе зимы зачастую нѣтъ никакой возможности утилизировать свой трудъ.

Допустимъ, однако, что убыточность и даже малопродуктивность крестьянскаго землепользованія въ центрѣ

и на востокѣ не доказаны, и что увеличеніе размѣровъ крестьянскаго землевладѣнія дѣйствительно можетъ повліять на степень зажиточности крестьянъ. Въ такомъ случаѣ надо рассмотреть, какими путями это достижимо.

Во всѣхъ центральныхъ губерніяхъ и даже въ большинствѣ восточныхъ черноземной области, не занятыхъ культурою земель не имѣется; увеличеніе крестьянскихъ надѣловъ, слѣдовательно, возможно либо переселеніемъ части крестьянъ на зауральскія земли, либо передачею въ крестьянское пользованіе части земель владѣльческихъ.

Поощрять переселеніе пока густота населенія не достигла такихъ размѣровъ, при которыхъ земля, доведенная до предѣловъ ея производительности, не въ состояніи его прокормить, не значитъ ли это, однако, прибѣгать къ приемамъ первобытныхъ пастушескихъ народовъ, но при условіяхъ неизмѣримо худшихъ. Дѣйствительно, въ этой стадіи развитія народы могли безнаказанно расселяться, не опасаясь, что ихъ исконныя селитьбища будутъ отняты у нихъ сосѣдями, и притомъ отняты не силою меча, который мечомъ же можно и отбить, но завоеваны мирнымъ путемъ, силою внутреннею, органическою, силою ума, энергіи и познаній.

Мы находимся въ иномъ положеніи. Въ сосѣдствѣ съ нами обитаютъ народы, научившіеся пользоваться силами природы съ большимъ успѣхомъ, нежели умѣемъ это дѣлать мы. На такомъ земельномъ пространствѣ и при такихъ климатическихъ условіяхъ, при наличности которыхъ мы не въ состояніи добыть отъ природы необходимое для удовлетворенія нашихъ огра-

ниченныхъ нуждъ, они извлекаютъ достаточное количество цѣнностей для удовлетворенія своихъ развившихся потребностей. Отъ этого и происходитъ, что въ то время, какъ русскій крестьянинъ ежегодно десятками тысячъ переселяется въ далекія тундры Сибири, наши западныя окраины—да и однѣ ли онѣ—наводняются нѣмецкимъ пришельцемъ, мирно, но стойко и неуклонно отодвигающимъ наши этнографическія границы къ востоку.

Едва ли не столь же нераціональнымъ слѣдуетъ признать переходъ земельныхъ владѣній въ сколько-нибудь обширныхъ размѣрахъ изъ рукъ болѣе интеллигентныхъ сословій въ руки малокультурной массы населенія. Крестьянскія земли и нынѣ занимаютъ въ центрѣ и на востокѣ значительно большую площадь земли, нежели земли владѣльческія. Ни въ одномъ изъ государствъ Западной Европы крестьянское землевладѣніе не занимаетъ той части общей территоріи страны, какъ у насъ. Дальнѣйшее уменьшеніе владѣльческихъ земель, сопряженное съ уничтоженіемъ тѣхъ культурныхъ центровъ, которыми въ общемъ являются владѣльческія хозяйства, не можетъ быть признано желательнымъ. Но оставляя даже въ сторонѣ вопросъ политическій, пренебрегать которымъ однако въ этомъ дѣлѣ отнюдь не приходится, разсмотрѣніе его исключительно съ точки зрѣнія экономической приводитъ къ тому же заключенію.

Дѣйствительно, культура помѣщичьихъ земель замѣтно превосходитъ культуру земель крестьянскихъ. Достаточно въ этомъ отношеніи указать, что урожайность первыхъ въ общемъ превышаетъ болѣе нежели на 20% производительность вторыхъ. Увеличеніе

крестьянскихъ земель за счетъ владѣльческихъ, слѣдовательно, неминуемо поведетъ къ пониженію общаго сбора хлѣбовъ въ странѣ. Основывать благосостояніе массы населенія страны на способахъ, роковымъ образомъ влекущихъ за собою пониженіе производительности ея почвы, по меньшей мѣрѣ неосторожно.

Если несомнѣнно, что при разрѣшеніи вопросовъ экономическихъ всѣ заботы, какъ власти государственной, такъ и силъ общественныхъ, должны быть направлены къ подъему благосостоянія не единичныхъ лицъ или даже сословій, а большинства населенія, то столь же неоспоримо, что достиженіе этого возможно лишь посредствомъ увеличенія богатства страны вообще.

Сколь бы ни казался важнымъ вопросъ о распределеніи богатства, все же важнѣе его и все же долженъ ему предшествовать процессъ накопленія этыхъ богатствъ. Но это накопленіе неизмѣнно начинается съ высшихъ, интеллигентныхъ слоевъ населенія и лишь затѣмъ постепенно опускается ниже, при чемъ послѣднее зависитъ, главнымъ образомъ, отъ развитія въ массахъ единственнаго источника прочнаго народнаго благосостоянія—развитія среди него способности къ производительному труду. При томъ, современный строй нашего отечества настоятельно требуетъ уравненія производительности нашихъ земель съ землями остальныхъ культурныхъ странъ. Безъ этого мы не можемъ сохранить наше положеніе среди народовъ Европы. Словомъ, съ какой стороны ни смотрѣть на переходъ земли изъ рукъ интеллигентныхъ классовъ въ руки малокультурной массы, мы всячески принуждены признать его вредоносность. Явленіе это протіворѣчитъ культурно-историческимъ задачамъ Россіи и, ослабляя

материальную мощь высшихъ слоевъ, не увеличиваетъ одновременно и благосостоянія низшихъ.

Право собственности на естественныя богатства, т. е. на землю, ея поверхность и недра наврядъ ли можетъ быть признано неприкосновеннымъ. Почва, несомнѣнно, составляетъ достояніе всего человѣчества во всѣхъ его безчисленныхъ поколѣніяхъ и, слѣдовательно, владѣніе ею должно быть собразовано съ интересами не единичныхъ сословіи, и даже не единичныхъ поколѣній, но всего народа въ цѣломъ рядѣ его преемственныхъ поколѣній. Собразно съ этимъ, полного права собственности на землю у отдѣльныхъ лицъ не только быть не можетъ, но на дѣлѣ никогда и не было. Если, тѣмъ не менѣе, человѣческія общества установили это право, хотя и ограниченное, то исключительно въ виду того, что оно отвѣчаетъ общему благу.

Дѣйствительно, право собственности на землю является единственнымъ стимуломъ для культурной обработки ея, и хотя оно предоставляется въ культурныхъ обществахъ ранѣе, нежели собственникъ приступитъ къ обработкѣ, но, однако, исключительно въ виду ея. Первобытные народы, довольствующіеся самобытными произведеніями почвы, права собственности на землю не знаютъ, но коль скоро они приступаютъ къ ея обработкѣ, такъ немедленно возникаетъ и это право. Но если право собственности на землю имѣетъ въ своемъ основаніи благо общее, то изъ этого само собою истекаетъ, что и распределеніе земли между отдѣльными собственниками должно прежде всего отвѣчать тѣмъ условіямъ, въ коихъ она лучшимъ образомъ при данныхъ обстоятельствахъ

можетъ быть доведена до той степени производительности, которую требуетъ культурный строй страны, не взирая на то, поскольку размѣры владѣній будутъ отвѣчать равномерному распределенію земли среди всей массы населенія. Последнее представляетъ вопросъ будущаго и приступить къ его разрѣшенію возможно лишь въ то время, когда все населеніе страны будетъ обладать равными силами, одинаковой способностью въ использованіи естественныхъ богатствъ. Въ настоящее время мы еще весьма далеки отъ этого, и, конечно, не разрушая благосостояніе высшихъ слоевъ, а лишь постепенно повышая культурный уровень страны и приобщая къ нему низшіе слои, возможно этого достигнуть.

Между тѣмъ, при современныхъ условіяхъ землепользованія, наиболѣе доходными и при этомъ наиболѣе способствующими поднятію техники земледѣлія являются владѣнія средней величины, площадь воздѣлываемой земли которыхъ достаточна, чтобы использовать работу усовершенствованныхъ орудій и тѣмъ окупать ихъ стоимость и при этомъ доставляетъ такое количество сырыхъ продуктовъ, при которомъ возможно обзавестись тѣмъ или инымъ техническимъ для ихъ переработки производствомъ, не придавая ему торгово-промышленнаго характера, т. е. ограничиваясь для этого сельскохозяйственнымъ сырьемъ собственнаго производства. Мелкія земельныя владѣнія ни того, ни другого достигнуть не въ состояніи. Такія орудія, какъ, на примѣръ, жатки, сѣнокосилки, а тѣмъ болѣе паровыя молотилки, конечно, удешевляютъ стоимость производства зерна лишь въ томъ случаѣ, если работаютъ большую часть того времени, въ те-

ченіе котораго могутъ вообще производиться работы, для коихъ они предназначены, и убыточны, если ихъ рабочее время ограничивается нѣсколькими днями въ теченіе года, что неминуемо происходитъ у мелкихъ землевладѣльцевъ. Конечно, изъ этого положенія возможно выйти путемъ коллективнаго приобрѣтенія и использования подобныхъ орудій. Но послѣднее исполнимо лишь при высокомъ культурномъ уровнѣ владѣльцевъ, сознающихъ всю пользу подобныхъ дѣйствій, и при томъ одинаково умѣющихъ бережливо и умѣло съ ними обращаться. Этихъ качествъ въ нашемъ крестьянскомъ населеніи жизнь еще не выработала.

Съ другой стороны, слишкомъ крупныя земельныя владѣнія, такъ называемыя латифундіи, какъ указываетъ историческій опытъ всѣхъ народовъ, въ большинствѣ случаевъ также отличаются слабою рентабельностью. Самый размѣръ этихъ владѣній, силою вещей, заставляетъ вести на нихъ экстенсивное хозяйство. Усовершенствованные приемы хозяйничанья, немислимые безъ увеличенія оборотныхъ расходовъ, въ случаѣ ихъ примѣненія къ такимъ владѣніямъ, потребовали бы слишкомъ громадныхъ денежныхъ затратъ. Къ тому же владѣльцы этихъ помѣстій не имѣютъ особыхъ причинъ стремиться къ повышенію получаемой ими ренты. Доходы этихъ помѣстій, сколько бы они ни были ничтожны на единицу земельной поверхности, все же въ общемъ достигаютъ столь значительной суммы, что съ избыткомъ удовлетворяютъ всѣмъ потребностямъ ихъ владѣльцевъ. Тому же, конечно, препятствуетъ и другое повсемѣстно наблюдаемое явленіе — повальное отсутствіе земельныхъ магнатовъ въ ихъ владѣніяхъ. Лица эти, есте-

ственно, предпочитаютъ пользоваться удобствами городской жизни, которая имъ доставляетъ ихъ широкія средства и вслѣдствіе этого, въ большинствѣ случаевъ, являются людьми оторванными отъ почвы и отъ интересовъ сельской жизни.

Лишь владѣльцы имѣній средней величины съ такою доходностью, которая удовлетворяетъ современнымъ потребностямъ интеллигентной семьи въ деревенской обстановкѣ, могутъ и имѣютъ все къ тому побужденія повысить технику сельскохозяйственнаго промысла, да и вообще культурный уровень мѣстной жизни.

Такимъ образомъ, какъ интересы государства, такъ и интересы деревни въ равной степени говорятъ за всемѣрное содѣйствіе образованію владѣній средней величины изъ крупныхъ помѣстій и за прекращеніе дальнѣйшаго дробленія владѣльческихъ земель на мелкіе участки съ переходомъ ихъ въ крестьянскія руки. Въ особенности необходимо прекратить послѣднее въ нашихъ центральныхъ губерніяхъ, гдѣ, какъ упомянуто выше, большая часть земельной поверхности и нынѣ находится въ крестьянскихъ рукахъ. Такой переходъ допустимъ нынѣ лишь съ крайней осмотрительностью въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ владѣльческія земли превосходятъ пространствомъ крестьянскія владѣнія; исключеніе можетъ и должна составить прирѣзка къ крестьянскимъ землямъ тѣхъ вкрапленныхъ въ послѣднія помѣщичьихъ угодій, которыя нерѣдко даютъ возможность владѣльцамъ въ значительной степени стѣснять крестьянъ въ ихъ землепользованіи. Такіе участки, именуемые въ среднихъ губерніяхъ «окнами», встрѣчаются еще до сихъ поръ, а исчезнуть имъ давно пора.

Стремленіе во что бы то ни стало увеличить крестьянскій земельный фондъ не является ли слѣдствіемъ крайней догматичности нашихъ радѣтелей о народныхъ массахъ и не хотятъ ли они осуществить книжныя теоріи соціальной демократіи, совершенно независимо отъ того, поскольку осуществленіе ихъ на практикѣ, при наличности условій данныхъ времени и мѣста, дѣйствительно обезпечать народное благосостояніе. Вычитавъ нѣкогда, что широко обезпеченное землею населеніе — идеаль всякаго государства, они остаются глухи и слѣпы ко всѣмъ явленіямъ, доказывающимъ, что это положеніе, какъ и всякое иное въ политико-экономическихъ вопросахъ, справедливо лишь относительно, а именно, при наличности другихъ отвѣчающихъ ему обстоятельствъ.

Существуетъ, между тѣмъ, рядъ другихъ мѣръ, способныхъ въ значительно бѣльшей степени облегчить положеніе нашего крестьянства, нежели увеличеніе его земельного фонда. Среди нихъ, несомнѣнно, первое мѣсто занимаетъ коренное измѣненіе нашей податной системы. Всякому, конечно, извѣстно, что количество податей, уплачиваемыхъ низшими слоями населенія, въ процентномъ отношеніи къ ихъ годовымъ расходамъ, во много разъ превышаетъ долю податей, взимаемыхъ съ лицъ состоятельныхъ. Дѣйствительно, чѣмъ богаче человѣкъ, тѣмъ меньшую часть своихъ доходовъ онъ вноситъ на общегосударственныя потребности, хотя, конечно, пользуется услугами государства въ значительно бѣльшей степени. Такое положеніе вещей происходитъ, прежде всего, отъ преобладанія въ системѣ государственныхъ податей — и не только нашихъ, но и вообще всѣхъ

культурныхъ народовъ — косвеннаго обложенія предметовъ первой необходимости. Но размѣры потребления этихъ обложенныхъ продуктовъ, какъ-то: спирта, чая, сахара, табаку, имѣютъ для каждаго человѣка свои весьма ограниченные предѣлы, т. е., иначе говоря, близко приближаются къ одной общей нормѣ, вслѣдствіе чего количество косвенныхъ налоговъ, уплачиваемыхъ наиболѣе богатыми, лишь немногимъ превышаетъ то же количество, уплачиваемое бѣднякомъ, при условіи, что послѣдній вообще въ состояніи потреблять упомянутые продукты въ достаточномъ размѣрѣ. Передъ этимъ блѣднѣетъ, конечно, пресловутое преимущество косвеннаго обложенія, состоящее въ томъ, что оно уплачивается не принудительно, а добровольно. Вѣдь, въ сущности, на добрую волю человѣка предоставляется здѣсь не уплата этого налога, а лишь самое потребление обложеннаго продукта, т. е., иначе говоря, ему предоставляется отказаться отъ его потребления.

Нѣтъ сомнѣнія, что равномерное привлеченіе всѣхъ, сообразно съ ихъ достатками, къ участию въ удовлетвореніи общегосударственныхъ потребностей представляетъ едва ли когда-нибудь достижимый идеаль, а при современномъ состояніи техники податного дѣла не можетъ быть осуществлено даже сколько-нибудь удовлетворительно. Наиболѣе справедливый изъ всѣхъ налоговъ — подоходный и тотъ представляетъ, даже въ государствахъ, гдѣ онъ поставленъ на наиболѣе правильныхъ началахъ, многія несовершенства. Это, однако, не доказываетъ, чтобы въ этомъ направленіи не слѣдовало стремиться, и чтобы нельзя было хотя нѣсколько перенести центръ дѣйствія нашего податного аппарата съ неимущихъ классовъ на болѣе состоятель-

ные. Еще меньше того оно доказываетъ необходимость увеличить благосостояніе массъ за счетъ землевладѣльческаго сословія. Средства имущихъ даже при даровомъ и невозвратномъ распредѣленіи ихъ между неимущими лишь въ крайне слабой степени и притомъ временно улучшатъ ихъ положеніе, но зато средства эти утратятъ почти всю свою производительную силу, ибо потенциальная сила денегъ, по мѣрѣ ихъ сосредоточенія въ одной массѣ, возрастаетъ отнюдь не въ размѣрѣ ихъ абсолютнаго, увеличенія, а въ геометрической прогрессіи. Это положеніе принадлежитъ къ числу тѣхъ малочисленныхъ законовъ, которые экономической наукѣ удалось установить съ полной достоверностью.

Еще меньше вниманія, нежели на податной вопросъ, обращаютъ поборники увеличенія земельного фонда крестьянъ на усиленіе другихъ источниковъ крестьянскихъ доходовъ. Они, повидимому, и знать не хотятъ, что населеніе западной Европы, не только земельное, но даже и безземельное, пользуется земными благами въ неизмѣримо бѣльшей степени, нежели нашъ, владѣющій неотчуждаемымъ надѣломъ, крестьянинъ. Работа въ чужомъ дѣлѣ ими систематически изображается въ нарочито черныхъ краскахъ. Не проглядываетъ ли, однако, тутъ все то же стремленіе не столько улучшить народное благосостояніе, сколько осуществить любимую теорію, и не является ли въ сущности ихъ конечною цѣлью достиженіе послѣдняго, а не перваго. Но жизнь беретъ свое. Обстоятельства складываются такъ, что, какъ мы видѣли, крестьянство и нынѣ все болѣе черпаетъ свои достатки не изъ земельной собственности, а изъ заработковъ.

VI.

Развитіе фабрично-заводской промышленности, какъ средство для увеличенія заработковъ населенія.

Изъ двухъ источниковъ, которыми пополняется доходная часть крестьянскихъ бюджетовъ—земледѣлія и заработковъ, одинъ—земледѣліе—возможно ограничить, какъ это свидѣтельствуется вся совокупность явленій, вызвавшихъ пониженіе доходности сельско-хозяйственнаго промысла, лишь посредствомъ повышенія производительности почвы.

Ожидать, однако, того отдаленнаго времени, когда культура земли достигнетъ у насъ желательной интенсивности и притомъ утвердится и въ крестьянскихъ хозяйствахъ, сложа руки, очевидно, не приходится. Существуютъ все данныя полагать, что при современномъ состояніи крестьянства въ центрѣ и на востокъ это время для него никогда не настанетъ. Что же касается другого источника—заработковъ, то хотя изъ него крестьяне нынѣ и черпаютъ наибольшую часть своихъ денежныхъ доходовъ, по-все же источникъ этотъ бьетъ далеко не полнымъ ключомъ или,

вѣрнѣе, бьетъ чрезвычайно неправильно, и у большинства крестьянъ остается немало свободного, не использованнаго времени. Спрашивается: нѣтъ ли возможности искусственно увеличить крестьянскіе заработки въ какой-либо отрасли труда?

По мнѣнію нѣкоторыхъ, возможность эта существуетъ вполне, именно посредствомъ всеобщаго поощренія фабрично-заводской дѣятельности въ странѣ. Тотъ широкій размахъ, который получила эта дѣятельность за послѣднее десятилѣтіе, при значительной прибыльности ея, какъ будто бы подтверждалъ правильность этого мнѣнія. Однако, событія послѣдняго времени въ корнѣ его подрѣкли.

Еще разъ наглядно подтвердилась непреложность того правила, что не фабрика обогащаетъ населеніе, а населеніе фабрику. Даже въ тѣхъ странахъ, гдѣ въ настоящее время большинство населенія занято фабричною работою, все же начало процвѣтанію промышленности положило зажиточное сельское населеніе и лишь въ послѣдствіи окрѣпшая въ собственной странѣ промышленность сумѣла завладѣть иностранными рынками и, сдѣлавъ изъ другихъ земледѣльческихъ народовъ своихъ данниковъ, настолько расширилась, что привлекла къ занятіямъ въ ней большинство населенія собственной страны. Такимъ именно образомъ возникла и развилась англійская промышленность.

Не намъ, конечно, мечтать повысить наше богатство за счетъ другихъ народовъ, намъ, отставшимъ отъ культурныхъ странъ во всѣхъ техническихъ усовершенствованіяхъ. Если передовые народы, не имѣвшіе въ завладѣніи чужихъ рынковъ той непосильной конкуренціи, которую мы повсемѣстно встрѣчаемъ, ока-

зались въ состояніи развитъ свою международную торговлю фабричными издѣліями лишь послѣ созданія въ своей странѣ устойчиваго потребительнаго рынка, то неужели же мы въ состояніи опрокинуть этотъ порядокъ: сначала создать промышленность и лишь затѣмъ обезпечить сбытъ ея произведеній?

Если отдѣльныя отрасли промышленности у насъ все же отличаются высокой прибыльностью, то вѣдь нельзя забывать, что онѣ держатся мѣрами искусственными и живутъ не столько за счетъ доходовъ населенія, сколько за счетъ ихъ основного богатства. Фабрика настолько же богатѣетъ, насколько нищаетъ народъ, и, конечно, наступитъ время, когда платежнныя силы населенія окажутся настолько подорванными, что никакія уже мѣры не будутъ въ состояніи отстоять промышленной дѣятельности отъ полного упадка. Не помогутъ этому даже раздаваемые многимъ предпріятіямъ казенные заказы. Обнищавшее населеніе будетъ столь же мало въ состояніи оплачивать произведенія промышленности путемъ взноса денегъ въ государственное казначейство, какъ некупать ихъ лично для своего непосредственнаго потребленія.

Между тѣмъ, только этими заказами возможно объяснить, что наша заводская промышленность или, по крайней мѣрѣ, та ея отрасль, стоимость производства которой составляетъ большую часть общей цѣнности вырабатываемыхъ заводами продуктовъ — металлургическая, лишь въ недавнее время ощутила на себѣ насколько ея развитіе не соответствуетъ общему хозяйственному строю страны и платежннмъ силамъ населенія. О степени этого несоответствія возможно

было, однако, судить уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Такъ, по даннымъ, заключавшимся во всенародномъ отчетѣ Министра Финансовъ о государственной росписи на 1897 г., стоимость всего годичнаго производства сельскохозяйственныхъ продуктовъ въ Россіи не превышала полутора миллиарда рублей, тогда какъ производство фабричной, заводской и горной промышленности превосходило уже въ то время два миллиарда. Въ виду того, что вывозъ продуктовъ нашей обрабатывающей и добывающей промышленности, по его стоимости, меньше 100 милліоновъ рублей, и что, наоборотъ, вывозъ произведеній сельскаго хозяйства превышаетъ полъ миллиарда, то оказывается, что въ странѣ уже въ 1897 г. для оплаты почти двухъ милліардовъ фабричныхъ цѣнностей населеніе имѣло въ своемъ распоряженіи лишь одинъ милліардъ, представлявшій цѣнность продуктовъ земледѣлія, значительную долю которыхъ оно къ тому же должно было употребить для собственнаго прокормленія. Задача эта, конечно, непосильная и выполненіе ея, очевидно, возможно лишь за счетъ основнаго богатства страны, а отнюдь не ея текущихъ доходовъ.

Задача эта не облегчится даже если значительно уменьшить цѣнность вырабатываемыхъ строною фабрикатовъ, принимая, что сумма въ два миллиарда представляетъ лишь оборотную стоимость производства фабрикъ и заводовъ, т. е. что въ нее вошла, съ одной стороны, цѣна сырыхъ матеріаловъ, производимыхъ тѣмъ же сельскимъ хозяйствомъ (шерсть, ленъ, пенька, древесное топливо), а съ другой—что сумма нѣкоторыхъ производствъ въ ней фигурируетъ по нѣсколькоразъ, такъ какъ въ составъ ея вошли отдельно

стоимость полуобработаннаго продукта и отдельно стоимость готоваго издѣлія, напримѣръ, особо пряжи и особо въ полной цѣнѣ выработанныя изъ этой пряжи ткани, особо цѣнность чугуна и тутъ же на ряду съ ней полная цѣнность полученныхъ изъ него желѣза и стали и еще отдельно стоимость выработанныхъ изъ послѣднихъ издѣлій. За всѣми этими сокращеніями чистая стоимость годового производства фабрично заводской промышленности все же не могла быть ниже одного миллиарда рублей, и естественно, что земледѣльческое населеніе не могло ихъ оплатить изъ своихъ доходовъ, даже если съ другой стороны значительно увеличить стоимость продуктовъ сельскаго хозяйства.

Между тѣмъ, шыхъ покупателей фабричныхъ издѣлій, кромѣ земледѣльческаго населенія, въ Россіи почти не имѣется.

Общее количество рабочихъ, занятыхъ обрабатывающей и добывающей промышленностью, не превышало во время самого разгара фабрично-заводской дѣятельности у насъ—въ 1897 г. двухъ милліоновъ 200 тысячъ, вмѣстѣ съ женщинами и дѣтьми (600 тысячъ въ горномъ дѣлѣ и 1,600 тыс. въ обрабатывающей промышленности), а нынѣ, вѣроятно, не достигаетъ и этой цифры. Количество покупаемыхъ ими издѣлій, по отношенію къ общей массѣ ихъ производства канни въ морѣ. Что же касается ничтожной кучки владельцевъ фабрикъ и заводовъ, то разсчитывать на ихъ покупныя силы для взаимнаго сбыта производимыхъ ими издѣлій не приходится при всякихъ условіяхъ: по отношенію къ общей суммѣ производства ихъ личное потребленіе, конечно, микроскопическое. Въ осо-

бенности же невозможно это у насъ, гдѣ владѣльцами многихъ предпріятій являются иностранцы, живущіе внѣ предѣловъ Россіи¹⁾.

Что же касается остальныхъ классовъ населенія, трудъ коихъ состоитъ въ личныхъ услугахъ—безразлично государству или частнымъ учрежденіямъ и лицамъ—то оплата его производится, очевидно, за счетъ произведенныхъ другими классами цѣнностей и самостоятельно, въ виду этого, они ничего оплатить не въ состояніи. Роль этихъ лицъ въ экономическомъ строѣ страны, какъ извѣстно, сводится лишь къ оживленію торговыхъ оборотовъ и непосредственно не ведетъ къ приращенію ея богатствъ. Оплата же этого вида труда производится, очевидно, большинствомъ населенія, т. е. у насъ опять таки земледѣльческимъ классомъ, иначе говоря, за счетъ продуктовъ сельскаго хозяйства.

Такимъ образомъ, единственнымъ серьезнымъ источникомъ покупокъ средствъ издѣлій фабрично-заводской промышленности является у насъ сельское хозяйство, а между тѣмъ сумма производимыхъ имъ цѣнностей, какъ мы видѣли, не соответствуетъ стоимости вырабатываемыхъ фабриками продуктовъ.

) Къ сожалѣнію, и на нашихъ крестовъ, тѣмънѣе свои фантазіи сооружеиіемъ мавританскихъ замковъ, надѣяться въ этомъ отношеніи тоже не приходится, такъ какъ для удовлетворенія своихъ прихотей они обращаются преимущественно къ произведеніямъ иностранной промышленности. Между тѣмъ, если немудрено воспретить человеку тратить получаемые имъ доходы, какъ ему это правится, то равнымъ образомъ позволительно, по меньшей мѣрѣ, удивляться, если эти траты производятся съ такимъ отсутствіемъ патриотизма и даже непониманіемъ собственныхъ интересовъ, какое обнаруживаютъ въ этомъ дѣлѣ наши толстосумы.

Усиленіе сбыта фабрикатовъ отечественнаго производства на внутреннихъ рынкахъ, безъ увеличенія покупательной силы населенія, иначе говоря, безъ соответственнаго развитія сельскохозяйственнаго промысла можетъ, такимъ образомъ, послѣдовать только за счетъ потребленія издѣлій иностранной промышленности. Но ввозъ къ намъ этихъ издѣлій уже настолько сократился, что дальнѣйшее его уменьшеніе въ значительныхъ размѣрахъ представляется крайне проблематичнымъ. Хотя изъ общей стоимости ввезенныхъ къ намъ по европейской границѣ въ послѣднемъ отчетномъ году—1900 иностранныхъ товаровъ, достигшей 572 мил. руб.¹⁾ до 300 мил., и падаетъ на произведенія обрабатывающей и добывающей промышленности, но ближайшее разсмотрѣніе этого ввоза по отдѣльнымъ категоріямъ товаровъ приводитъ къ убѣжденію, что въ настоящее время мы въ состояніи замѣнить не болѣе одной ихъ четверти отечественными издѣліями. Дѣйствительно, 76 мил. изъ означенныхъ 300—поглощаетъ ввозъ фабричныхъ орудій и машинъ. Но ввозъ этотъ вызванъ преимущественно оборудованіемъ новыхъ фабрикъ и, слѣдовательно, характера преходящаго, такъ какъ едва ли кто-либо можетъ утверждать, что промышленность наша получила такое развитіе, при которомъ возможно существованіе заводовъ, производящихъ сложныя орудія фабричнаго производства²⁾.

¹⁾ «Видныя торговли по европейской границѣ въ теченіе декабря и всего 1900 г.», изд. Департ. Таможен. Сборовъ.

²⁾ Исключеніе составляютъ сельскохозяйственныя машины, ввозъ которыхъ по цѣности превышаетъ 11 милліоновъ, а между тѣмъ построеніе ихъ, надо полагать, возможно довести до совершенства и у насъ, въ виду постоянно развивающагося требова-

Дальше 80 миллионъ достигла цѣнность ввоза не обработанныхъ продуктовъ добывающей промышленности (42 мил. коксъ и уголь и 38 мил. металлы не въ дѣлѣ), уменьшеніе котораго едва ли достижимо. На всемъ сѣверѣ Россіи до сихъ поръ не открыто богатыхъ залежей ископаемыхъ, а посему районъ этотъ осужденъ пользоваться минеральнымъ топливомъ и желѣзомъ не въ дѣлѣ иностраннаго происхожденія, вслѣдствіе значительной разницы въ доставкѣ этихъ продуктовъ изъ сопредѣльныхъ чужихъ краевъ и тѣхъ отдаленныхъ отъ него русскихъ областей, гдѣ они у насъ добываются. Такое по крайней мѣрѣ объясненіе этого ввоза далъ состоявшійся осенью 1901 г. въ Харьковѣ съѣздъ горнопромышленниковъ и едва ли можно отрицать его основательность.

Стоимость остающагося за указанными отчислениями ввоза иноземныхъ фабрикатовъ не превышаетъ 150 миллионъ. Подробное разсмотрѣніе его по отдѣльнымъ категоріямъ товаровъ завело бы насъ слишкомъ

нія на нихъ. По указанію Министерства финансовъ («Торгово-промышленная Россія», изд. Деп. Торговли и Мануфактуръ 1899 г. стр. 223, 224), въ то время какъ постройка машинъ и орудій имѣетъ случайный характеръ, наоборотъ—«производство сельскохозяйственныхъ орудій у насъ весьма значительно, несмотря на то, что очень долгое время они допускались изъ-за границы, совершенно беспошлинно, а отечественное производство не только не поощрялось, но не пользовалось и тѣми немногими льготами, которыми имѣлось въ виду поддержать производство другихъ машинъ».

Не лучшее ли это, кстати сказать, свидѣтельство, что вполне развившаяся отрасль народнаго хозяйства сама, безъ искусственной помощи, вызываетъ въ странѣ производство необходимыхъ для нея предметовъ?

далеко. Впрочемъ, оно и не имѣетъ существеннаго значенія, такъ какъ и безъ этого можно, не опасаясь впасть въ ошибку, утверждать, что по меньшей мѣрѣ половину этого ввоза, по его стоимости, составляютъ, съ одной стороны, предметы роскоши, международный товарообмѣнъ которыми всегда будетъ существовать, а съ другой—издѣлія столь различныхъ производствъ и притомъ выписываемыя каждая въ отдѣльности въ столь незначительномъ количествѣ, что ихъ изготовленіе у насъ, если для этого необходимо оборудованіе особыхъ фабрикъ, невозможно уже вслѣдствіе отсутствія сколько-нибудь значительнаго на нихъ требованія. Къ подобнымъ предметамъ относятся, наприкладъ, физическіе приборы, спеціальныя химическія препараты и т. п.

Словомъ, предѣльное увеличеніе нашего фабричнаго производства за счетъ иноземнаго ввоза можетъ выразиться въ суммѣ 75 мил. руб. Пренебрегать намъ и этимъ, конечно, не приходится, однако, главнымъ образомъ, ради улучшенія нашего международнаго торговаго баланса, а не въ видахъ развитія фабрично-заводской промышленности, для которой лишніе 75 мил. производства, при общей стоимости его, превышающей миллиардъ, не можетъ имѣть существеннаго значенія. Что же касается могущаго послѣдовать отъ сего увеличенія заработковъ населенія, то оно, конечно, ничтожно.

Независимо отъ сего, необходимо имѣть въ виду, что развитіе этой стороны народнаго хозяйства въ какихъ бы то ни было размѣрахъ, все же не отразится на благосостояніи населенія центра и востока земледѣльческой области. Въ этомъ районѣ фабричная

дѣтельность уже потому не можетъ получить широкаго размаха, что въ его предѣлахъ добыча минеральнаго топлива, безъ котораго нынѣ никакое обширное производство обойтись не можетъ, совершенно отсутствуетъ и сдѣланныя въ этомъ направленіи попытки не привели къ желаннымъ результатамъ.

Такимъ образомъ, самое усиленное развитіе фабрично-заводской промышленности не можетъ повліять на благосостояніе населенія всего центра и востока земледѣльской области. Усиленный отливъ рабочихъ изъ этихъ мѣстностей въ заводскіе центры, если онъ будетъ сопряженъ съ окончательнымъ осѣданіемъ этого населенія вблизи означенныхъ центровъ, не поведетъ къ приливу денежныхъ средствъ сельскому люду этой области. Если же допустить возможность сохраненія прочной связи между оторваннымъ отъ земли къ фабрикъ рабочимъ людомъ и ихъ оставшимися на мѣстахъ семьями, съ періодическими возвратами этого люда въ родное село, то такой исходъ представляется еще менѣе желательнымъ. Неизбѣжными послѣдствіями пребыванія на фабрикѣ, а тѣмъ болѣе шатанія изъ одного мѣста въ другое за поисками заработковъ, является нравственная порча этого кочующаго населенія. Этотъ нравственный вредъ, несомнѣнно, превышаетъ ту матеріальную выгоду, которую можетъ получить населеніе отъ такого рода заработковъ.

Наконецъ, всякому понятно, что развитіе фабрично-заводскихъ предпріятій капиталистическаго характера, съ непрерывнымъ въ теченіе всего года производствомъ, можетъ доставить заработки земледѣльческому населенію, лишь оторвавъ его отъ занятія самимъ земледѣліемъ, т. е., иначе говоря, лишь уменьшить число

земледѣльцевъ, а не предоставить ему подсобные источники дохода. Отрицать вліяніе фабрики на доходность сельскохозяйственнаго промысла, конечно, нельзя, но это вліяніе сказывается лишь на весьма ограниченномъ, близко прилегающемъ къ мѣсту расположенія фабрики, районѣ. Фабричные поселки въ этомъ отношеніи имѣютъ одинаковое со всякими мѣстами скопленія народа значеніе съ тою, однако, разницею, что число лицъ съ развитыми потребностями и достаточными для ихъ удовлетворенія средствами въ общемъ въ нихъ незначительное и, конечно, уступаетъ самымъ ничтожнымъ городскимъ центрамъ¹⁾. Какъ бы то ни было, значеніе фабрикъ въ этомъ отношеніи отрицать немыслимо. По близости къ нимъ должны развиваться всѣ побочныя отрасли сельскаго хозяйства, то, что французы называютъ *la petite culture*, а именно огородничество, садоводство и мелкое

¹⁾ Къ сожалѣнію, наши фабричные центры до сихъ поръ и этого значенія не имѣютъ. Извѣстно, что въ московскомъ промышленномъ районѣ, прилегающія къ фабрикамъ надѣльныя земли крестьянами совершенно заицены, а въ окрестныхъ деревняхъ проживаютъ лишь старые, да малые, все же работоспособное населеніе перекочевываетъ на самую фабрику, хотя и тамъ условія его существованія далеко не блестящія. Заработанныя на фабрикѣ деньги не идутъ въ прокъ рабочему — ихъ всецѣло поглощаетъ тотъ разгулъ, который развиваетъ фабрика и противъ котораго могутъ устоять лишь единичныя лица. Вотъ еще лишнее доказательство, что развитіе фабрикъ лишь тогда содѣйствуетъ благосостоянію низшихъ классовъ населенія, когда ихъ культурный уровень настолько повысился, что излишнія противъ безусловно необходимыхъ для существованія заработанные средства они принуждены цѣлкомъ обращать на удовлетвореніе развившихся у нихъ другихъ, болѣе утонченныхъ потребностей, что и удерживаетъ ихъ отъ разгула.

молочное хозяйство, т. е. именно тѣ сельскохозяйственные промыслы, которые наиболее доходны и притомъ именно въ крестьянскихъ рукахъ. Капиталистическое производство не сумѣло до сихъ поръ положить на это дѣло свою тяжелую руку, да наврядъ ли это ему когда-либо удастся. Крайняя затруднительность учета работъ во всѣхъ этихъ мелкихъ производствахъ такъ же, какъ количества получаемыхъ отъ нихъ продуктовъ, ставитъ этому непреодолимая преграда. Но, повторяемъ, значеніе фабрикъ въ географическомъ отношеніи крайне ограниченное, а поэтому, если бы намъ даже удалось покрыть весь обширный донецкій каменноугольный бассейнъ русскими Шеффилдами и Бирминггами, то и въ такомъ случаѣ центръ и востокъ земледѣльческой области не получили бы отъ этого какихъ-либо выгодъ.

Защитники насажденія у насъ, во что бы то ни стало и цѣною какихъ бы то ни было народныхъ жертвъ обрабатывающей и добывающей промышленности обыкновенно указываютъ, кромѣ того, что лишь эта область народной дѣятельности ведетъ къ созданію и накопленію капиталовъ и что, слѣдовательно, столь необходимая для сельскаго хозяйства средства могутъ быть добыты лишь при помощи ихъ предварительнаго развитія.

На ряду съ этимъ утверждаютъ или, по крайней мѣрѣ, еще недавно утверждали, что вѣрнѣйшимъ орудіемъ скорѣйшаго развитія фабрично-заводской дѣятельности въ странѣ является привлеченіе къ этой отрасли народнаго хозяйства иностранныхъ капиталовъ. Такой пріемъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, тѣмъ болѣе цѣлесообразенъ, что при немъ весь рискъ этого дѣла

перелagается на иностранцевъ, страна же, даже въ случаѣ ихъ неуспѣха, можетъ лишь выгадать. Если основанныя на чужеземныхъ деньгахъ промышленныя предприятия будутъ процвѣтать, то соотвѣтственно уменьшится ввозъ къ намъ иностранныхъ фабрикатовъ и тѣмъ улучшится нашъ торговый балансъ; въ случаѣ же если предприятия лопнутъ, то всѣ связанныя съ этимъ убытки лягутъ исключительно на страны, доставившія тѣ денежные средства, съ помощью которыхъ предприятия были основаны и дѣйствовали, а страна опять-таки лишь обогатится, такъ какъ прибывшія средства все же израсходованы въ ней.

Такимъ образомъ, оказывается, что какъ прибыльность дѣйствующаго въ странѣ иностраннаго предприятия, такъ и убыточность его и даже ликвидация ведутъ къ увеличенію денежныхъ средствъ страны и нарастанію въ ней капиталовъ.

Какимъ образомъ два противоположныя явленія могутъ привести къ однороднымъ результатамъ—понять трудно. Если же ближе присмотрѣться къ этому дѣлу, то едва ли не окажется совершенно обратное, а именно, что процвѣтающія иностранныя предприятия ведутъ къ увеличенію иностранныхъ богатствъ, а гибнущія и погнбшія не всегда поглощаютъ вложенный въ нихъ капиталъ, но зато неизбежно порождаютъ въ той странѣ, гдѣ они дѣйствовали, немаловажныя бѣдствія.

Указывать на примѣръ Англии и Соединенныхъ Штатовъ, промышленность коихъ выросла на иностранныхъ капиталахъ, и на этомъ основаніи полагать, что приливъ въ страну денегъ всегда для нея выгоденъ, значитъ допустить грубую ошибку. Какъ въ

Англию, такъ и въ Соединенные Штаты прибыли собственно не капиталы, а обладатели ихъ, и въ этихъ странахъ окончательно основались. Въ Англии, какъ извѣстно, это произошло въ такое время—во второй половинѣ XVI вѣка, эпоху гоненія на гугенотовъ во Франціи, откуда собственно и прибыли капиталисты,—когда издали вести предпріятіе было немислимо, за отсутствіемъ постоянныхъ и скорыхъ сношеній и сообщеній. Естественно, что при такихъ условіяхъ страны эти выгадали отъ прилива денежныхъ средствъ. Иностранными прибывшіе въ нихъ капиталы возможно назвать лишь по ихъ происхожденію, такъ какъ тотчасъ по вступленіи въ страну, они немедленно и раз навсегда превратились въ національное богатство.

Иное представляютъ капиталы, прибывающіе отдѣльно отъ ихъ владѣльцевъ. Эти капиталы являются въ иностранную страну лишь на побывку, дабы воспользоваться бѣльшимъ, нежели возможно изъ нихъ извлечь въ родной странѣ, барышомъ и затѣмъ, по уравненіи условій ихъ дѣятельности, вернуться обратно. Владѣльцы этихъ капиталовъ остаются у себя на родинѣ и тамъ расходуютъ либо сберегаютъ все получаемыя на нихъ прибыли. Въ рукахъ этихъ владѣльцевъ капиталы являются громадными щупальцами, которые они протягиваютъ въ чужеземныя страны и при помощи коихъ втягиваютъ въ себя ихъ богатства. При такихъ условіяхъ капиталы эти не могутъ явиться источникомъ увеличенія денежной силы той страны, въ которой они орудуютъ.

Что же касается гибели иностранныхъ промышленныхъ предпріятій, то и она не всегда сопряжена съ потерей вложеннаго въ дѣло капитала. Происходитъ

это въ тѣхъ именно случаяхъ, когда до наступленія промышленнаго кризиса предпріятія пережили нѣсколько благоприятныхъ лѣтъ, въ теченіе которыхъ успѣли въ видѣ прибыли вернуть акціонерамъ весь вложенный ими капиталъ. Между тѣмъ, такіе случаи несомнѣнно произошли у насъ. Такъ, на примѣръ, Южно-Русское Днѣпровское металлургическое общество (бельгійское) выдавало своимъ акціонерамъ до 40% дивиденда, а Новороссійское общество каменноугольнаго и рельсоваго производства—41%. Очевидно, что капиталы, вложенные въ эти предпріятія, уже давно перешли обратно черезъ нашу границу и, слѣдовательно, сами предпріятія въ настоящее время всецѣло оплачены русскими деньгами, а посему и гибель ихъ отразится на нашемъ національномъ богатствѣ. Но помимо этого, прекращеніе и даже значительное уменьшеніе производства обширныхъ фабрично-заводскихъ предпріятій, безразлично на какія они дѣйствуютъ средства, неизмѣнно влечетъ другое зло, а именно—лишеніе заработковъ, оставленіе безъ всякихъ средствъ существованія множества оторванныхъ ими отъ земледѣлія и привлеченныхъ къ фабрикъ или заводу рабочихъ,

Существуютъ, впрочемъ, лица, думающія, что столь необходимыхъ для земледѣлія культурныхъ рабочихъ можетъ выработать именно фабрика, что они выйдутъ изъ кадровъ фабричнаго сословія. Едва ли, однако, это такъ. Фабрика, прежде всего, физически ослабляетъ человѣка и тѣмъ дѣлаетъ его въ значительной степени негоднымъ къ тяжелому, въ особенности при существующихъ у насъ приемахъ обработки почвы, земледѣльческому труду; она, кромѣ того, лишаетъ его

тѣхъ многоразличныхъ познаній, необходимыхъ даже при первобытномъ веденіи сельскаго хозяйства, — познаній, которыя каждый сельчанинъ незамѣтно для самого себя пріобрѣтаетъ при ежедневномъ съ малолѣтства общеніи съ природой и наблюденіи надъ жизнью растений и животныхъ.

Насколько горожанинъ слабѣе вооруженъ не только сельскими познаніями, но даже и вообще умѣньемъ принаровиться къ любой работѣ, свидѣтельствуетъ не разъ указанный изслѣдователями городского быта фактъ, что свѣзіе припелъцы изъ деревень въ города, несмотря на полное незнаніе ими условій городской жизни, все же добиваются лучшихъ заработковъ, нежели рабочіе, родившіеся и воспитанные въ самомъ городѣ.

Работа ремесленника, единолично созидающаго изъ сырого матеріала вполне законченныя и готовыя къ употребленію издѣлія и, слѣдовательно, принужденнаго пройти черезъ все стадіи производства, дѣйствительно, развиваетъ работоспособность человѣка, повышаетъ его вниманіе и тѣмъ содѣйствуетъ созданію въ странѣ болѣе производительныхъ рабочихъ силъ. Работа на фабрикѣ лишена этого значенія. Она не только не развиваетъ въ рабочемъ любви къ труду, но, наоборотъ, убиваетъ ее въ немъ, такъ какъ не даетъ возможности рабочему видѣть результатъ или, вѣрнѣе, внутренній смыслъ производимой имъ работы. Каждый рабочій, въ отдѣльности, при фабричномъ производствѣ принимаетъ участіе лишь въ какой-либо одной весьма незначительной стадіи производства вырабатываемыхъ промышленнымъ заведеніемъ фабрикатовъ. Оттого работа на фабрикахъ не только не

развиваетъ рабочаго, но, наоборотъ, одуряетъ его, превращая, въ сущности, въ часть той машины, за дѣйствіями которой онъ долженъ автоматически слѣдовать. Отъ этого ли пріученнаго къ чисто механической работѣ и тѣмъ самымъ лишеннаго всякой инициативы и самостоятельности въ ней рабочаго ожидать пользы для сельскаго хозяйства?..

Что же касается добросовѣстности въ работѣ, то ее, конечно, фабрика не въ состояніи развить въ своихъ воспитанникахъ. Добросовѣстность эта на фабрикѣ, если и существуетъ, то лишь исключительно по причинамъ внѣшнимъ, а не внутреннимъ, а именно, съ одной стороны, невозможности отстать отъ работы машины, а съ другой—сравнительной легкости наблюденія за рабочимъ и обнаруженія всякаго его упущенія. Этими свойствами работа полевая, какъ извѣстно, не обладаетъ и, естественно, что человѣкъ, исполнительность въ работѣ коего зависитъ исключительно отъ внѣшней причины — невозможности скрыть свою небрежность—при исчезновеніи этой причины становится еще менѣе заботливымъ о качествѣ производимаго имъ труда, нежели человѣкъ, не испытывавшій на себѣ дѣйствія этой причины. У послѣдняго все же по необходимости существуетъ смутное сознаніе своей нравственной обязанности исполнить взятое на себя обязательство. Привычка работать подъ надзоромъ это сознаніе безусловно убиваетъ.

VII.

Повышеніе техники сельскаго хозяйства, какъ средство для увеличенія заработковъ населенія.

Если развитіе фабрично-заводской промышленности въ странѣ возможно лишь въ строго ограниченнѣхъ предѣлахъ, при чемъ размѣры послѣднихъ всецѣло зависятъ отъ платежныхъ силъ населенія, т. е. отъ степени его благосостоянія, то, наоборотъ, другая отрасль народнаго труда — сельское хозяйство, во всѣхъ его безчисленныхъ развѣтвленіяхъ и со всеми связанными съ нимъ первичными обработками почвенныхъ и животныхъ продуктовъ, можетъ увеличить размѣры своего производства почти безпредѣльно и притомъ безъ всякаго соотношенія съ народными недостатками.

Мы уже имѣли случай указать, что участіе Россіи въ поставкѣ хлѣба въ Европу въ сущности незначительное и, кромѣ того, съ каждымъ годомъ, въ процентномъ отношеніи къ общему количеству иноземнаго ввоза въ Европу, уменьшается, при чемъ наше мѣсто занимаютъ заокеанскія страны. Но конкуренція Сѣверной, а тѣмъ болѣе Южной Америки и Австраліи

въ снабженіи западной Европы хлѣбомъ для насъ страшна лишь до тѣхъ поръ, пока мы не сравняемся съ ними въ цѣнахъ, въ которыя обходится производство зерна. Коль скоро цѣны эти будутъ одинаковы у насъ и въ заокеанскихъ странахъ, мы несомнѣнно получимъ господствующее положеніе на рынкахъ Европы, вслѣдствіе нашей относительной близости къ нимъ и неминуемой въ виду этого разницы въ стоимости доставки на нихъ земледѣльческихъ продуктовъ изъ этихъ странъ и отъ насъ.

Разница эта, конечно, существуетъ и нынѣ. Такъ, цѣны фрахта и страховой преміи пуда пшеницы въ теченіе послѣднихъ лѣтъ стояли—для доставки изъ Нью-Йорка въ Англію около 10 коп., а изъ Либавы въ Англію около четырехъ. Разница эта, само собою разумѣется, для такихъ странъ, какъ, напримѣръ, Аргентина еще гораздо значительнѣе. Между тѣмъ, ввозъ пшеницы изъ этой страны въ Англію съ каждымъ годомъ неудержимо растетъ: въ 1898 г. онъ было менѣе четырехъ милліоновъ центнеровъ, въ 1899 г. превысилъ 11 милліоновъ, а въ 1900 г. достигъ почти 19 милліоновъ. Такимъ образомъ, нынѣ даже громадная разница въ цѣнѣ доставки хлѣба изъ нашихъ портовъ и изъ Аргентины (свыше 15 коп. на пудъ) не избавляетъ насъ отъ весьма успѣшной конкуренціи послѣдней въ дѣлѣ снабженія западной Европы почвенными продуктами. Послѣднее служитъ, конечно, лучшимъ мѣриломъ нашей отсталости въ сельскохозяйственной техникѣ.

До какой степени мы слабѣемъ въ завязавшейся междунами и заокеанскими странами безкровной борьбѣ за обладаніе хлѣбными рынками Европы, поскольку

перевѣсъ въ этой борьбѣ остается нынѣ на сторонѣ нашихъ противниковъ, видно, между прочимъ, и изъ того, что мы даже въ своихъ предѣлахъ уже болѣе не въ состояннн исполнѣ оградинѣся отъ иноземныхъ продуктовъ земледѣлія. Ввозъ къ намъ этихъ продуктовъ въ 1900 г. по стоимости достигъ 75 милліоновъ. Среди него значатся: сало и масло (6,7 мил. руб.), воскъ (5 мил. руб.), кожа (11 мил. р.), овощи и фрукты (9,2 мил. р.), животные продукты (до 3 мил. р.) и даже хлѣбъ въ зернѣ, мука, крупа и крахмалъ (4,5 мил. р.), при чемъ нѣкоторые изъ перечисленныхъ товаровъ доставляются къ намъ изъ весьма отдаленныхъ странъ; такъ, напримеръ, сало мы получаемъ — *horribile dictu* — изъ Австраліи!

Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ эти продукты земледѣльческая область, коль скоро въ ней упрочатся интенсивныя формы хозяйства и соотвѣтственно уменьшится стоимость ихъ производства, вытѣснитъ изъ нашего внутренняго рынка, замѣнивъ ихъ собственными продуктами. Въ сущности это та статья нашего ввоза, которую всего легче вычеркнуть изъ пассива нашего торговаго баланса, а между тѣмъ, по своимъ размѣрамъ она равняется тому максимальному уменьшенію ввоза къ намъ иностранныхъ фабричныхъ издѣлій, котораго, какъ было ранѣе указано, мы можемъ достигнуть при усиленномъ покровительствѣ обрабатывающей промышленности, осуществимомъ лишь цѣною новыхъ народныхъ жертвъ и преимущественно за счетъ того же земледѣльческаго населенія.

Но если сельскохозяйственная культура представляетъ для Россіи обширнѣйшее и плодотворнѣйшее поле дѣйствій, то вмѣстѣ съ тѣмъ она же составляетъ

и ту область примѣненія народнаго труда, которая въ состояннн доставить наибольшее количество новыхъ заработковъ населенію и притомъ прежде всего именно центра и востока, въ этихъ заработкахъ наиболѣе нуждающемуся.

Впрочемъ, къ интенсивной культурѣ, въ равной степени, можетъ и даже долженъ перейти весь сѣверъ Россіи, земли котораго отнюдь не хуже земель Прусской Марки и Бранденбурга, доведенныхъ, однако, нѣмецкимъ трудолюбіемъ до высокаго плодородія, а въ такомъ случаѣ и тамъ замѣтно увеличатся заработки населенія.

Поскольку въ Россіи увеличится при этомъ область примѣненія народнаго труда возможно судить по тому, что въ странахъ, гдѣ интенсивная культура получила всеобщее распространеніе, количество пара составляетъ самую незначительную долю общаго пространства обрабатываемыхъ земель. Такъ, въ Германіи, напримеръ, оно не превышаетъ трехъ процентовъ. Между тѣмъ, у насъ, по свѣдѣніямъ, относящимся къ 1894 г.¹⁾, изъ 46 мил. десятинъ владѣльческихъ земель въ 50 губерніяхъ Европейской Россіи слишкомъ 16 мил. состояло подъ паромъ и залежами. Легко себѣ представить, какое количество рабочихъ рукъ потребуетъ введеніе этого пространства въ ежегодно обрабатываемыя земли, въ особенности, если принять во вниманіе, что культура корнеплодовъ значительно сложнѣе и требуетъ большаго количества работы, нежели культура зерновыхъ хлѣбовъ, а между тѣмъ, безъ ихъ введенія въ сѣвооборотъ немислима ежегодная

¹⁾ Лохтинъ. Состояніе сельскаго хозяйства въ Россіи.

утилизация подъ посѣвъ всей площади удобныхъ земель.

Существуетъ, впрочемъ, мнѣніе, что увеличивать количество лѣтнихъ работъ намъ вовсе не слѣдуетъ, при чемъ нѣкоторые утверждаютъ, что это даже невозможно, такъ какъ и нынѣ во всѣхъ восточныхъ, южныхъ и центральныхъ губерніяхъ при сколько-нибудь сноскомъ урожаѣ ощущается крайній недостатокъ въ рабочихъ рукахъ, а цѣны на нихъ повышаются иногда до такой степени, что уборка урожая становится убыточной и цѣлыя сотни десятинъ созрѣваго хлѣба остаются необранными и гниютъ на корню. На нашемъ югѣ подобные случаи, какъ известно, дѣйствительно не въ диковину.

Однако, единственный способъ бороться противъ этого явленія именно повышение техники земледѣлія. Усиленное примѣненіе усовершенствованныхъ, берегающихъ трудъ рабочаго, земледѣльческихъ орудій и нынѣ уже съ каждымъ годомъ получающихся все большее распространеніе не только во владѣльческихъ хозяйствахъ, но даже и въ крестьянскомъ быту, конечно, одно изъ самыхъ могущественныхъ въ этомъ отношеніи средствъ.

Но, однако, этимъ далеко еще не исчерпываются мѣры, могущія содѣйствовать устраненію этого несомнѣннаго зла. Дѣло въ томъ, что главная причина ощущаемаго по временамъ недостатка рабочихъ заключается въ невѣроятномъ однообразіи нашей сельскохозяйственной культуры. Культура эта почти цѣлкомъ направлена къ выращиванію колосовыхъ хлѣбовъ, какъ посѣвъ, такъ и созрѣваніе которыхъ происходятъ почти одновременно. Естественно, что во

время уборки этихъ хлѣбовъ рабочихъ зачастую не хватаетъ, а посѣвъ ихъ производится, какъ весной, такъ и осенью далеко не всегда своевременно. Между тѣмъ, достаточно перейти къ другимъ системамъ полеводства, обусловливающимъ большее разнообразіе культуръ съ введеніемъ въ сѣвооборотъ корнеплодовъ, травъ и кормовыхъ растений, чтобы одновременно увеличить количество лѣтнихъ работъ и при этомъ распределить ихъ болѣе равномерно въ теченіе всего вегетаціоннаго періода.

До какой степени разнообразіе культуръ содѣйствуетъ правильному распределенію работъ по полюводству и тѣмъ облегчаетъ самое веденіе его лучшей примѣръ представляютъ нѣкоторыя мѣстности южной Франціи, напримѣръ, французская Савойя, гдѣ техника земледѣлія доведена до крайнихъ предѣловъ и вообще вся мѣстность представляетъ одинъ сплошной — по совершенству обработки — садъ. Въ этихъ мѣстностяхъ густота сельскаго населенія не превышаетъ нашу, въ особенности, если принять во вниманіе, что большинство взрослога мужскаго населенія, даже въ лѣтніе мѣсяцы находится въ отлучкѣ на различныхъ городскихъ заработкахъ. Однако, недостатка въ рабочихъ рукахъ тамъ не ощущается, и полевые работы производятся безъ нашей лихорадочной спѣшки, не только равномерно, но и своевременно и это исключительно благодаря крайнему разнообразію культуръ.

Однако, главнымъ преимуществомъ усиленнаго покровительства интенсивному сельскому хозяйству торгово-промышленнаго характера, по сравненію съ покровительствомъ фабрично-заводской дѣятельности съ точки зрѣнія увеличенія заработковъ населенія, слѣ-

дуетъ, несомнѣнно, признать то обстоятельство, что исключительно сельскохозяйственныя предприятия означеннаго характера возможно развить повсемѣстно, не ограничиваясь какими-либо отдѣльными и въ сущности довольно незначительными районами, какъ это неизбежно при развитіи капиталистической обрабатывающей и добывающей промышленности. Въ отношеніи послѣдней оно, само собою разумѣется, возможно лишь въ мѣстахъ добычи ископаемыхъ. Но и обрабатывающая промышленность, коль скоро она принимаетъ крупныя капиталистическія размѣры, силою вещей возникаетъ либо въ непосредственной близости отъ мощныхъ потребительныхъ центровъ, либо въ мѣстахъ добычи дешеваго топлива — единственнаго источника энергіи фабрикъ и заводовъ, при чемъ новыя предприятия обосновываются предпочтительнѣе по сосѣдству съ уже существующими. Достигнуть въ виду этого равномернаго въ географическомъ отношеніи распредѣленія въ странѣ предприятий капиталистическаго характера нѣтъ возможности. Между тѣмъ, очевидно, что промышленныя предприятия могутъ лишь въ томъ случаѣ увеличить заработки земельного крестьянства, если сами приблизятся къ нему, а не это крестьянство привлекутъ къ себѣ, такъ какъ послѣднее неизбежно сопряжено съ утратою крестьяниномъ прочной связи съ землей. Но подобными предприятиями являются исключительно перерабатывающія мѣстныя продукты и притомъ не требующія, по ограниченности размѣровъ своего производства, большаго количества рабочихъ рукъ нежели могутъ ихъ предоставить прилегающія села. Такъ какъ центръ и востокъ по своимъ физико-географическимъ условіямъ могутъ

доставить лишь продукты земледѣлія, то ясно, что въ нихъ въ состояніи развиться и покрыть ихъ густою сѣтью только предприятия, перерабатывающія сельскохозяйственное сырье. Къ ихъ насажденію, слѣдовательно, и надлежитъ всемѣрно стремиться. Возникновеніе же этихъ предприятий, помимо его несомнѣннаго значенія въ смыслѣ повышенія цѣнности сельскохозяйственнаго сбыта, имѣетъ въ отношеніи увеличенія заработковъ населенія, то неосцѣненное для центра и востока преимущество, что оно доставитъ этому населенію возможность использовать свой трудъ въ зимнее время, чего оно нынѣ безусловно лишено.

На ряду съ этимъ, нельзя упускать изъ виду, что уменьшеніе количества пара, т. е., иначе говоря, переходъ къ непрерывной утилизаціи земли подъ той или иной культурой, осуществимо лишь при усиленномъ удобреніи ея, что, въ свою очередь, возможно, главнымъ образомъ, посредствомъ увеличенія количества содержаемаго въ имѣніи скота и улучшеннаго его питанія. Но наиболѣе питательные корма представляютъ отбросы, получаемые при первичной обработкѣ сельскохозяйственныхъ продуктовъ. Такимъ образомъ, основою, какъ повышенія доходности сельскохозяйственнаго промысла, такъ и увеличенія заработковъ населенія земледѣльческой области, является усовершенствованіе техники земледѣлія съ переходомъ къ болѣе интенсивнымъ формамъ хозяйства; все остальное создается само собою, какъ неминуемое его послѣдствіе.

Дѣйствительно, въ сельскохозяйственномъ дѣлѣ почти всякое улучшеніе какой-либо отдѣльной его части обязательно влечетъ за собою улучшеніе остальныхъ, что обусловливается тѣсной связью между всеми

отдѣльными частями того органическаго цѣлаго, которое представляетъ хозяйственная единица.

Обращаясь собственно къ вопросу о поднятіи нашего скотоводства и возможномъ его развитіи, надо прежде всего сказать, что это едва ли не главное средство къ увеличенію доходности у насъ сельскохозяиственнаго промысла вообще. Первымъ и неминуемымъ его послѣдствіемъ явится прекращеніе вывоза нами кормовыхъ средствъ — жмыховъ и отрубей — достигающему нынѣ чудовищныхъ размѣровъ и притомъ съ каждымъ годомъ увеличивающимся. Такъ, съ 1889 по 1894 гг. мы, въ среднемъ, вывозили по 21 миллионъ пудовъ этихъ кормовыхъ средствъ, съ 1894 по 1898 гг. по 38 миллионновъ пудовъ, а въ 1899 году вывозъ ихъ превысилъ 45 миллионновъ пудовъ. Ничего нерациональнѣе этого, разумѣется, представить себѣ нельзя: сбывать нашимъ сосѣдямъ наиболѣе питательные, по ихъ содержанію, корма и при этомъ въ сущности за безцѣнокъ, когда мы имѣемъ полную возможность предварительно пропустить эти корма черезъ скотъ и тѣмъ сохранить часть ихъ силы въ видѣ удобренія у себя, а засимъ самый скотъ продать тѣмъ же сосѣдямъ по цѣнѣ безмѣрно высшей—это приемъ людей, лишенныхъ всякой торговой сметки. А результаты этого приема налицо: количество имѣющагося у насъ скота стремительно падаетъ, качество его ухудшилось до крайнихъ предѣловъ и въ то время какъ западная Европа съ каждымъ годомъ увеличиваетъ свое потребленіе мяса, при чемъ увеличеніе это происходитъ преимущественно за счетъ иностраннаго ввоза, нашъ вывозъ, наоборотъ, таетъ, сводится на нѣтъ¹⁾.

¹⁾ Мы въ сущности повторяемъ здѣсь лишь то, что такъ об-

Вполнѣ сознавая поскольку эти очерки и безъ того пестрятъ цифровыми данными, конечно, утомляющими вниманіе читателя, мы все же не можемъ не привести здѣсь нѣсколькихъ свѣдѣній того же порядка, наиболѣе ярко иллюстрирующихъ сказанное выше.

О томъ до какой степени наше скотоводство не только не развивается, но даже падаетъ, возможно судить по тому, что тогда какъ въ 1861 году въ 50 губерніяхъ Европейской Россіи въ среднемъ на 1,000 жителей приходилось 357 штукъ рогатаго скота, въ 1898 г. ихъ было лишь 252, т. е. менѣе на 32⁰/₁₀₀. За послѣдніе же годы на ряду съ этимъ наблюдается и абсолютное уменьшеніе скота въ этихъ губерніяхъ. Такъ, съ 24.609 тысячъ головъ въ 1888 г. количество его сократилось до 24.425 тысячъ головъ въ 1898 г., слѣдовательно, произошла прямая убыль 185 тысячъ головъ. То же самое наблюдается и по отношенію къ овцамъ, но въ еще болѣе значительной степени, а именно, съ 731 штуки на 1,000 жителей въ 1861 г. количество ихъ свелось до 397—въ 1898 г. Абсолютная же убыль овецъ наблюдается здѣсь уже съ 1882 г., а именно, съ 47¹/₂ миллионновъ количество овецъ сократилось къ 1898 г. до 38 миллионновъ, сведясь, такимъ образомъ, къ мень-

стоятельно и блестяще выяснилъ въ декабрѣ 1901 г. въ своемъ докладѣ Орловскому губернскому дворянскому собранію С. С. Бехтѣевъ. Но вопросъ этотъ представляетъ такое громадное значеніе, что умолчать о немъ при разсмотрѣніи современнаго положенія нашего сельскаго хозяйства нѣтъ возможности. Къ тому же громадное значеніе развитія у насъ скотоводства до сихъ поръ еще не вполне проникло въ сознаніе сельскихъ хозяевъ, а поэтому даже повтореніе доводовъ, говорящихъ за его прибыльность, не можетъ быть признано бесполезнымъ.

нему количеству, нежели ихъ было въ 1861 г., когда овецъ насчитывалось свыше 42 миллионъ.

Но особенно ярко выступаетъ ничтожность нашего скотоводства, если сравнить его со скотоводствомъ западной Европы и Сѣверной Америки. Слѣдующая таблица, указывающая количество скота, свиней и овецъ на 100 десятинъ посѣва у насъ и въ другихъ странахъ, представляетъ наглядное тому доказательство. Въ отдельной таблицѣ приведены нами, кромѣ того, свѣдѣнія о количествѣ владѣльческаго скота по губерніямъ центра и востока въ отношеніи къ посѣвной площади, свидѣтельствующія какъ о ничтожности помѣщичьяго скотоводства, такъ и о томъ дальнѣйшемъ развитіи, которое оно можетъ получить въ случаѣ перехода къ инымъ, болѣе совершеннымъ системамъ хозяйства.

Количество скота въ различныхъ государствахъ ¹⁾.

СТРАНЫ.	На 100 десятинъ посѣва.		
	Рогатаго скота.	Овецъ.	Свиней.
Голландія	251	140	101
Швеція и Норвегія	188	161	48
Бельгія	152	51	125
Данія	150	113	73
Германія	110	83	85
Австро-Венгрія	98	80	70
Франція	93	158	43
Соедин. Штаты	80	67	70
Въ 50 губ. Евр. Россіи	45	67	16

¹⁾ По изданію Центр. Статист. Комит. «Свѣдѣнія о количествѣ скота въ 1900 г.».

Количество владѣльческаго скота по отдельнымъ губерніямъ центра и востока Европейской Россіи ¹⁾.

ГУБЕРНІИ.	На 100 десятинъ посѣва.		
	Рогатаго скота.	Овецъ.	Свиней.
Воронежская	19	72	9,8
Курская	15	16,6	7
Орловская	21	21,2	9
Рязанская	17	18,7	5
Тамбовская	18	46	6,7
Тульская	16,6	24	5,6
Всего по 6 ц.-черноземн. губ.	17,7	33,4	7,2
Казанская	13,6	17,8	5
Оренбургская	32	47,5	2
Пензенская	10	49,5	4
Самарская	34	51	2,7
Саратовская	14	75	3
Симбирская	10	19,6	2,4
Уфимская	15	36,3	3,5
Всего по 7 Средне и Нижне-Волжскимъ губ.	18,8	48,8	3,2

Сколь ни мало утѣшительны приведенныя данныя о сравнительномъ состояніи нашего животноводства и иноземнаго, однако, и они еще далеко не въ полной

¹⁾ Составлено по даннымъ изд. Центр. Статист. Комит.: 1) Свѣдѣнія о количествѣ скота въ 1900 г.; 2) Посѣвныя площади по 50 губ. Евр. Россіи. Количество скота, имѣвшагося въ 1900 г., сопоставлено съ посѣвной площадью 1899 г. за неизмѣненіемъ сводныхъ погубернскихъ данныхъ о размѣрахъ владѣльческихъ посѣвовъ въ 1900 г.

мѣрѣ характеризуютъ превосходство надъ нами въ этомъ дѣлѣ другихъ странъ. Дѣло въ томъ, что количество скота опредѣлено здѣсь по отношенію къ посѣвной, а не ко всей обрабатываемой площади земли. Между тѣмъ, у насъ ежегодно засѣвается не болѣе $\frac{2}{3}$ обрабатываемой площади, въ другихъ же странахъ, о коихъ приведены свѣдѣнія о скотоводствѣ, ежегодный посѣвъ обнимаетъ свыше 90% обрабатываемой площади, вслѣдствіе ничтожнаго размѣра пара, что нами было уже указано выше. Такимъ образомъ, для правильнаго сравненія количества разнаго рода скота съ обрабатываемой земельной поверхностью, у насъ и въ другихъ странахъ, слѣдовало бы выше приведенныя цифры имѣющагося у насъ скота уменьшить почти на одну треть.

Но и этимъ еще не ограничивается наша поразительная отсталость въ этомъ дѣлѣ отъ другихъ культурныхъ странъ. Отсталость эта выступаетъ еще рѣзче, если принять во вниманіе громадную разницу, какъ въ живомъ, такъ и въ убойномъ вѣсѣ нашего и иностраннаго скота. Достаточно въ этомъ отношеніи указать, что средній убойный вѣсѣ великорусскаго скота не превышаетъ 7 пудовъ, а французскаго, напримѣръ, свыше 16 пудовъ. Живой вѣсѣ откормленнаго скота въ Чикаго колеблется въ предѣлахъ отъ 35 до 48 пудовъ. Нашъ же откормленный степной скотъ не достигаетъ вѣсомъ и 25 пудовъ.

Что же при такихъ условіяхъ удивительнаго, что вывозъ нашего скота, не смотря на все увеличивающееся требованіе на мясные продукты на рынкахъ западной Европы, въ высшей степени, по сравненію съ другими странами, ничтоженъ. О размѣрахъ этого

вывоза по различнымъ, выращивающимъ скотъ для другихъ странъ, государствамъ, наглядно свидѣлствуютъ слѣдующія, приведенныя въ упомянутомъ нами выше докладѣ С. С. Бехтѣева, свѣдѣнія, которыя, въ виду ихъ назидательности, мы рѣшаемся привести здѣсь цѣликомъ.

Цѣнность вывоза скота и продуктовъ скотоводства.

СТРАНЫ.	Годы.	На душу населенія.	На одну десятину обрабатываемой земли.
Канада	1895	13 р. 2 коп.	6 р. — коп.
Соед. Штаты .	1891	5 » 92 »	2 » 82 »
Венгрія . . .	1895	5 » 84 »	8 » — »
Румынія . . .	1897	2 » — »	2 » 33 »
Россія	въ среднемъ съ 1892 по 1896 г.		— » 16 »

Однако, наиболѣе неутѣшительнымъ явленіемъ слѣдуетъ признать не ничтожность нашего вывоза скота, а его стремительное паденіе внизъ, сводящее его, какъ сказано выше, на нѣтъ. Чтобы не утомлять вниманіе читателя, ограничимся свѣдѣніями всего лишь за два года—1878 и 1899. Въ первомъ изъ этихъ годовъ нами было вывезено рогатаго скота 76,000 головъ, свиней 745,000, а овецъ 598,000. Въ 1899 цифры эти соответственно упали до 9,000, 64,000 и 109,000!!!

Какимъ образомъ могло произойти такое, можно сказать, уничтоженіе нашего вывоза животныхъ понять, казалось бы, тѣмъ болѣе трудно, что потребление мяса въ Европѣ, какъ сказано выше, возрастаетъ не по годамъ, а по мѣсяцамъ. Такъ, въ одной Англіи цѣнность этого ввоза съ 1887 по 1897 г. увеличи-

лась съ 332 мил. руб. до 551 миллиона. Между тѣмъ, мы находимся въ значительно болѣе благоприятныхъ условіяхъ въ отношеніи поставки скоропортящихся продуктовъ на рынки западной Европы, нежели заокеанскія страны. Такъ, парное мясо въ Англии не употребляется въ пищу ранѣе какъ по прошествіи четырехъ дней послѣ убоя скота. Вслѣдствіе этого, скотъ, доставленный живымъ, напримѣръ, въ Либаву и убитый тамъ передъ самою погрузкой его въ суда, имѣющія доставить его въ Англию, дойдетъ туда въ такомъ именно состояніи, въ которомъ онъ потребляется мѣстными жителями, такъ какъ переходъ изъ Либавы въ англійскіе порты не превышаетъ двухъ сутокъ. Конкурировать съ нами въ этомъ направленіи не только Южная, но даже Сѣверная Америка, очевидно, не могутъ, такъ какъ предѣльная скорость перехода изъ Нью-Йорка въ Англию все же превышаетъ шесть сутокъ, что и заставляетъ американскихъ экспортеровъ мяса перевозить его въ соединенное королевство либо въ живомъ видѣ, что удорожаетъ стоимость перевозки въ нѣсколько разъ, либо мороженнымъ, что понижаетъ его качества и цѣнность.

Словомъ, ни въ отношеніи хлѣбнаго зерна, ни въ отношеніи продуктовъ животноводства перепроизводства опасаться намъ не приходится. Сбытъ эти продукты на рынкахъ западной Европы всегда найдутъ, вся задача состоитъ лишь въ удешевленіи для насъ цѣны производства хлѣба и въ повышеніи качества продуктовъ животноводства.

Между тѣмъ, нѣтъ надобности распространяться на счетъ того количества работы, которое требуетъ животноводство, коль скоро оно пріобрѣтаетъ про-

мышленный характеръ. Къ тому же откормъ и содержание скота требуетъ наибольшее количество рабочихъ рукъ въ зимніе мѣсяцы, что въ особенности драгоцѣнно для земледѣльческаго населенія всего сѣвера центра и востока Россіи.

Однако, и однимъ развитіемъ скотоводства, конечно, не должно ограничиться измѣненіе строя нашего хозяйства. Рядомъ съ увеличеніемъ въ нашихъ хозяйствахъ числа живыхъ переработывателей продуктовъ земли, этихъ, такъ сказать, естественныхъ фабрикъ обработки сельскохозяйственного сырья, надлежитъ всемѣрно стремиться къ увеличенію искусственной его обработки посредствомъ развитія мукомольнаго, крахмальнаго, маслобойнаго, свеклосахарнаго, крупорушнаго и другихъ тому подобныхъ производствъ и даже нѣкоторыхъ иныхъ болѣе сложныхъ, какъ, напримѣръ, добываніе эфирныхъ маселъ. Вотъ тѣ фабрики, развитіе которыхъ дѣйствительно желательно для повышенія благосостоянія земледѣльческихъ областей. Не отрывая населенія отъ занятія земледѣліемъ, такъ какъ работы на нихъ производятся исключительно въ зимніе мѣсяцы, не вызывая значительнаго скопленія народа, такъ какъ количество рабочихъ, занятыхъ на сельскохозяйственныхъ заводахъ, въ общемъ ограничено, фабричныя производства эти создадутъ на мѣстахъ тѣ зимніе заработки для крестьянъ, которые нынѣ почти совершенно отсутствуютъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ они явятся наиболѣе мощнымъ средствомъ для сохраненія плодородія почвы: нѣкоторые изъ различныхъ ихъ отбросовъ доставятъ наиболѣе питательные кормы для скота и пропущенные черезъ него дадутъ богатое по содержанию азота и фосфора удобре-

ніе, а другіе, при вивозѣ ихъ въ поля, будутъ непосредственно содѣйствовать ихъ урожайности.

Предоставленіе крестьянству возможности правильно и равномерно утилизировать свой трудъ въ теченіе всего года будетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ, не исключительно повышеніе его благосостоянія. Оно неминуемо отразится на качествѣ его работы, разовьетъ въ немъ ту методичность, безъ которой трудъ не можетъ достигнуть своей высшей производительности. Точно также какъ періодическія смѣны крайняго, но не долговременнаго напряженія въ работѣ съ продолжительною вынужденною праздностью, явившіяся слѣдствіемъ климатическихъ условій сѣверной и средней Россіи, выработали въ крестьянинѣ-великороссѣ столь извѣстную особенность его характера, заставляющую его предаваться всякому дѣлу запоемъ, такъ и систематизація его работы, посредствомъ облегченія ему его лѣтнихъ трудовъ и созданія зимнихъ занятій, вырабатываетъ въ немъ привычку къ правильному, не утомляющему сверхъ силы, но тѣмъ болѣе высокому по своему качеству, труду. Производительность западно-европейскаго работника развилась именно такимъ путемъ. Не слѣдуетъ забывать, что наши народныя особенности, которыми мы такъ любимъ кстати и некстати хвалиться, вѣдь въ сущности являются ничѣмъ инымъ, какъ результатомъ взаимодействія жизненныхъ условій, въ которыхъ мы находимся. Между тѣмъ, новѣйшіе соціологи съ очевидностью выяснили, что главныхъ факторовъ образованія характерныхъ племенныхъ особенностей людей имѣется всего лишь два: физико-географическія и климатическія условія мѣста ихъ жизни и родъ занятій, которымъ они преда-

ются. Измѣнить первое—человѣку дано лишь въ слабой степени, но воздѣйствовать на характеръ второго возможно въ широкихъ размѣрахъ. А между тѣмъ, вліяніе второго фактора едва ли не болѣе значительно, нежели перваго. Всѣмъ извѣстно, что каждое ремесло налагаетъ видимый специфическій отпечатокъ даже на наружный обликъ человѣка. Въ духовномъ же и нравственномъ отношеніи вліяніе это еще болѣе сильно. Такъ, уголовная статистика уже давно выяснила, что не только степень преступности, но и самый характеръ преступленій людей находится въ тѣсной зависимости отъ рода ихъ занятій. Можно сказать, что каждая профессія имѣетъ свой показатель преступности для каждаго рода нарушеній законовъ этики и права. Пренебрегать этими показаніями, при искусственномъ направленіи народнаго труда въ то или иное русло, преступно. Какія бы ни сулило матеріальныя выгоды развитіе такихъ отраслей труда, занятіе которыми ведетъ, какъ указываетъ опытъ, къ нравственному растлѣнію народа, они все же не могутъ оправдывать ихъ поощренія. Среди тѣхъ безконечно сложныхъ задачъ, къ осуществленію которыхъ стремятся культурныя государства, существуетъ одна, первенствующая надъ всѣми остальными — всемѣрное огражденіе народныхъ массъ отъ нравственной порчи, повышеніе его этического самосознанія.

Превосходство сельскохозяйственныхъ работъ надъ фабричными не ограничивается различнымъ вліяніемъ этихъ двухъ видовъ труда какъ на здоровье, такъ и на нравственность населенія. Имѣется и другая существенная между ними разница, а именно отсутствіе въ сельскохозяйственныхъ работахъ неизбѣж-

ныхъ по временамъ, при занятіяхъ на фабрикахъ, періодовъ безработицы. Примѣровъ приостановки работъ въ области земледѣльческой, какъ извѣстно, не существуетъ, и притомъ не исключительно въ обработкѣ земли, но и во всѣхъ тѣсно связанныхъ съ сельскимъ хозяйствомъ специальныхъ производствахъ, какъ выращиваніе скота, такъ даже переработкѣ продуктовъ земледѣлія и животноводства. Сельскохозяйственные кризисы могутъ отражаться лишь на прибыльности этого дѣла, но отнюдь не на размѣрахъ его, вслѣдствіе чего сумма заработковъ населенія въ этой отрасли труда идетъ неизмѣнно увеличиваясь, а тяжесть кризиса испытывается исключительно предпринимателемъ.

Иную картину представляетъ обрабатывающая и добывающая промышленность. Не только производство всевозможныхъ издѣлій, но и добыча ископаемыхъ принуждены по временамъ въ значительной степени сокращаться, а послѣднее отражается, конечно, прежде всего на фабричномъ людѣ. Разразившійся надъ Германіей торгово-промышленный кризисъ даетъ въ этомъ отношеніи прекрасную иллюстрацію.

Не слѣдуетъ также упускать изъ вида, что повышение сельскохозяйственной культуры доставитъ больше заработковъ населенію, нежели развитіе фабрично-заводской дѣятельности, такъ какъ оно достигается прежде всего именно увеличеніемъ количества затрачиваемаго на единицу земельной поверхности труда. Собственно заработная плата въ стоимости фабрикатовъ не превышаетъ 20%; остальная часть ихъ стоимости слагается изъ цѣны обрабатываемаго сырья, отчислений на амортизацію орудій производства и жа-

лованья дорого оплачиваемыхъ техническихъ силъ. На почвенные продукты эти расходы ложатся въ меньшемъ количествѣ: главный ихъ производитель — земля—амортизаціи, конечно, не подлежитъ, орудія же производства отличаются меньшей сложностью и бѣльшей долговѣчностью. Все это приводитъ къ тому, что въ цѣнѣ продуктовъ земледѣлія главную часть составляетъ именно заработная плата, поглощающая несомнѣнно бѣльшую ея половину.

Такимъ образомъ, увеличеніе фабрично-заводскаго производства на каждые 100 мил. рублей доставитъ населенію лишніхъ заработковъ на 20 милліоновъ, повышение же количества добываемыхъ изъ почвы продуктовъ, стоимость которыхъ достигла бы тѣхъ же 100 милліоновъ, дастъ населенію заработковъ на сумму свыше 50 мил. р., что вполне понятно, такъ какъ это повышение, скажемъ еще разъ, проистекаетъ, главнымъ образомъ, отъ бѣльшаго приложенія труда къ даровому источнику—вѣчнымъ силамъ природы.

Защитники первобытныхъ способовъ веденія сельскаго хозяйства—есть у насъ и такіе—конечно, правы, утверждая, что повышение урожайности земель не всегда равносильно увеличенію ихъ доходности. Указывается при этомъ на низкій уровень развитія нашего рабочаго, на невозможность ввѣрить ему цѣнныя, а тѣмъ болѣе сложныя по ихъ механизму сельскохозяйственные орудія, на его неумѣлое и даже жестокое обращеніе съ домашними животными, наконецъ, на крайнюю дороговизну всякой, безусловно необходимой въ сложномъ сельскомъ хозяйствѣ, технической помощи. Все это, конечно, вѣрно, но это лишь необходимая пе-

реходная стадія, перескочить черезъ которую нѣтъ возможности.

Нельзя забывать, что умственное развитіе западно-европейскаго сельскаго рабочаго въ то время, когда передовыя страны Европы приступили къ повышенію производительности своихъ земель, отнюдь не было выше современнаго развитія нашего крестьянина. Необходимо твердо помнить, что нигдѣ образованіе не предшествовало зажиточности, а повсемѣстно лишь слѣдовало за ней. Народная мудрость давно замѣтила, что голодное брюхо къ ученю глухо. Какія бы мы усилія ни прилагали къ развитію крестьянской среды путемъ школы, они останутся безплодными, пока мы не разовьемъ въ этой средѣ любовь къ труду и умѣніе разумно его прилагать. Количество затрачиваемой зауряднымъ сельскимъ рабочимъ на обрабатываемой имъ пашнѣ физической силы, конечно, и теперь весьма значительно, а подчасъ даже и громадно; но бѣда въ томъ, что работа эта постылая, а, слѣдовательно, и безпорядочная и тѣмъ самымъ въ значительной степени непроизводительная, такъ какъ производительность работы почти всецѣло зависитъ отъ того участія, которое въ ней принимаетъ все духовное существо чловѣка. Лишь при этомъ условіи умѣетъ онъ внести въ работу извѣстную систему, методичность, въ особенности же развить въ себѣ вниманіе къ производимому имъ труду и точность въ его исполненіи, а безъ вниманія нѣтъ осмысленной работы.

Наряду съ приведенными сомнѣніями въ возможности нынѣ же ввести у насъ интенсивную сельскохозяйственную культуру, нерѣдко приводятся и другія къ тому препятствія. Такъ сплошь и рядомъ утвер-

ждаютъ, что культура эта у насъ немыслима, вслѣдствіе рѣдкости населенія. Съ другой стороны, раздаются властные голоса, что земли у населенія мало.

Въ опроверженіе этихъ двухъ утвержденій, къ тому же явно другъ другу противорѣчащихъ, достаточно привести слѣдующее. Средній сборъ хлѣбовъ съ одной десятины въ Россіи лишь немногимъ превышаетъ 30 пуд., за исключеніемъ съмянъ. Тотъ же сборъ въ Швеціи, климатическія условія которой, конечно, не могутъ быть признаны лучше нашихъ, достигаетъ 85 пуд. Между тѣмъ, населеніе въ Швеціи рѣже нашего. Но для каждаго ясно, что предпочтительнѣе обрабатывать одну десятину, дающую 85 пуд. чистаго остатка, нежели двѣ, дающія въ совокупности всего лишь 60 пудовъ. Поэтому если населенія у насъ недостаточно для интенсивной культуры всей обрабатываемой земельной поверхности, то выгоднѣе обрабатывать лишь такую ея часть, для совершеннаго использованія силъ которой населенія достаточно. Такимъ образомъ, указаніе на недостатокъ населенія для введенія улучшенныхъ пріемовъ земледѣлія въ полной мѣрѣ несостоятельно.

Но если ничто не препятствуетъ повсемѣстному введенію у насъ улучшенной культуры почвы, то гдѣ же кроются причины столь медленнаго прогресса въ этомъ дѣлѣ?

VIII.

Вліяніє различныхъ видовъ кредита на селско-
хозяйственную культуру.

Россия, какъ мы видѣли, страдаетъ не отъ неурожаевъ, разумѣя подъ послѣдними не нормально низкіе по сравненію съ естественной производительностью почвы сборы хлѣбовъ, а, что едва ли не хуже, отъ недостаточной производительности нашей почвы для удовлетворенія развившихся потребностей населенія страны.

Дѣйствительно, понятіе объ урожаѣ и неурожаѣ относительно. Въ сущности урожаемъ для земледѣльца должно быть признано такое количество собранныхъ имъ съ состоящей въ его пользованіи земли продуктовъ, которое удовлетворяетъ потребностямъ его семьи. Въ такомъ именно положеніи находился первобытный человѣкъ, удовлетворявшій всѣ свои потребности произведеніями собственнаго труда. Но по мѣрѣ народненія у народа потребностей въ такого рода предметахъ, для созданія коихъ необходимы навыкъ, школа и, наконецъ, особыя техническія

познанія, онъ принужденъ выдѣлить изъ себя нѣкоторую часть, посвящающую все свое время какимъ-либо спеціальнымъ занятіямъ и, слѣдовательно, лишенную возможности лично добывать изъ земли, этой единственной кормилицы рода людского, пищевые продукты. Въ подобной спеціализаціи занятій каждаго въ извѣстной все тѣснѣе замыкающейся сферѣ и состоитъ весь процессъ образованія культурныхъ обществъ. И вотъ, чѣмъ бѣольшая доля даннаго народа отрывается отъ непосредственнаго добыванія себѣ пищевыхъ продуктовъ, тѣмъ бѣольшее количество таковыхъ принуждены взять отъ природы люди, остающіеся при землѣ. При такихъ условіяхъ полученіе плодовъ земныхъ изъ занятія простѣйшаго—ибо что можетъ быть проще сбора самородныхъ продуктовъ почвы—понемногу превращается въ занятіе труднѣйшее.

Существующая между первобытнымъ человѣкомъ и природою гармонія, выражающаяся въ томъ, что человѣкъ требуетъ отъ природы лишь то, что ему лично необходимо для удовлетворенія своихъ чисто-животныхъ потребностей, роковымъ образомъ нарушается, коль скоро человѣкъ переступаетъ черезъ ту границу требованій, которыя ему подсказываетъ его физическое естество. Гармонія эта можетъ быть, однако, возстановлена, но средство для этого одно: человѣкъ долженъ сдѣлаться настолько сильнѣе природы, насколько его требованія къ ней превышаютъ, съ одной стороны, естественную производительность природныхъ силъ, а съ другой—врожденно присущія ему потребности.

Но сила эта накопляется лишь вѣками и пользо-

ваться ею въ полной мѣрѣ человекъ можетъ лишь въ томъ случаѣ, если привлечетъ къ себѣ на помощь сбереженія предшествующихъ поколѣній.

Сбереженія эти двухъ различныхъ порядковъ. Одни изъ нихъ выражаются въ плодахъ опыта и изслѣдованій прошлаго времени, т. е., иначе говоря, въ знаніи, другіе облекаются въ болѣе конкретную форму выработанныхъ въ теченіе вѣковъ матеріальныхъ цѣнностей, извѣстныхъ въ наше время подъ общимъ наименованіемъ капитала.

Въ исторіи всѣхъ культурныхъ народовъ западной Европы наступалъ такой моментъ, когда естественное плодородіе земли являлось недостаточнымъ для прокормленія живущаго на ней населенія. Однако, всѣ они благополучно пережили этотъ моментъ и настолько овладѣли природой, насколько это оказывалось необходимымъ въ соотвѣтствіи съ разросшимися ихъ потребностями. И эта побѣда была повсемѣстно достигнута одними и тѣми же средствами. Къ обработкѣ земли, кромѣ физической силы, были привлечены два новые фактора—знаніе и капиталъ. Можно ли думать, что мы въ состояніи идти инымъ образомъ, проложить свои особые пути?

Впрочемъ, по этому пути мы и слѣдуемъ въ настоящее время; знаніе и капиталъ и у насъ прилагаются къ земледѣлію, но въ ничтожнѣйшихъ по сравненію съ дѣйствительною въ нихъ потребностью размѣрахъ, при чемъ, однако, результаты ихъ приложенія и при этихъ условіяхъ сказываются на производительности земли. Какъ уже было нами указано, средняя урожайность земель, именуемыхъ владѣльческими въ противоположность крестьянскимъ надѣльнымъ, выше

последнихъ въ среднемъ болѣе нежели на 20%. Разница эта, уже сама по себѣ весьма существенная, значительно превзойдена тѣми, увы, черезчуръ рѣдкими помѣщичьими хозяйствами, въ которыхъ обработка земли дѣйствительно заслуживаетъ наименованія культурной, гдѣ капиталъ получилъ широкое примѣненіе. Эти хозяйства сумѣли настолько упрочить свое положеніе въ отношеніи плодородія обрабатываемой ими земли, что даже самыя неблагоприятныя метеорологическія условія въ состояніи понизить ихъ урожайность лишь до размѣра средняго сбора хлѣбовъ на остальныхъ нашихъ земляхъ. Если же принять во вниманіе тѣ тяжелья условія, въ коихъ принуждено нынѣ дѣйствовать помѣстное сословіе, тяжелья, потому что оно не обладаетъ ни свободными денежными средствами, ни добросовѣтными и умѣлыми рабочими, и съ этой точки зрѣнія оцѣнить достигнутые многими изъ его представителей результаты, то придется признать, что собственно на недостатокъ знанія у землевладѣльцевъ, какъ практическаго, такъ и теоретическаго характера, едва ли можно въ настоящее время указывать.

Изъ двухъ силъ, необходимыхъ для подъема производительности нашихъ земель одна—знаніе, уже достаточно развита въ средѣ помѣстнаго сословія и лишь недостатокъ второго—денежныхъ средствъ лишаетъ его возможности въ полной мѣрѣ приложить эти знанія къ достиженію указанной цѣли.

Дѣйствительно, полное отсутствіе въ распоряженіи нашего землевладѣльческаго сословія того могучаго въ человѣческихъ обществахъ средства, которое именуется деньгами—фактъ общеизвѣстный. Направить

имѣнія. Еще пагубнѣе вліяетъ на ихъ доходность раздѣлъ такихъ владѣльческихъ хозяйствъ, въ которыхъ имѣются какія-либо техническія производства по обработкѣ сельскохозяйственнаго сырья, размѣръ которыхъ согласованъ съ производительными силами всего имѣнія. Уменьшеніе размѣровъ этого производства неминуемо ведетъ къ пониженію его прибыльности, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже къ превращенію его въ убыточное, т. е., иначе говоря, къ его уничтоженію.

Нельзя сказать того же про ипотечныя ссуды, заключаемыя для облегченія самаго приобрѣтенія имѣнія. Возможность приобрѣсти земельное имущество, значительно превосходящее по своей стоимости личныя средства покупателя, имѣетъ своимъ роковымъ послѣдствіемъ, что наиболѣе энергичныя и предприимчивыя изъ лицъ, помѣщающихъ свои капиталы въ земельную собственность, вмѣсто того, чтобы стремиться къ повышенію качества своихъ земельныхъ владѣній, увлекаются количественнымъ ихъ приумноженіемъ.

Жажда къ увеличенію пространства владѣемой земли свойственна громадному большинству сельскихъ хозяевъ всѣхъ странъ. То своеобразное удовольствіе и даже чувство гордости, которое испытываетъ человѣкъ, взирая на обширныя принадлежащія ему земельныя пространства, хорошо извѣстно нашимъ сельскимъ хозяевамъ. Наконецъ, мотивомъ такихъ покупокъ нерѣдко служитъ и правильно рассчитанная личная выгода, а именно возможность значительно увеличить свои достатки, влѣдствіе непрерывнаго повышенія продажной стоимости земли. Стоимость

эта за послѣднее время повышалась у насъ весьма быстро. Купившій землю съ приплатой къ долгу банку 20 руб. въ правѣ рассчитывать черезъ какихъ-нибудь 40 лѣтъ удвоить и даже утроить свой капиталъ, такъ какъ цѣна на десятину земли въ нѣкоторыхъ центральныхъ губерніяхъ увеличилась за этотъ срокъ даже болѣе нежели на 40 руб. Наоборотъ, оплатившій ея полную стоимость — допустимъ 100 руб. — за тотъ же срокъ увеличить свой капиталъ при тѣхъ же условіяхъ лишь на 40%. Между тѣмъ, естественно, что человѣкъ, исчерпавшій всю свою кредитоспособность на увеличеніе пространства владѣемой имъ земли, тѣмъ самымъ обрекъ себя на необходимость вести свое хозяйство наиболѣе первобытнымъ способомъ. Повыситъ производительность своихъ земель посредствомъ оплодотворяющей силы капитала, за совершеннымъ отсутствіемъ такового, онъ при полномъ сознаніи выгоды этого рѣшительно не въ состояніи.

На ряду съ этимъ, легкость пользованія поземельнымъ кредитомъ привела къ облегченію купли-продажи земли, къ тому, что принято называть мобилизаціей земельной собственности. Но земля не выноситъ частой перемѣны хозяина, достигая своей высшей производительности лишь когда находится въ теченіе долгихъ лѣтъ въ однѣхъ и тѣхъ же и притомъ крѣпкихъ рукахъ.

Поскольку долгосрочный поземельный кредитъ противорѣчитъ интересамъ земледѣлія, можно судить уже по тому, что не только у насъ, но и въ странахъ Западной Европы онъ неизмѣнно служилъ источникомъ обдѣлнннн помѣтнаго сословія, а не обогащенія его.

Служа для удовлетворенія преходящихъ интересовъ отдѣльныхъ личностей, онъ въ корнѣ противорѣчитъ не только интересамъ всей страны, такъ какъ влечетъ за собою не поднятіе уровня сельскаго хозяйства, а, наоборотъ, пониженіе его, но и длительнымъ интересамъ помѣстнаго сословія, взятаго въ его совокупности.

Владѣльцу земли, разумѣется, невозможно воспретить пользованіе тѣмъ кредитомъ, который открываетъ ему самый фактъ владѣнія доходнымъ имуществомъ—землею. Но во власти государства затруднить возможность пользованія этимъ кредитомъ, что, если не всегда соответствовало бы единоличнымъ интересамъ землевладѣльцевъ, то въ высшей степени отвѣчало бы интересамъ самой земли, всегда совпадающимъ съ интересами массы населенія. Однимъ изъ ея послѣдствій явилось бы, по всей вѣроятности, и значительное уменьшеніе круга лицъ, имѣющихъ возможность приобретать земельныя имущества и, слѣдовательно, понизилась бы рыночная стоимость земель. Но обстоятельство это опять-таки противорѣчило бы лишь частнымъ интересамъ, но отнюдь не интересамъ общественнымъ. На доходность земли оно, конечно, повліять бы не могло, а лишь создало бы бѣольшую устойчивость земельныхъ владѣній, препятствовало бы ихъ мобилизаціи, при чемъ, однако, содѣйствовало бы ихъ дробленію на наиболѣе производительныя по ихъ размѣрамъ, при господствующимъ въ данное время обстоятельствахъ, земельныя участки и сосредоточенію ихъ въ болѣе крѣпкихъ, а, слѣдовательно, и умѣлыхъ рукахъ и тѣмъ самымъ въ конечномъ результатѣ соответствовало бы культурнымъ интересамъ страны.

Тѣ преходящія затрудненія, которыя оно вызвало бы въ землевладѣльческомъ классѣ, то будто бы тяжелое положеніе, въ которое поставитъ отсутствіе долгосрочнаго поземельнаго кредита землевладѣльца, отъ нихъ въ сущности не избавлено большинство земельныхъ собственниковъ и при его существованіи. Въдѣ въ смыслѣ кредитоспособности владѣлецъ заложенаго имѣнія находится въ такомъ же или, вѣрнѣе, еще худшемъ положеніи, нежели въ какомъ находились бы землевладѣльцы вообще при полномъ отсутствіи поземельнаго кредита. Между тѣмъ, несомнѣнно, что во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ владѣлецъ необремененной срочными платежами земельной собственности дѣйствуетъ въ условіяхъ неизмѣримо лучшихъ. Въ сущности всякое облегченіе въ пользованіи долгосрочнымъ поземельнымъ кредитомъ лишь ускоряетъ уничтоженіе самой возможности пользоваться этимъ кредитомъ подъ землю, слѣдовательно, уничтожаетъ самое существованіе этой формы кредита. Не проще ли и не безконечно ли выгоднѣе для земельной собственности, если не совершенно уничтожить, то, по крайней мѣрѣ, сократить этотъ кредитъ до окончательнаго обремененія земли губительно на нее дѣйствующими срочными платежами, нежели послѣ?

Указаніе на тотъ несомнѣнный фактъ, что отсутствіе льготнаго ипотечнаго поземельнаго кредита не предотвратитъ задолжанія землевладѣльцевъ, а лишь создастъ для нихъ болѣе тяжелыя условія, т. е., иначе говоря, приведетъ лишь къ повышенію платимаго ими за занятія деньги процента и, слѣдовательно, лишь ускоритъ ихъ разореніе, отнюдь не противорѣчитъ выскому сказанному положенію. Дѣйствительно, тяжесть отсут-

тствія ипотечнаго кредита отразится исключительно на личныхъ интересахъ землевладѣльцевъ, приведетъ лишь къ выпаденію изъ ихъ рукъ земельной собственности, но на самую собственность не повліяетъ. Последняя все же останется чистой отъ обязательныхъ платежей. Жалѣть о гибели, объ отторженіи отъ почвы тѣхъ соціальныхъ единицъ, которыя не обладаютъ необходимой стойкостью и умѣнемъ разумно пользоваться землей, не приходится. Нѣтъ сомнѣнія, что ихъ мѣсто займутъ другіе люди, болѣе способные и, слѣдовательно, отъ происшедшей перемѣны страна, какъ цѣлое, лишь выиграетъ.

Если доступная нашимъ землевладѣльцамъ форма поземельнаго кредита, въ большинствѣ случаевъ, какъ мы видѣли, не только не отвѣчаетъ интересамъ сельскаго хозяйства, а, наоборотъ, противорѣчитъ имъ, то существуетъ другая его форма, могущественнѣйшимъ образомъ содѣйствующая какъ усиленію производительности почвы, такъ и повышенію доходности сельскохозяйственнаго промысла; но именно она-то и не получила у насъ сколько-нибудь значительнаго развитія. Мы имѣемъ, разумѣется, въ виду кредитъ меліоративный, сущность котораго, какъ извѣстно, состоитъ въ томъ, что онъ открывается лишь для производства заранѣе опредѣленныхъ сельскохозяйственныхъ улучшеній, способныхъ увеличить капитальную стоимость или доходность того имѣнія, подъ обезпеченіе котораго онъ выдается. О значеніи меліоративныхъ ссудъ распространяться нѣтъ надобности; для каждаго и безъ того ясно, что исключительно при этой формѣ кредита возможно быть увѣреннымъ, что средства, полученныя подъ залогъ земли, будутъ

направлены къ самой землѣ, а не на достиженіе иныхъ, вполне постороннихъ земледѣлію цѣлей. Скажемъ лишь, что интенсивный характеръ сельскаго хозяйства въ западной Европѣ обязанъ своимъ современнымъ развитіемъ и процвѣтаніемъ преимущественно меліоративному кредиту. Такъ, въ одной Пруссіи выданныя сельскимъ хозяевамъ меліоративныя ссуды исчисляются милліардами марокъ. Для Россіи вопросъ, слѣдовательно, сводится къ тому, существуетъ ли нынѣ возможность развитія въ ней этой формы кредита?

Препятствіемъ къ этому могутъ служить два обстоятельства: во-первыхъ, крайняя задолженность землевладѣльческаго сословія, не позволяющая, быть можетъ, расширить въ какомъ бы то ни было направленіи ихъ кредитоспособность, за полнымъ исчерпаніемъ ея; во-вторыхъ, отсутствіе у самихъ землевладѣльцевъ стремленія и охоты затрачивать сколько-нибудь значительныя средства на сельскохозяйственныя улучшенія.

Главною двигательною силою въ каждомъ предпріятіи является самъ человѣкъ со всѣми своими индивидуальными особенностями. Именно онъ даетъ то или иное направленіе находящемуся въ его вѣдѣніи дѣлу, и, слѣдовательно, нельзя не считаться съ личными свойствами и качествами нашихъ землевладѣльцевъ при опредѣленіи степени возможности распространенія во владѣльческихъ хозяйствахъ тѣхъ или иныхъ хозяйственныхъ порядковъ и пріемовъ. Въ виду этого, и необходимо выяснить, имѣется ли среди представителей этого сословія достаточное число такихъ лицъ, которыя обладаютъ какъ желаніемъ, такъ и возможностью усложнить свои сельскохозяйствен-

ныя операціи примѣненіемъ къ эксплуатаціи земли торгово-промышленныхъ приемовъ.

Достаточно благо взгляда на личный составъ землевладельцевъ, чтобы убѣдиться, что въ указанныхъ отношеніяхъ ихъ слѣдуетъ раздѣлить на четыре отдѣльныя категоріи.

Первую изъ этихъ категорій составляютъ тѣ земельные собственники, которые уже и въ настоящее время съ успѣхомъ ввели въ своихъ экономіяхъ какъ усовершенствованные приемы обработки почвы, такъ и различныя техническія производства по обработкѣ сельскохозяйственнаго сырья. Къ ихъ числу принадлежатъ почти исключительно крупныя землевладельцы, обладающіе, въ большинствѣ случаевъ, помимо земельной собственности значительными денежными средствами. О нихъ, слѣдовательно, говорить не приходится: тѣ или иныя мѣры, направленныя къ приливу денежныхъ средствъ къ землѣ, на ихъ дѣятельность повліяютъ лишь въ слабой степени.

Ко второй категоріи слѣдуетъ отнести владельцевъ хотя и незаложенныхъ имѣній, но не владеющихъ наличными капиталами. Эти лица, конечно, и нынѣ имѣютъ возможность посредствомъ залога своихъ земель обзавестись необходимыми средствами для болѣе интенсивной ихъ эксплуатаціи, но, очевидно, что большинство изъ нихъ принадлежитъ къ разряду людей, описанныхъ всякаго риска и не находящихся въ себѣ достаточныхъ силъ для того умственного и нравственнаго напряженія, котораго потребовала бы отъ нихъ коренная ломка всего ветхозавѣтнаго строя ихъ хозяйства. Въ оправданіе ихъ нельзя не сказать, что тяжелое положеніе, въ которое стало большинство

владельцевъ заложенныхъ имуществъ, не можетъ не внушать имъ опасенія прибѣгать къ этому несомнѣнно обоюдоострому средству безъ крайней необходимости. Въ виду этого, возможно, что среди этой категоріи владельцевъ найдутся такіе, которые не убоятся дать живительный толчокъ своему хозяйству, если имъ будетъ предоставлена возможность найти необходимыя для этого денежныя средства съ обязательствомъ дать имъ производительное назначеніе.

Третья категорія нашихъ землевладельцевъ состоитъ изъ лицъ, сохранившихъ лишь юридическій титулъ собственника на свои имѣнія. Долги, обременяющіе ихъ земли, близко подходятъ къ продажной ихъ стоимости и, въ большинствѣ случаевъ, превосходятъ капитализированную, изъ уплачиваемаго ими по банковымъ ссудамъ процента, доходность ихъ. Охота у этихъ лицъ усилить производительность своихъ земель и тѣмъ повысить ихъ доходность несомнѣнно существуетъ, но возможность безусловно отсутствуетъ. Ихъ окончательная гибель—вопросъ лишь времени, и всякія мѣры, направленныя къ ихъ спасенію, всегда связанныя съ денежными пожертвованіями, слѣдуетъ признать не только напрасной, но даже вредной тратой денегъ, такъ какъ такимъ путемъ лишь искусственно продолжается ихъ агонія, пагубно отражающаяся на правильной эксплуатаціи ихъ земельныхъ имуществъ. Чѣмъ раньше перейдутъ принадлежащія имъ имѣнія въ другія, болѣе крѣпкія руки, тѣмъ это лучше для благосостоянія страны.

Не слѣдуетъ, однако, думать, что категорія эта многочисленна. Хотя задолженность частнаго землевладѣнія въ Россіи къ 4-му января 1904 года и пре-

вышла исполненную сумму 1,330 мил. рублей, при чемъ въ залогъ состояло свыше 41 мил. десятинъ, но все же въ ссуду въ среднемъ на одну десятину заложенной земли было выдано лишь 32 р. 6 к.¹⁾

Такъ какъ главнымъ кредиторомъ помѣстнаго сословія является Дворянскій банкъ, при чемъ выданныя имъ ссуды достигли наивысшихъ размѣровъ, то въ доказательство того, что большинство земельныхъ владѣній нельзя признать чрезмѣрно обремененными ипотечными ссудами, достаточно привести свѣдѣнія о размѣрахъ, въ которыхъ въ среднемъ заложены земли въ означенномъ банкѣ. Ограничимся при этомъ губерніями центра и востока, при чемъ приведемъ одновременно и продажныя цѣны земли, пріобрѣтенной крестьянами при помощи Крестьянскаго банка.

ГУБЕРНІИ:	Продажная цѣна 1 десятины земли, купленной крестьянами при помощи Крестьян. поземельн. банка въ 1899 г.	Остатокъ капиталаго долга въ среднемъ на 1 десятину земли, заложенной въ Дворянск. банкѣ къ 1-му янв. 1899 г.	Процентное отношеніе задолженности земли къ средней ея стоимости по цѣнамъ Крестьянскаго банка.
Курская	134	71	53
Орловская	117	64	55
Рязанская	117	58	50
Тульская	106	56	53
Тамбовская	90	53	50
Воронежская	88	43	49
Пензенская	71	36	50
Симбирская	85	36	45
Казанская	65	34	52
Саратовская	78	31	40
Самарская	41	18	44
Уфимская	21	10	48
Оренбургская	18	9	50

¹⁾ Безъ губерній прибалтійскихъ и привислинскихъ.

Само собою разумѣется, что если въ среднемъ, какъ указываетъ приведенная таблица, задолженность частновладѣльческой земли не превышаетъ 50% ея продажной стоимости, то если исключить тѣ имѣнія, которыя заложены въ значительно высшихъ, противъ указанныхъ, предѣлахъ, то дѣйствительная задолженность остальныхъ земель будетъ еще меньше, при чемъ послѣднія несомнѣнно составляютъ большинство; въ противномъ случаѣ, среднія нормы ссуды неминуемо превосходили бы означенные размѣры. Такое предположеніе тѣмъ болѣе правильно, что приведенныя продажныя цѣны безусловно ниже среднихъ.

Вотъ именно это-то большинство владѣльцевъ заложенныхъ имѣній и слѣдуетъ отнести къ четвертой категоріи нашихъ землевладѣльцевъ, при чемъ нѣтъ сомнѣнія, что по численному составу она наиболѣе значительна. вмѣстѣ съ тѣмъ эта категорія въ громадномъ большинствѣ своихъ представителей наврядъ ли остановится передъ рискомъ, неизбежно сопряженнымъ съ ломкой хозяйственнаго строя имѣнія, коль скоро она получитъ возможность усовершенствовать его. Наиболѣе могущественнымъ побужденіемъ къ этому должна послужить у нихъ именно задолженность ихъ имѣній, поглощающая при современномъ складѣ ихъ хозяйства въ неурожайные годы почти весь ихъ доходъ. Нынѣ возможности перестроить свое хозяйство указанныя лица безусловно лишены. Но создать ее для нихъ при извѣстныхъ условіяхъ едва ли трудно. Доля свободной отъ долговъ стоимости ихъ имѣній еще настолько велика, что она составитъ вполне надежное обезпеченіе для такихъ выданныхъ подъ нее средствъ, которыя были бы на-

правлены къ увеличенію ея капитальной стоимости посредствомъ обзаведенія имѣнія тѣми принадлежностями, которыя необходимы для приданія сельскому хозяйству интенсивнаго торгово-промышленнаго характера. Опасаться за цѣлость выданныхъ подъ заложенныя въ указанныхъ размѣрахъ имѣнія меліоративныхъ ссудъ существуетъ тѣмъ менѣе основанія, что ссуды эти по характеру своему въ извѣстной степени самообеспечивающіяся.

Что же касается того, что меліоративный кредитъ, подъ наименованіемъ ссудъ на сельскохозяйственныя улучшения, существуетъ и нынѣ и даже отпраздновалъ цѣлое пятилѣтіе своего существованія, но, однако, не получилъ сколько-нибудь значительнаго развитія, то это еще отнюдь не свидѣтельствуетъ о косности нашихъ сельскихъ хозяевъ. По сему поводу слѣдуетъ прежде всего замѣтить, что полученіе этихъ ссудъ до 1901 г. было обставлено столь сложными формальностями и связано съ такими побочными расходами, которые естественно должны были расхолаживать желаніе сельскихъ хозяевъ обращаться къ этому денежному источнику. Значительное уменьшеніе этихъ формальностей, а въ особенности предоставленіе возможности обращаться за полученіемъ ссудъ не въ центральное учрежденіе Министерства Земледѣлія, какъ это было до тѣхъ поръ и что создавало необходимость личныхъ поѣздокъ хозяина въ Петербургъ, а къ его мѣстнымъ органамъ, тотчасъ же оживило это дѣло. За одинъ 1901 г. ссудъ этихъ было выдано больше, нежели за всѣ четыре предшествующіе, а именно—169 на 644 тыс. руб., тогда какъ съ 1896 по 1900 г. общее число ихъ достигло всего 118 на

595 тыс. руб. Но все же широкаго развитія при нынѣшней его постановкѣ кредитъ этотъ получить никоимъ образомъ не можетъ. Этому препятствуетъ прежде всего крайне низкій предѣльный размѣръ выдаваемыхъ изъ него ссудъ на одного заемщика и притомъ именно въ той области его примѣненія, которая, съ одной стороны, требуетъ наибольшихъ затратъ, а съ другой—обѣщаетъ наибольшую выгоду, а именно устройство сельскохозяйственныхъ заведеній для переработки почвенныхъ и животныхъ продуктовъ. Именно по этой категоріи ссудъ размѣръ ихъ ограниченъ 5000 руб. Ссуды же на приобрѣтеніе племеннаго скота допускаются еще въ меньшемъ размѣрѣ — всего до 3000 руб. на заемщика. Спрашивается, какой сельскій хозяинъ согласится пройти черезъ всѣ необходимыя для полученія ссуды мытарства, а въ особенности подчинить свои начинанія въ новомъ дѣлѣ чиновничьему контролю, безъ котораго, какъ извѣстно, ссуды эти не выдаются, и все это для какихъ-нибудь 5000 р. Льготность процента здѣсь играть роли не можетъ: платить ли 4⁰/₁₀₀ роста или хотя бы 8⁰/₁₀₀ при ссудахъ такого размѣра особаго расчета составить не можетъ, ибо вся разница сведется къ сотнѣ, другой рублей въ годъ.

Такимъ образомъ, существуетъ полное основаніе полагать, что достаточно поставить меліоративный кредитъ на дѣйствительно изживенную почву, чтобы онъ получилъ самое широкое у насъ развитіе.

Организація на широкихъ началахъ меліоративнаго кредита обезпечитъ землевладѣльцамъ возможность придать своимъ хозяйствамъ болѣе интенсивный характеръ, полнѣе эксплуатировать производительность

своихъ земель. Но и этотъ кредитъ еще не въ полной мѣрѣ удовлетворитъ потребность сельскихъ хозяевъ въ деньгахъ, такъ какъ не предоставитъ имъ необходимыхъ для веденія дѣла оборотныхъ средствъ. Между тѣмъ, потребность въ этихъ средствахъ, по мѣрѣ приданія сельскому хозяйству промышленнаго характера, возрастаетъ, можно сказать, въ геометрической прогрессии. Слѣдовательно, ссуды на сельскохозяйственныя улучшения лишь въ томъ случаѣ получаютъ широкое развитіе и выгодное примѣненіе, если сельскіе хозяева одновременно получаютъ возможность пользоваться краткосрочнымъ кредитомъ на условіяхъ, соответствующихъ характеру сельскохозяйственной дѣятельности.

Условія эти рѣзко различаются съ тѣми, въ коихъ дѣйствуютъ торговля и промышленность. Последнія извлекаютъ наибольшую пользу изъ помѣщенныхъ въ нихъ капиталовъ при быстромъ и многократномъ въ теченіе года оборотѣ ихъ. Сельское хозяйство силою вещей принуждено мириться съ медленнымъ оборотомъ ежегодно затрачиваемыхъ въ немъ денежныхъ средствъ. Большинство затратъ въ этомъ дѣлѣ, даже оборотнаго характера, не имѣющаго въ виду увеличенія капитальной, основной стоимости хозяйственной единицы, окупаются лишь въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ. Такъ, напримѣръ, расходы по выращиванію скота и травосѣянію распредѣляются на срокъ не менѣе трехъ лѣтъ. Даже наиболее кратковременный по сроку его возмѣщенія расходъ въ сельскомъ хозяйствѣ—на приобрѣтеніе сѣмянъ и ежегодную обработку полей—возвращается хозяину по прошествіи года, а въ большинствѣ случаевъ даже болѣе про-

должительнаго срока, такъ какъ отъ посѣва озимыхъ хлѣбовъ и до полученія въ очищенномъ видѣ ихъ урожая проходитъ обыкновенно болѣе 12 мѣсяцевъ. Естественно, что при такихъ условіяхъ сельскій хозяинъ не имѣетъ возможности пользоваться краткосрочнымъ кредитомъ черезъ посредство существующихъ въ настоящее время коммерческихъ банковъ, всецѣло принаровившихъ свои операціи къ характеру торговопромышленной дѣятельности. Обычный срокъ уплаты по учитываемымъ этими банками векселямъ не превышаетъ трехъ мѣсяцевъ и значительно удлинить этотъ срокъ банки едва ли въ состояніи. Главнымъ источникомъ ссудной операціи этихъ учреждений служатъ не принадлежащіе имъ лично капиталы, а средства, внесенныя на текущій счетъ ихъ клиентами. Но большинство последнихъ вносятся не на опредѣленный срокъ, а до востребованія и, слѣдовательно, могутъ быть взяты обратно во всякое время. Само собою разумѣется, что пользоваться этими временными вкладами для выдачи изъ нихъ ссудъ, превышающихъ срокомъ нѣсколько мѣсяцевъ, коммерческіе банки не въ состояніи даже подъ самое вѣрное обезпеченіе.

Нельзя также не указать на полное отсутствіе связи между финансовыми кругами, выдающими банковымъ дѣломъ, и земледѣльческимъ сословіемъ, вслѣдствіе чего мѣру кредитоспособности желающаго кредитоваться въ банкѣ сельскаго хозяина банковымъ учетнымъ комитетамъ оцѣнить затруднительно. Они, естественно, предпочитаютъ развивать свои ссудныя операціи въ торговопромышленномъ мірѣ, имъ гораздо ближе извѣстномъ и неизмѣнно, вслѣдствіе малаго

количества обращающихся въ населеніи денежныхъ знаковъ, всецѣло исчерпывающемъ имѣющіяся въ распоряженіи банковъ свободныя средства.

Но если правильно поставленный кредитъ составляетъ жизненный нервъ торговли и промышленности, то едва ли не въ еще бѣльшей степени нуждается въ немъ сельское хозяйство. Первая изъ указанныхъ отраслей труда въ состояніи до извѣстной степени рассчитать размѣры своихъ предпріятій въ соответствии съ имѣющимися у предпринимателя личными средствами. Сельское хозяйство, по крайней мѣрѣ, въ главнѣйшей его части — производствѣ хлѣбовъ — лишено этой возможности, такъ какъ послѣднее въ значительной степени зависитъ отъ явленій, находящихся внѣ власти хозяина.

Въ самомъ дѣлѣ, если возможно, путемъ улучшенія почвы и примѣненія болѣе совершенныхъ способовъ ея обработки, повысить среднюю урожайность земли, то все же невозможно избѣгнуть колебаній ея производительности по отдѣльнымъ годамъ. Между тѣмъ, количество денегъ, необходимыхъ для веденія сельского хозяйства, находится въ тѣсной зависимости отъ высоты урожая даннаго года, и это тѣмъ болѣе, что чѣмъ выше урожай, тѣмъ бѣльшее необходимо количество рукъ для его уборки, а, слѣдовательно, тѣмъ дороже онѣ оплачиваются.

Совокупность изложеннаго неотразимо свидѣтельствуетъ о крайней необходимости организациі такого рода кредитныхъ учрежденій, которыя по характеру имѣющихся въ ихъ распоряженіи средствъ были бы принаровлены къ условіямъ сельского хозяйства, а по личному составу ихъ заправили были бы близки къ

землевладельческой средѣ. При этомъ слѣдуетъ, однако, принять всѣ мѣры предосторожности, дабы выданныя хозяину на оборотные въ его предпріятіи расходы средства не уклонялись отъ ихъ назначенія и такимъ путемъ, еялою вещей, не превратились бы въ ссуды долгосрочныя. Лучшимъ для этого средствомъ являлась бы выдача ссудъ преимущественно подъ обезпеченіе продуктовъ самого хозяйства, хотя бы въ размѣрахъ, приближающихся къ ихъ полной рыночной стоимости, съ тѣмъ, разумѣется, условіемъ, что въ случаѣ невыручки кредитнымъ учрежденіемъ выданной ссуды, при принудительной для уплаты ея продажи этихъ продуктовъ, недостающая сумма обезпечивалась бы остальнымъ достояніемъ владельца, при условіи взысканія ея преимущественно съ движимаго его имущества. Иначе говоря, кредитъ этотъ долженъ обладать характеромъ не исключительно вещнымъ, но и личнымъ.

Въ нашу задачу, впрочемъ, не входитъ разработка техническихъ подробностей устройства сельскохозяйственнаго кредита, какъ меліоративнаго, преслѣдующаго улучшеніе сельскохозяйственной единицы, увеличеніе ея капитальной стоимости, такъ и имѣющаго въ виду снабженіе сельского хозяина оборотными средствами. Мы хотѣли лишь указать на тѣ основныя причины, по коимъ существующій кредитъ, какъ долгосрочный поземельный, такъ и коммерческій, этимъ дѣляемъ не отвѣчаетъ, и выяснить необходимость привлечь къ ближайшему завѣдыванію имъ лицъ, выбранныхъ изъ той среды, которая способна вполне сознательно оцѣнить не только степень кредитоспособности сельского хозяина, но и степень

нужды его въ этомъ кредитѣ, а, быть можетъ, даже и предѣлы довѣрія къ его хозяйственнымъ способностямъ.

Откуда же, однако, получить тѣ весьма значительныя капиталы, которые потребны для обезпеченія сельскаго хозяйства оборотными средствами, а тѣмъ болѣе для земельныхъ улучшеній? Вѣдь не съ помощью же того милліона, который нынѣ составляетъ меліоративный фондъ Министерства Земледѣлія произвести почвенныя улучшенія въ нашемъ обширномъ отечествѣ.

IX.

Откуда почерпнуть средства, необходимыя для повышения сельскохозяйственной культуры.

Ранѣе нежели приступить къ изысканію источника тѣхъ весьма значительныхъ средствъ, которыя необходимы для измѣненія всего строя сельскаго хозяйства во владѣльческихъ имѣніяхъ, укажемъ еще на одно крайне неблагоприятное явленіе въ нашемъ народномъ хозяйствѣ, требующее, едва ли не настоятельнѣе всѣхъ остальныхъ, увеличенія производительности нашихъ земель и повышенія цѣнности сбываемыхъ сельскими хозяевами продуктовъ. Ближайшее его разсмотрѣніе само собою насъ приведетъ къ обнаруженію источника необходимыхъ для сельскаго хозяйства денежныхъ средствъ. Явленіе это—нашъ съ каждымъ годомъ все болѣе ухудшающійся международный расчетный балансъ.

На активѣ этого баланса мы, какъ извѣстно, имѣемъ исключительно нашъ товарный вывозъ, тогда какъ на пассивѣ, кромѣ иностраннаго ввоза, фигурируютъ такія крупныя статьи, какъ расходы нашихъ путеше-

ственниковъ за границую, иностранные расходы правительства, доходы иностранцевъ отъ помѣщенныхъ имъ въ русскія предприятия капиталовъ и, наконецъ, платежи по нашимъ процентнымъ бумагамъ, находящимся внѣ предѣловъ страны.

Если сальдо по нашему международному товарообмѣну, и тотъ за послѣдніе годы не всегда давалъ плюсъ въ нашу пользу, то легко себѣ представить какимъ исполненнымъ минусомъ сводится балансъ по нашему общему международному расчету.

Учсть этотъ дефицитъ съ безусловной достоверностью, правда, не представляется возможности, но близкое къ дѣйствительному понятію о немъ составить нетрудно. Свѣдѣнія для этого доставляетъ, прежде всего, изслѣдование г. Шванебаха—«Денежное преобразование и народное хозяйство». Въ блестящемъ трудѣ этомъ, раскрывшемъ, можно сказать, съ ослѣпительной ясностью весь сложный и безусловно искусный процессъ введенія у насъ золотой валюты, приведены по этому предмету весьма полныя, почерпнутыя изъ официальныхъ источниковъ, данныя. Основываясь на нихъ, авторъ этого труда опредѣляетъ для 1898 года ежегодные расходы русскихъ путешественниковъ за границую въ 50 мил. руб., иностранные расходы правительства (на армію и флотъ) въ 16 мил. и, наконецъ, платежи по помѣщеннымъ за границую фондамъ въ 170 мил. руб.¹⁾

¹⁾ Цифры эти основаны на данныхъ, заключающихся въ составленной г. А. П. Вышнеградскимъ особой по этому предмету запискѣ. Желаящихъ ближе ознакомиться съ этимъ вопросомъ мы отсылаемъ къ труду г. Шванебаха, къ сожалѣнію, не получив-

Но съ тѣхъ поръ суммы эти значительно увеличились.

Такъ, ежегодные расходы нашихъ путешественниковъ за границую представляютъ нынѣ, по крайней мѣрѣ, 60 мил. рублей¹⁾. Далѣе, платежи по иностран-

шему у насъ того широкаго распространенія, котораго онъ безусловно заслуживаетъ, что свидѣтельствуетъ прежде всего о той крайней партійности, которою страдаетъ наша повременная печать, а безъ рекламированія послѣдней у насъ ни одна серьезная книга не получаетъ значительнаго распространенія. Между ятѣмъ, трудъ г. Шванебаха отличается именно полной объективностью, т. е., иначе говоря, отсутствіемъ всякаго стремленія подвести свои конечные выводы къ готовымъ формуламъ той или иной партіи. Въ качествѣ искателя одной лишь истины, онъ по-неволѣ въ отдѣльныхъ частяхъ своего труда расходится съ нѣкоторыми основаніями всѣхъ партій и, такимъ образомъ, не удовлетворяетъ желаніямъ ни одной.

¹⁾ Число выѣзжающихъ за границу русскихъ подданныхъ съ каждымъ годомъ возрастаетъ. Такъ, въ 1895 г. число прибывшихъ въ Россію черезъ европейскую границу русскихъ подданныхъ равнялось 112.403, а въ 1900 г. достигло 194.984. Мы беремъ число прибывшихъ, а не выбывшихъ, такъ какъ послѣдніе количественно ежегодно превышаютъ первыхъ, что обнаруживаетъ существованіе эмиграціи изъ Россіи; наоборотъ, превышаетъ число выбывающихъ прибывающихъ въ Россію, наоборотъ, превышаетъ число выѣзжающихъ приблизительно на 20%. (Внѣшняя торговля по европейской границѣ въ теченіе декабря и всего 1900 г. изд. Деп. Тамож. Сбор.). Что же касается размѣра расходовъ нашихъ путешественниковъ за границую, то его можно опредѣлить по слѣдующимъ даннымъ. Среднее число дней пребыванія каждого путешественника за границую въ 1899 г. равнялось 80 (число это было опредѣлено (Обзоръ внѣшней торговли Россіи 1899 г., изд. Деп. Тамож. Сбор.) по отмѣткамъ на паспортахъ для 73% всего количества возвратившихся и, слѣдовательно, можетъ быть принято безъ опасенія значительной ошибки для всѣхъ нашихъ путешественниковъ), а, слѣдовательно, для всего ихъ числа составило не-

нымъ займамъ составляютъ теперь не менѣе 185 милліоновъ, повысившись, слѣдовательно, съ 1898 г. на 15.000,000 рублей въ годъ ¹⁾. Что касается засимъ ино-

вступно 15.600,000. Полагая, что ежедневный расходъ въ среднемъ одного путешественника не можетъ быть менѣе 5 рублей, получимъ, что общее количество оставленныхъ ими русскихъ денегъ, конечно, превышало 78 милліоновъ. Засимъ, если даже исключить изъ этой суммы расходы иностранцевъ въ русскихъ предѣлахъ, хотя бы въ несомнѣнно преувеличенномъ размѣрѣ, а именно 18 милліоновъ, мы все же получимъ, что по этой статьѣ нашего расчетнаго баланса мы терпимъ ежегодный убытокъ въ 60 милліоновъ рублей.

¹⁾ За это время совершены слѣдующіе займы: 1) 1899 г.—4% гос. рента на 180 мил. руб., которые хотя и были употреблены на погашеніе другихъ долговъ госуд. казначейства, но однако преимущественно внутреннихъ, а именно—на погашеніе 50 мил. кредитныхъ билетовъ и 68 мил. билетовъ гос. казначейства. 2) 1900 г.—4% гос. рента на 30 мил. руб. 3) 1901 г. 4% гос. рента (разница между суммою погашенныхъ листовъ и вновь выпущенныхъ) на 9.250,000 р. и 4% консолидированная рента (французскій заемъ) на 159 мил. р. Такимъ образомъ, всего заключено займовъ съ 1899 г. на 378 милліоновъ рублей, не считая займа совершеннаго въ расчетѣ на контрибуцію съ Китая (180 мил. руб.), такъ какъ предполагается, что проценты по нему будутъ всецѣло покрываться изъ означенной контрибуціи. Сумма процентовъ по совершеннымъ за этотъ срокъ займамъ превышаетъ 15 милліоновъ, а такъ какъ они были почти цѣлкомъ реализованы за границею, то, слѣдовательно, на всю эту сумму и увеличилось наши заграничные платежи. Однако, едва ли и этой суммой ограничилось это увеличеніе. Одновременно, съ одной стороны, происходила усиленная перепродажа нашихъ фондовъ иностраннымъ капиталистамъ, съ другой—былъ выпущенъ цѣлый рядъ процентныхъ бумагъ, гарантированныхъ правительствомъ, какъ-то закладные листы дворянскаго и крестьянскаго поземельныхъ банковъ, а также облигаціи желѣзныхъ дорогъ, также поступившихъ въ значительной долѣ въ иностранныя руки. Въ общемъ сумма государственныхъ

странныхъ расходовъ правительства, то опубликованныхъ свѣдѣній объ ихъ размѣрахъ не имѣется; однако, и они, по всей вѣроятности, увеличились, въ виду

и гарантированныхъ правительствомъ процентныхъ бумагъ, находящихся въ обращеніи возросла съ 1-го января 1899 г.—7,643 милліона, къ 1-му января 1901 г. до 7,987 мил., присоединяя къ которымъ указанные выше займы 1901 г.—168 мил. руб., достигла нынѣ 8,115 мил. руб., слѣдовательно, за три года увеличилась на 512 милліоновъ рублей новой валюты, ежегодные проценты по коимъ приближаются къ 20 милліонамъ. Свѣдѣнія эти почерпнуты изъ изданій Особ. Канц. по кредит. части Мин. Фин.—«Наличность государственныхъ и гарантированныхъ правительствомъ процентныхъ бумагъ на 1-е января 1899 г. и такое же изданіе на 1-е января 1901 г. По имѣющимся въ этихъ источникахъ даннымъ можно опредѣлить съ достаточной достовѣрностью и общее количество нашихъ фондовъ, помѣщенныхъ за границею. Изъ нихъ усматривается, что сумма находившихся на 1-е января 1901 г. въ Государственномъ Банкѣ, его конторахъ, казначействахъ и различныхъ частныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ кредитнаго характера, фондовъ составляла для бумагъ, выпущенныхъ въ рубляхъ, равныхъ 1% имперіала, т. е. прежнихъ металлическихъ, лишь 6,4% общаго ихъ количества (222 мил. на 3,464 мил. въ рубляхъ новой валюты), а для бумагъ, выпущенныхъ въ рубляхъ, равныхъ 1/5 имперіала, т. е. прежнихъ кредитныхъ и новыхъ металлическихъ, равнялось 66,1% общаго ихъ количества (2,990 мил. на 4,522 мил.). Такъ какъ каждому извѣстно, что прежніе металлические займы находятся почти исключительно за границею, то количество ихъ, хранящееся въ банковыхъ учрежденіяхъ, надо полагать, исчерпываетъ общее ихъ число, имѣющееся въ предѣлахъ Имперіи. Но это самое даетъ право полагать, что количество находящихся въ банкахъ процентныхъ бумагъ, выпущенныхъ въ прежней кредитной и новой золотой валютѣ, также близко приближается къ той суммѣ, которая имѣется внутри Россіи, т. е., иначе говоря, что количество капиталовъ, помѣщенныхъ въ процентныя бумаги и хранящихся ихъ владельцами у себя лично, въ Россіи незначительно. Но если опредѣлить его, даже въ раз-

усиленного за последнее время строительства военных судов на иностранных верфяхъ. Что бы, однако, не впасть въ ошибку, примемъ прежнюю, установленную г. Шванебахомъ цифру, а именно 16 миллионѣвъ.

Такимъ образомъ, эти три статьи пассива нашего международного баланса составляютъ нынѣ 261 миллионѣвъ, увеличившись за послѣдніе три года на 25 миллионѣвъ. Къ нимъ нужно присоединить дивиденды промышленныхъ предпріятій, выплачиваемые внѣ предѣловъ страны. Такъ какъ суммы иностранныхъ капиталовъ, помѣщенныхъ въ русскія предпріятія, опредѣлялись уже въ 1898 г. въ 400 миллионѣвъ рублей, то размѣръ ежегодныхъ платежей по нимъ, по самому скромному исчисленію, а именно изъ 5% годовыхъ, не можетъ быть менѣе 20 миллионѣвъ ¹⁾.

Размѣръ 10% того количества, которое имѣется въ банкахъ, т. е. допустить, что на рукахъ хранится бумага на 321 мил. р., что несомнѣнно преувеличено, то и въ такомъ случаѣ окажется, что изъ общей суммы находившихся къ 1 января 1901 г. въ обращеніи государственныхъ и гарантированныхъ правительствомъ процентныхъ бумагъ — 7,987 мил. въ предѣлахъ Россіи имѣлось лишь 3,533 мил. (222 мил. + 2,990 мил. = 3,212 мил. + 10% съ нихъ — 321 мил. = 3,533), а у иностранныхъ капиталистовъ нашихъ бумагъ указанныхъ категорій имѣется на 4,454 мил. Присоединяя къ этой суммѣ нашъ французскій заемъ 1901 г. — 159 мил., получимъ 4,622 мил., ежегодные платежи по коимъ, при общемъ учетѣ ихъ изъ 4%, составляютъ 185 мил. Эту послѣднюю цифру мы и приняли показателемъ нашихъ годовыхъ платежей по займамъ внѣ предѣловъ имперіи.

¹⁾ То обстоятельство, что нѣкоторыя предпріятія за послѣдніе годы не выдавали вовсе дивидендовъ не уменьшаетъ эту сумму, такъ какъ на ряду съ ними существуютъ другія и притомъ наиболѣе крупныя (напр., въ нефтяномъ дѣлѣ), продолжающія выдавать свыше 30% на вложенный капиталъ.

Итакъ, тѣ статьи пассива нашего расчетнаго баланса, которыя не имѣютъ противѣса на его активѣ, даютъ въ общемъ 281 миллионѣвъ. Засимъ, чтобы получить чистый дефицитъ по этому балансу, мы должны исключить изъ этой суммы избытокъ въ нашу пользу по торговому балансу, составлявшій въ среднемъ за послѣдніе 5 отчетныхъ лѣтъ (1896—1900 гг.) 6 миллионѣвъ ¹⁾. Остатокъ 185 миллионѣвъ рублей и является наименьшею суммою излишне вывозимыхъ нами теперь за границу, противъ получаемыхъ изъ-за границы, денежныхъ знаковъ.

Заполнять эту разницу за счетъ денежныхъ знаковъ, обращающихся среди населенія страны или хранящихся въ государственномъ казначействѣ, мы, разумѣется, не имѣемъ возможности: это поглотило бы весь нашъ золотой запасъ въ весьма короткій срокъ, т. е., иначе говоря, погубило бы введенное съ такимъ трудомъ и съ такими жертвами золотое денежное обращеніе. Мы поневолѣ принуждены пополнять этотъ дефицитъ искусственнымъ приливомъ золота изъ-за границы, т. е., иначе говоря, совершать иноземные займы, независимо оттого нужны ли эти займы для текущихъ расходовъ гос. казначейства или нѣтъ. До 1898 г. займы эти совершались отчасти въ видѣ влагаемыхъ иностранцами въ русскую промышленность капиталовъ и вслѣдствіе значительной прибыльности про-

¹⁾ По отдѣльнымъ годамъ избытокъ этотъ подвергался за послѣднее пятилѣтіе довольно значительнымъ колебаніямъ, а именно: въ 1896 г. + 103,1 мил., 1897 г. + 166,6 мил., 1898 + 115, въ 1900 г. + 116,2 миллионѣвъ; въ 1899 г., наоборотъ, ввозъ превысилъ вывозъ, а именно на 23,5 мил. Въ зависимости отъ этого, разумѣется, измѣняется и дефицитъ по расчетному балансу.

мышленного дѣла оплачивались строною высокимъ процентомъ, что, конечно, лишь увеличивало ихъ тягость¹⁾. Съ тѣхъ поръ приливъ иностранныхъ капиталовъ, къ счастью, значительно уменьшился и разница между вывозомъ и ввозомъ въ Россію денежныхъ знаковъ, иначе говоря, дефицитъ по международному расчетному балансу заполняется средствами, проистекающими отъ реализаціи за границею государственныхъ и гарантированныхъ правительствомъ займовъ. Отъ этихъ займовъ насъ не могутъ избавить самыя благоприятныя поступления государственныхъ доходовъ, хотя бы они даже съ избыткомъ покрывали государственные расходы²⁾.

Въ послѣднемъ случаѣ возможно лишь одно, а именно давать этимъ займамъ производительное назначеніе, что въ дѣйствительности и происходитъ. Иноземное золото, за отсутствіемъ надобности въ немъ у государственнаго казначейства, поступаетъ на сооруженіе новыхъ желѣзнодорожныхъ путей, доходы по которымъ должны облегчать казнѣ уплату процентовъ по займамъ. Однако, какъ всякому понятно, такое положеніе вещей долго продолжаться не можетъ. Ни одна страна не въ состояніи безнаказанно увеличивать своей иноземной задолженности выше извѣстной нормы,

¹⁾ По приблизительному подсчету иностранцами было вложено въ русскія предпріятія капиталовъ — въ 1896 г. — 92 мил., въ 1897 г. — 55 мил., въ 1898 г. — 110 мил. рублей.

²⁾ Дѣйствительно, несмотря на эти займы, нашъ золотой запасъ все-таки сокращается, такъ къ 1-му января 1899 г. онъ составлялъ 1,591 миллионъ, а къ 1-му января 1902 г. понизился до 1,525 миллионъ, несмотря на ежегодное пополненіе его золотомъ, добываемымъ внутри страны, на сумму около 45 милл. рублей.

дальше которой, какое бы заключаемые займы не получали назначеніе, сколь бы они ни были производительны, она ихъ выдержать не въ состояніи. Въ особенности же это такъ, когда, какъ у насъ, самое заключеніе займовъ обусловливается прежней задолженностью и гдѣ, слѣдовательно, каждый новый занятый рубль создаетъ необходимость дальнѣйшаго увеличенія задолженности. Словомъ, здѣсь причина съ слѣдствіемъ столь тѣсно сплетаются, что грани между ними установить нѣтъ возможности. Въ сущности проценты по прежнимъ займамъ внѣ предѣловъ страны мы цѣликомъ уплачиваемъ изъ суммъ, получаемыхъ отъ реализаціи новыхъ займовъ, такъ какъ ежегодный, пополняемый изъ этихъ займовъ дефицитъ по расчетному балансу (185 мил.) какъ разъ достигаетъ суммы выплачиваемыхъ иностранцамъ процентовъ по нашимъ долговымъ обязательствамъ (185 мил.)¹⁾.

¹⁾ Нельзя также не опасаться что иностранные капиталисты вскорѣ перестанутъ насъ сужать денежными средствами изъ того сравнительно легкаго процента, по которому мы получаемъ ихъ нынѣ. Въ кредитоспособности Россіи, въ ея неисчерпаемыхъ богатствахъ сомнѣваться, разумѣется, не приходится. Это, однако, не обозначаетъ, чтобы иностранные капиталисты, а въ особенности иностранные банкиры, отъ коихъ на практикѣ зависитъ реализація займовъ, не воспользовались тѣми тѣневыми сторонами нашего экономическаго строя, которыя за послѣднее время все рѣзче выступаютъ и заслоняютъ свѣтлыя стороны. Попытки представить Россію на пути къ полному банкротству, какъ извѣстно, въ послѣднее время были неоднократно предпринимаемы французскою временной печатью. Такое же направленіе обнаруживается нынѣ и въ германской печати, съ тою лишь разницею, что послѣдняя приступаетъ къ этому болѣе методически и опирается для своихъ выводовъ, хотя и на тенденціозно подобранныя, но все же съ виду убѣдительныя данныя, почерпнутыя, какъ

Ясно, что единственнымъ выходомъ изъ этого положенія является повышеніе избытка въ нашу пользу по торговому балансу до такихъ размѣровъ, чтобы онъ покрывалъ всѣ остальные статьи пассива нашего расчетнаго баланса, уменьшить которыя не въ нашей власти. Дѣйствительно, ни платежей по займамъ, ни расходовъ путешественниковъ за границею не только сократить нѣтъ возможности, но даже нельзя удержать отъ дальнѣйшаго роста. Первыхъ въ виду необходимости новыхъ займовъ, вторыхъ ни при какихъ условіяхъ, вслѣдствіе все развивающагося международнаго общенія. Единственно, что, вѣроятно, возможно нѣсколько уменьшить, это иностранные расходы правительства, да и то, конечно, не въ полномъ размѣрѣ¹⁾. Засимъ ранѣе было уже выяснено, что

изъ нашей официальной статистики, такъ и изъ непосредственнаго наблюденія за народной жизнью. Дабы не быть голословными укажемъ на слѣдующія нѣмецкія изслѣдованія въ этой области: Rohrbach. Russland in der Krisis. (Preussische Jahrbücher Januar 1902); Lehman und Parvus. Das hungernde Russland. Reiseeindrücke, Beobachtungen. Stuttgart. 1900. Последнее изслѣдованіе для вящаго воздѣйствія на пессимизмъ читателей богато иллюстрировано подтверждающими выводъ авторовъ рисунками изъ русской народной жизни. Успѣхъ нашего послѣдняго «книжечкаго» займа этому нисколько не противорѣчитъ. Онъ лишь доказываетъ насколько реализація займовъ зависитъ отъ банковаго міра; между тѣмъ, своей силой банки могутъ, разумѣется, пользоваться въ любомъ направленіи.

¹⁾ Соответственныя въ этомъ направленіи мѣры принимаются. Такъ по Морскому Министерству уже послѣдовало распоряженіе о закупкѣ судами нашего флота всѣхъ необходимыхъ имъ припасовъ преимущественно въ русскихъ портахъ. При этомъ управляющій министерствомъ напомнилъ чинамъ флота, что деньги есть трудъ соотечественниковъ, которыя должны расходоваться

уменьшить стоимость иностраннаго ввоза къ намъ фабричныхъ издѣлій возможно не болѣе, какъ на 75 милліоновъ рублей. Слѣдовательно, развитіе фабрично-заводской дѣятельности до крайнихъ предѣловъ не покроетъ всего дефицита по нашему международному балансу, а тѣмъ болѣе не дастъ намъ необходимыхъ средствъ для погашенія иностранныхъ займовъ, къ чему, однако, мы должны всемѣрно стремиться. Необходимо въ виду этого повысить цѣнность нашего ввоза; но этого мы можемъ достигнуть лишь путемъ усиленной продажи почвенныхъ и животныхъ продуктовъ, такъ какъ лишь ихъ сбытъ на иностранныхъ рынкахъ для насъ безусловно обезпеченъ.

Въ этомъ направленіи, повидимому, и должны дѣйствовать сооружаемыя за счетъ иностранныхъ займовъ новые желѣзнодорожныя пути. Углубляясь все дальше въ восточныя окраины Россіи, онѣ вызовутъ въ нихъ усиленную распашку новыхъ земель, какъ вызвали это въ свое время въ центрѣ, Приднѣпровкѣ и Поволжкѣ.

Въ пользу увеличенія нашей посѣвной площади, по мнѣнію нѣкоторыхъ, говоритъ, между прочимъ, и ежегодное увеличеніе потребленія хлѣба внутри страны, какъ слѣдствіе естественнаго прироста населенія. Принимая, что приростъ этотъ достигаетъ $1\frac{1}{3}\%$ наличнаго населенія и считая по 15 пудовъ хлѣба на душу, увеличеніе это для одной Европейской Россіи приближается къ 27 мил. пудовъ.

Все это, конечно, вѣрно. Едва ли, однако, для увели-

на пользу собственнаго государства, а не на обогащеніе иностранцевъ (приказъ по Морскому Министерству 7-го марта 1902 г.).

ченія производимаго нами хлѣба необходимо вводить въ оборотъ культурныхъ земель нераспаханныя степи нашихъ восточныхъ окраинъ, тогда какъ увеличеніе производительности земли, уже состоящей подъ посѣвами, пространство коей уже въ 1899 г. превышало 69 мил. десятинъ, всего лишь на 5 пудовъ на десятину доставитъ до 350 лишнихъ миллионовъ пудовъ хлѣба въ годъ. Такой выходъ уже оттого неизмѣримо лучше, что привлеченіе зауральскихъ земель къ участию въ нашей международной хлѣбной торговлѣ будетъ имѣть своимъ неперемѣннымъ послѣдствіемъ дальнѣйшее пониженіе доходности земледѣльческаго промысла въ центрѣ. Состязаться въ цѣнѣ производства хлѣба не только центральныя, но даже восточныя губерніи, съ зауральскими землями, безъ искусственнаго поднятія урожайности своихъ земель, конечно, не могутъ. Этому препятствуетъ уже одна разница въ основной стоимости земли по разнымъ сторонамъ Уральскаго хребта. Въ томъ же направленіи дѣйствуетъ и разница въ ихъ податномъ обложеніи. Собранный за Ураломъ хлѣбъ обойдется производителю значительно дешевле, нежели въ центрѣ, а такъ какъ цѣна на зерновые продукты обнаруживаетъ у насъ упорное стремленіе уравниваться съ низшею стоимостью его производства, а отнюдь не съ высшею, то едва ли можно признать преувеличенными опасенія тѣхъ лицъ, которыя утверждаютъ, что распашка нашихъ восточныхъ степей поведетъ къ окончательной гибели центра и востока.

Такимъ образомъ, дальнѣйшее употребленіе нашихъ иноземныхъ займовъ, прекращенія которыхъ въ ближайшемъ будущемъ ожидать нельзя, на сооруженіе

железныхъ дорогъ, имѣющихъ связать рельсовыми путями земли крайняго востока съ международными хлѣбными рынками, не только не поведетъ къ улучшенію нашего расчетнаго баланса посредствомъ поднятія цѣнности нашего вывоза, а, наоборотъ, лишь ухудшитъ его, такъ какъ если количество вывезеннаго хлѣба и увеличится, то цѣнность его, по всей вѣроятности, еще упадетъ. Между тѣмъ, ясно какъ день, что для того, чтобы наши новые заграничныя займы не представляли бы сами по себѣ причины и источника дальнѣйшаго увеличенія заграничной задолженности, нужно дать имъ примѣненіе въ такомъ дѣлѣ, усиленіе производительности котораго вело бы къ увеличенію не количества нашего вывоза, а качества его, иначе говоря, его цѣнности.

Такимъ дѣломъ, несомнѣнно, и является наше сельское хозяйство центра и востока, да и всей вообще Европейской Россіи, при условіи постановки его на новыхъ началахъ, гдѣ, на ряду съ естественными силами природы, будетъ дѣйствовать и сила капитала. На это дѣло, слѣдовательно, и нужно преимущественно направить суммы, выручаемыя отъ заграничныхъ займовъ. И вотъ тотъ источникъ, который можетъ въ изобиліи снабдить хозяевъ денежными средствами.

Опасаться потери капиталовъ, вложенныхъ въ меліорацию почвы и на оборудованіе земельныхъ владѣній сельскохозяйственными техническими производствами, не приходится. Какъ уже было неоднократно указано, выдаваемые на это ссуды по своему характеру самообеспечивающіяся. Но если даже допустить, что нѣкоторая часть этихъ средствъ погибнетъ безвозвратно, то и это не можетъ служить причиною отказа

отъ такой мѣры, ибо нѣтъ дѣла, которое бы обезпечивало цѣлость всѣхъ вложенныхъ въ него средствъ. Относительно же суммъ, вырученныхъ отъ нашихъ займовъ, подобная причина была бы тѣмъ болѣе несостоятельна, что нынѣ суммы эти помѣщаются въ такія предпріятія, которыя еще менѣе доходны, а именно въ желѣзнодорожное строительство. Дѣйствительно, если въ общемъ наше казенное желѣзнодорожное хозяйство и окупаетъ вложенныя въ него средства, то исключительно благодаря высокой прибыльности отдѣльныхъ желѣзнодорожныхъ линій, какъ-то: Николаевская, Московско-Нижегородская, Московско-Кіевская и еще нѣкоторыя другія. Что же касается новыхъ желѣзныхъ дорогъ, проводимыхъ вдали отъ крупныхъ центровъ и вообще по мало населеннымъ мѣстностямъ, то ихъ убыточность несомнѣнна. Между тѣмъ, нынѣ новыя дороги возможно проводить именно только въ этихъ условіяхъ.

Итакъ, недостатка въ средствахъ, могущихъ быть обращенными на пользу земледѣлія и сопряженныхъ съ нимъ отраслей хозяйства, нѣтъ. Средства эти въ изобиліи доставятъ иностранные займы, прекращеніе которыхъ возможно ожидать лишь послѣ того, какъ продуктивность нашего сельскаго хозяйства повысится настолько, что прекратитъ ввозъ въ наши предѣлы продуктовъ иностраннаго сельскаго хозяйства, а стоимостью сбываемыхъ ею на иностранные рынки товаровъ покроетъ весь дефицитъ по нашему международному расчетному балансу. Иначе говоря, займы эти прекратятся лишь когда и сельское хозяйство перестанетъ столь настоятельно нуждаться въ дальнѣйшемъ приливѣ къ нему значительныхъ денежныхъ средствъ.

X.

Обзоръ мѣръ, могущихъ содѣйствовать развитію сельскохозяйственной промышленности.

Приписывать медленное распространеніе во владѣльческихъ экономіяхъ интенсивныхъ формъ сельскаго хозяйства и слабое развитіе производствъ, перерабатывающихъ добываемое на мѣстѣ сырье, исключительно отсутствію денежныхъ средствъ у помѣстнаго сословія, конечно, нельзя. Сколь бы мало у нихъ не было этихъ средствъ, какъ бы ни были тягостны условія ихъ полученія, все же среди сельскихъ хозяевъ проявилось бы болѣе стремленіе къ усовершенствованію своихъ хозяйствъ, нежели это наблюдается нынѣ, если среди нихъ существовала бы увѣренность въ прибыльности затратъ на это дѣло. Между тѣмъ, нельзя отрицать обнаруживающагося у наиболѣе расчетливыхъ хозяевъ, и притомъ даже имѣющихъ въ своемъ распоряженіи свободныя деньги, стремленія не увеличивать свои хозяйственные обороты, а, напротивъ, всемѣрно ихъ уменьшать и даже свети на нѣтъ посредствомъ сдачи земли въ аренду, какъ денежную, такъ и изъ части полученнаго урожая.

Нѣтъ же этой увѣренности у хозяевъ, вслѣдствіе тѣхъ безчисленныхъ затрудненій, которыя они испытываютъ, какъ при переходѣ къ болѣе усовершенствованному использованию своихъ земель, такъ и при самомъ веденіи усложненнаго предпріятіями торговопромышленнаго характера хозяйства. Расходы по обузаведенію имѣнія улучшеннымъ живымъ и мертвымъ инвентаремъ, а тѣмъ болѣе по оборудованію специальными производствами, весьма значительны, а сбытъ переработаннаго сырья и откормленныхъ животныхъ отнюдь не обезпеченъ или, вѣрнѣе, невозможно предварительно учесть степень прибыльности этого дѣла, вслѣдствіе постоянныхъ рѣзкихъ колебаній рыночной цѣны на эти продукты въ мѣстахъ ихъ возможнаго сбыта. Надо самому испытать все прелести продажи внѣ предѣловъ имѣнія, на городскихъ рынкахъ, такихъ скоропортящихся продуктовъ, какъ масло, овощи, плоды и битая живность, или обезцѣнивающихся, вслѣдствіе убыли въ вѣсѣ и крайней дороговизны содержания въ городѣ, какъ откормленный скотъ, чтобы вполне постигнуть степень зависимости хозяина отъ торговца и случайность полученной прибыли и убытка. Въ томъ же направленіи дѣйствуютъ и инныя многочисленные причины, усиленно тормозящія успешное развитіе у насъ сельскаго хозяйства промышленнаго характера.

Изъ сказаннаго ясно, что предоставленіе сельскимъ хозяевамъ самой широкой возможности пользоваться кредитомъ для переустройства своихъ хозяйствъ на новый ладъ еще далеко не достаточно, чтобы побудить ихъ къ тому. Необходимо на ряду съ этимъ принять цѣлый рядъ мѣръ, направленныхъ къ той же

цѣли, при чемъ эти мѣры дѣлятся на двѣ главныя категоріи.

Къ первой принадлежатъ мѣры, имѣющія въ виду предоставленіе возможности сельскимъ хозяевамъ перейти къ болѣе совершенному использованию природныхъ силъ почвы, къ превращенію своихъ хозяйствъ изъ простаго собиранія плодовъ земныхъ въ предпріятія промышленнаго характера, перерабатывающія получаемые ими продукты въ болѣе цѣнные жизненные припасы съ обращеніемъ ихъ на рынокъ въ такомъ, по возможности, видѣ, въ какомъ они составляютъ предметъ непосредственнаго потребленія.

Вторая категорія этихъ мѣръ должна имѣть въ виду облегченіе самой дѣятельности уже перестроенныхъ хозяйствъ посредствомъ созданія условій, способствующихъ сбыту производимыхъ ими цѣнностей.

Во главѣ первой категоріи стоитъ прежде всего предоставленіе хозяевамъ средствъ для оборудованія хозяйственной единицы требуемымъ интенсивной культурой и переработкой сельскохозяйственнаго сырья живымъ и мертвымъ инвентаремъ. По этому вопросу было уже достаточно говорено нами до сихъ поръ и возвращаться къ нему нѣтъ надобности. Укажемъ лишь еще разъ на вредъ, проистекающій отъ обремененія земли ипотечными долгами, если занятія средства не получаютъ производительнаго для самой земли назначенія. Какъ мы видѣли, задолженность владѣльческихъ земель нынѣ, хотя и весьма значительна, но все же по большинству помѣстій далеко не достигаетъ ихъ продажной стоимости. Слѣдовательно, большинство землевладѣльцевъ еще сохранило возможность получить достаточныя, для усовер-

шенствованія ихъ хозяйственнаго строя, средства. Однако, положеніе это можетъ быстро измѣниться. Вспомнимъ, что за послѣднія десять лѣтъ ипотечная задолженность земель въ Европейской Россіи, безъ прибалтійскихъ и привислинскихъ губерній и не считая ссуды, выданныя крестьянскимъ банкомъ, увеличилась на 98%, а абсолютная сумма новыхъ долговъ составила 656 милліоновъ ¹⁾. При такомъ ходѣ вещей весьма возможно, что не пройдетъ и четверти вѣка, какъ число имѣній, задолженность коихъ допустить выдачу подъ нихъ новыхъ ссудъ, хотя бы и на производительныя цѣли, будетъ ничтожнымъ, при чемъ эти имѣнія будутъ принадлежать преимущественно къ той категоріи, владѣльцы которыхъ вообще не нуждаются въ какомъ бы то ни было кредитѣ. Иначе говоря, устройство меліоративнаго кредита потеряетъ всякое значеніе, такъ какъ громадное большинство не будетъ въ состояніи имъ воспользоваться, а ничтожное меньшинство не предъявить требованій на него. Предупредить это явленіе въ высшей степени важно. Наиболее радикальнымъ, а съ точки зрѣнія общегосударственной и наиболее рациональнымъ средствомъ для этого было бы полное прекращеніе выдачи ипотечныхъ ссудъ подъ земельную собственность. Но подобная мѣра, конечно, задѣла бы слишкомъ много частныхъ интересовъ. Приходится въ виду этого поневоль остановиться на полумѣрахъ. Такими полумѣрами было бы запреще-

¹⁾ Къ 1 января 1891 года общая задолженность земель въ указанной части Россіи составляла 669 милл. руб., а къ 1 января 1901 года достигла 1.325 мил. руб. (Статистика долгосрочнаго кредита въ Россіи).*

ніе частнымъ земельнымъ банкамъ выдавать новыя ссуды и увеличивать прежнія свыше 60% нормальной оцѣнки земли, при чемъ оцѣночныя нормы устанавливаются правительствомъ въ соотвѣтствіи съ низшими продажными цѣнами въ данной мѣстности. Что же касается дворянскаго банка, то учрежденіе это по существу своему характера попечительнаго. Этотъ характеръ оно и должно соблюдать во всѣхъ своихъ операціяхъ, а именно при выдачѣ новыхъ ссудъ и увеличеніи прежнихъ, руководствоваться не исключительно степенью обеспеченности ихъ, но и степенью дѣйствительной нужды въ нихъ землевладѣльцевъ, т. е., иначе говоря, по сколько ихъ выдача соотвѣтствуетъ интересамъ самой земли, съ которыми истинные интересы дворянскаго сословія всегда совпадаютъ.

На этомъ основаніи, выдачу ссудъ для пріобрѣтенія новыхъ имѣній или для помѣщенія занятыхъ средствъ въ какія-либо иныя, несвязанныя съ земельнымъ владѣніемъ, предпріятія надлежало бы совершенно прекратить, признавъ за правило, что ссуды выдаются преимущественно для выдѣла наследственныхъ долей, или для раздѣла имущества между сонаследниками. Нежелательно, однако, чтобы и въ подобныхъ случаяхъ ссуды превышали 60% специальной оцѣнки земли.

Что же касается оборудованія хозяйствъ усовершенствованными сельскохозяйственными орудіями и специальными производствами по переработкѣ сырья, то этому могло бы могущественно содѣйствовать прежде всего освобожденіе отъ пошлннъ этихъ орудій и необходимыхъ для означенныхъ производствъ специальныхъ аппаратовъ иностранной фабрикаціи, при

одновременномъ поощреніи ихъ отечественнаго производства, хотя бы въ видѣ выдачи особыхъ денежныхъ премій ихъ фабрикантамъ. На ряду съ этимъ надлежало бы значительно понизить тарифъ на перевозку этихъ предметовъ по желѣзнымъ дорогамъ. Столь же существенно въ интересахъ сельскаго хозяйства понизить пошлины на желѣзо и чугуны, а также на искусственные удобрительные туки. Въ настоящее время пошлины эти, какъ извѣстно, для чугуна и желѣза равняются цѣнѣ иностраннаго продукта, считая въ томъ числѣ стоимость его доставки¹⁾.

Что покровительственная система помогаетъ нашей промышленности не за счетъ иностраннаго производства, а черпаетъ свою силу въ значительной степени изъ той же сельскохозяйственной среды, не только всѣмъ извѣстно, но и вполне понятно. Иначе и быть не можетъ. Но едва ли для этого необходимо облагать земледѣліе столь тяжелымъ налогомъ. Въ Америкѣ, напримѣръ, желѣзная промышленность также развилась подъ вліяніемъ покровительственнаго тарифа. Для этого, однако, тамъ не представилось надобности въ доведеніи его до непосильныхъ для населенія размѣровъ. О разницѣ между нашимъ и сѣверо-американскимъ тарифомъ можно судить по слѣдующимъ даннымъ:

¹⁾ Лучшій шотландскій чугунъ стоитъ на мѣстѣ до 35 коп. а перевозка въ Петербургъ около 10 коп., слѣдовательно, цѣна въ Петербургѣ не должна превышать 45 коп.; пошлина же, составляющая тоже 45 коп., доводитъ цѣну на него до 90 коп.

	Въ С.А.-Соед. Штатахъ Въ копѣйкахъ	Въ Рос-сіи, запудъ
Желѣзная руда	1,66	14
Чугунъ	16,6	45
Круглое желѣзо, полосовое и всякое сорто- вое, а также сталь	50	75
Листовое желѣзо до № 25 вкл., а также сталь	65,2	до 74,54
Листовое желѣзо свыше № 25	102,8	97,5
Рельсы стальные и желѣзные	32,6	160
		100

Изъ приведенныхъ цифръ видно, что у насъ пошлина на желѣзную руду въ 8 разъ выше, нежели въ Америкѣ, на чугуны почти въ 4 раза, на желѣзо полосовое и сталь въ 2 раза, на рельсы въ 3 раза.

Дальнѣйшее существованіе нашей желѣзодѣлательной промышленности въ этихъ условіяхъ едва ли можетъ быть оправдываемо. Интересы сельскаго хозяйства у насъ во всѣхъ отношеніяхъ слишкомъ первенствующи, а они настоятельно требуютъ пониженія пошлины на руду и всѣ ея производныя.

Что касается удобрительныхъ туковъ, то вліяніе ихъ на плодородіе земли всѣмъ извѣстно. О степени ихъ примѣненія въ странахъ западной Европы можно судить по слѣдующимъ даннымъ:

	Количество пудовъ искусственныхъ удобреній, употреб- ляемыхъ на 1 деся- тину посѣвной пло- щади.
Франція	10 пуд.
Бельгія	9 »
Соединенное Королевство	4,5 »
Германія	3 »
Соединенные Штаты	2,10 »

Въ Россіи общее количество ежегодно употребляе-
10*

мыхъ искусственныхъ удобреній не достигаетъ 5 милліоновъ пудовъ, что составляетъ на одну десятину посѣвной площади менѣе 3 фунтовъ, при чемъ фактически ихъ примѣненіе ограничивается, почти исключительно, Прибалтійскими и Привислянскими губерніями¹⁾. Между тѣмъ, содѣйствовать ихъ повсемѣстному примѣненію въ области земледѣлія безмѣрно важно. Освобожденіе этихъ туковъ отъ пошлины и удешевленіе ихъ перевозки по желѣзнымъ дорогамъ существенно бы этому способствовало.

Наконецъ, къ числу мѣръ, могущихъ содѣйствовать повышенію производительности нашихъ земель, слѣдуетъ отнести — обложеніе вывозной пошлиной кормовыхъ средствъ, въ особенности жмыховъ и отрубей, а также повышеніе цѣны ихъ перевозки изъ восточныхъ и центральныхъ губерній во всѣ западныя. Такая мѣра явится едва ли не лучшимъ побужденіемъ къ увеличенію скотоводства и улучшенію содержимыхъ породъ въ земледѣльческой области.

Повышеніе желѣзнодорожнаго тарифа на жмыхи и отруби, при условіи обложенія ихъ вывозною пошлиною, вызываетъ опасеніемъ, что послѣдняя мѣра, въ противномъ случаѣ, отразится благотѣтельно, исключительно, на западныхъ и юго-западныхъ губерніяхъ, благодаря тому, что въ нихъ интенсивныя системы хозяйства, по сравненію съ востокомъ и центромъ, нынѣ значительно болѣе развиты. Слѣдовательно, при дешевомъ тарифѣ указанныя кормовыя средства направляются туда и лишь оттуда будутъ вывезены за границу въ видѣ откормленнаго скота.

¹⁾ Лохтинъ. Состояніе сельскаго хозяйства въ Россіи, стр. 213.

Противъ освобожденія отъ пошлины сельскохозяйственныхъ орудій и удобрительныхъ туковъ, пониженія ея на желѣзо и обложенія ею жмыховъ и отрубей можно возразить, что это ухудшитъ нашъ международный торговый балансъ, увеличивъ ввозъ и уменьшивъ вывозъ. Однако, едва ли это такъ. Кормовыя средства безъ употребленія, очевидно, у насъ не останутся, а лишній откормленный ими скотъ, несомнѣнно, направится за границу, такъ какъ на внутреннемъ рынкѣ въ немъ недостатка и нынѣ не ощущается, а, слѣдовательно, онъ сбыта на немъ не найдетъ, а примѣненіе усовершенствованныхъ орудій и искусственныхъ удобреній увеличитъ плодородіе земли и, слѣдовательно, увеличитъ нашъ вывозъ. Что же касается пониженія пошлины на желѣзо, то и оно наврядъ ли увеличитъ нашъ ввозъ, такъ какъ домашніе производители желѣза будутъ принуждены понизить свои цѣны, что для нихъ возможно сдѣлать безъ убытка лишь при увеличеніи производства такихъ сортовъ желѣза, которые найдутъ сбытъ среди всей массы населенія.

Допустимъ, однако, что указанныя мѣры дѣйствительно ухудшатъ нашъ торговый балансъ. Отказываться отъ нихъ и въ такомъ случаѣ нѣтъ основаній. Ухудшеніе это, можетъ быть, очевидно, только временное: подъ вліяніемъ этихъ мѣръ наше земледѣліе вообще и скотоводство въ особенности, должны развиваться, а, слѣдовательно, въ конечномъ результатѣ улучшится и торговый балансъ. Такимъ образомъ и, въ послѣднемъ случаѣ, это будетъ лишь то, что французы называютъ «reculer pour mieux sauter».

Этими немногими, но весьма существенными мѣропріятіями и исчерпывается то, что на нашъ взглядъ,

можетъ быть, предпринято для поощренія и побужденія землевладѣльцевъ къ переустройству господствующей у насъ системы хозяйства.

Гораздо многочисленнѣе мѣры, проведеніе которыхъ въ жизнь могло бы облегчить самое веденіе сельскаго хозяйства на торгово-промышленныхъ началахъ, при чемъ, нѣтъ сомнѣнія, что онѣ же будутъ косвенно содѣйствовать и переходу землевладѣльцевъ къ болѣе интенсивному использованию своихъ земель.

Мы не станемъ здѣсь останавливаться на мѣрахъ, направленныхъ къ улучшенію техники земледѣлія, качества производимыхъ продуктовъ и выращиваемаго скота. Мѣры эти всѣмъ извѣстны и тысячу разъ предлагались, хотя, тѣмъ не менѣе, до сихъ поръ не получили должнаго развитія. Перечислять ихъ представляется тѣмъ менѣе надобности, что въ общемъ онѣ все же по немногу проводятся въ жизнь: устраиваются опытные станціи и поля, выписываются улучшенные производители, возникаютъ селекціонныя сѣмянныя станціи и склады улучшенныхъ сѣмянъ. Полному же расцвѣту этого дѣла мѣшаетъ все тотъ же недугъ—недостатокъ средствъ и притомъ, какъ у мѣстныхъ общественныхъ учрежденій, такъ и у центрального вѣдомства Министерства Земледѣлія. Появятся средства—проявится и усиленная дѣятельность въ этомъ направленіи въ особенности, если усилятся общее стремленіе у сельскихъ хозяевъ къ повышенію сельскохозяйственной культуры.

Обращаясь въ виду этого прямо къ тѣмъ мѣрамъ, которыя могли бы содѣйствовать переработкѣ сельскохозяйственнаго сырья на мѣстѣ его производства, ска-

жемъ, что во главѣ ихъ надлежало бы поставить уменьшеніе податнаго обложенія такого рода сельскохозяйственныхъ производствъ, а въ особенности вырабатываемыхъ ими продуктовъ, которыя еще не достигли у насъ полнаго развитія, а продукты которыхъ не вошли во всеобщее потребленіе. Последнее относится въ особенности къ сахару и пиву.

Сахаръ, какъ извѣстно, для нашего крестьянскаго населенія представляетъ до сихъ поръ, почти исключительно, предметъ лакомства. Между тѣмъ, по своимъ питательнымъ свойствамъ и по общему вліянію на человѣческой организмъ, какъ это вполне выяснила медицинская наука, онъ незамѣнимъ. Обстоятельство это уже само по себѣ побуждаетъ стремиться къ пониженію его рыночной цѣны. Нельзя въ виду этого не признать желательнымъ совершенное освобожденіе отъ акциза низшихъ сортовъ сахара, хотя бы даже при одновременномъ повышеніи его на рафинадъ. Такимъ путемъ были бы соблюдены интересы государственнаго казначейства, тяжесть податнаго бремени перенесена на болѣе состоятельныя сословія, а свеклосахарное производство получило бы новый толчокъ къ своему развитію, вслѣдствіе болѣе доступности сахара низшимъ классамъ населенія и, слѣдовательно, увеличенія его потребленія. Однородныя причины говорятъ за пониженіе акциза съ пива низшаго качества при условіи наблюденія за его приготовленіемъ, дабы прекратить его сдабриваніе вредными веществами.

Что же касается другого весьма важнаго сельскохозяйственнаго производства, а именно винокуреннаго, то размѣры его нынѣ настолько значительны, что за-

водчики, въ особенности крупныя, не находятъ сбыта выкуренному ими спирту, по крайней мѣрѣ той части его, которая превышаетъ норму обязательной поставки его въ казну. Слѣдовательно, поощрять возникновеніе новыхъ винокуренныхъ заводовъ не приходится. Сбытъ спирта за границу невозможенъ, а стремиться къ увеличенію потребления хлѣбнаго вина населеніемъ страны преступно. Такія же мѣры, какъ разрѣшеніе выпуска въ продажу безъ оплаты его акцизомъ денатуризованнаго спирта (негоднаго для потребления, его населеніемъ, вслѣдствіе примѣси къ нему веществъ, придающихъ ему отвратительный вкусъ, но огущаго бытъ употребленнымъ въ нѣкоторыхъ фабричныхъ производствахъ), то подобная мѣра наврядъ ли увеличитъ сбытъ спирта, такъ какъ количество его, потребное въ различныхъ производствахъ, въ общемъ незначительное и притомъ ограниченное.

Нельзя, однако, не предвидѣть, что по мѣрѣ роста населенія количество потребляемаго въ странѣ хлѣбнаго вина будетъ понемногу увеличиваться, а, слѣдовательно, явится возможность расширить размѣры его производства, и вотъ тутъ возможны нѣкоторыя мѣры постановки этого дѣла въ большее соотвѣтствіе съ нуждами сельскаго хозяйства, нежели оно находится нынѣ. Главнымъ средствомъ къ тому является разрѣшеніе впредь строить лишь мелкіе заводы съ производствомъ не свыше 25 тысячъ ведеръ 40° спирта, о преимуществѣ коихъ въ сельскохозяйственномъ дѣлѣ распространяться не приходится. Одновременно желательнo понемногу сокращать производство крупныхъ заводовъ, хотя бы посредствомъ воспрещенія устанавливать новые, рассчитанные на большое произ-

водство аппараты, при обветшаніи существующихъ. Крупнымъ заводчикамъ возможно было бы при этомъ, въ видахъ возмѣщенія ихъ потерь отъ уменьшенія ихъ выкурки, предоставить преимущественное право на ректификацію спирта, выкуреннаго на другихъ заводахъ, отказавшись отъ сооруженія для этого казенныхъ заводовъ, а также частныхъ въ городскихъ центрахъ.

Переходя далѣе къ тѣмъ мѣрамъ, которыя могли бы содѣйствовать сбыту сельскими хозяевами переработанныхъ ими продуктовъ, нельзя не указать, что среди испытываемыхъ при этомъ хозяевами затрудненій, въ особенности когда дѣло идетъ о продажѣ этихъ продуктовъ на внутреннихъ рынкахъ, нѣкоторыя, конечно, проистекаютъ отъ неподготовленности ихъ самихъ къ веденію промышленнаго дѣла и неумѣнія слѣдить за требованіями рынка и къ нимъ примѣняться. Устранить эти затрудненія можетъ, разумѣется, только болѣе или менѣе продолжительная практика. Дѣйствительно, въ этомъ дѣлѣ хозяева должны прежде всего опираться не на какія-либо правительственныя мѣры, а на организованные ими самими союзы взаимной помощи. Что подобные союзы имѣютъ существенное значеніе въ дѣлѣ сбыта продуктовъ, наглядный примѣръ представляютъ наши окраины, въ особенности же Прибалтійскія губерніи и Финляндія, имѣющія торговые склады своихъ продуктовъ не только въ мѣстныхъ потребительныхъ центрахъ, но и внутри имперіи. Такъ, на примѣръ, въ Петербургѣ этими союзами организована продажа молочныхъ продуктовъ и даже овощей въ широкихъ размѣрахъ. Наконецъ, весьма успѣшно дѣйствуютъ нѣкоторыя русскія (вполнѣ ли однако?) сель-

скохозяйственные товарищества, какъ, напр., Киевское и Минское. Что же касается правительственной помощи этимъ союзамъ, то она могла бы выражаться въ предоставленіи имъ оборотныхъ средствъ для производства своихъ операций.

Усиленію сбыта на внутреннихъ рынкахъ, кромѣ того, существенно бы содѣйствовало оживленіе мѣстныхъ центровъ городской жизни. Какъ извѣстно, многіе изъ нашихъ уѣздныхъ городовъ были вызваны къ жизни канцелярскимъ путемъ и естественно, что большинство ихъ влачитъ жалкое существованіе. Между тѣмъ, на ряду съ ними, сама жизнь, силою вещей, породила цѣлый рядъ густо населенныхъ и отличающихся оживленной промышленной дѣятельностью пунктовъ, лишенныхъ, однако, какого-либо административнаго устройства. Последнее, конечно, пагубно отражается на удобствахъ жизни въ нихъ и, слѣдовательно, тормозитъ ихъ дальнѣйшее развитіе. Такими пунктами являются: крупныя рѣчныя пристани, узловыя станціи желѣзныхъ дорогъ и нѣкоторыя разросшіяся, благодаря процвѣтающей въ нихъ промышленной дѣятельности, села. Скорѣйшее дарованіе имъ городского общественнаго самоуправленія, съ назначеніемъ или переводомъ въ нихъ изъ нынѣшнихъ захудалыхъ центровъ административныхъ властей, помимо общаго значенія такой мѣры, способствовало бы сбыту на мѣстѣ множества сельскохозяйственныхъ продуктовъ. Нельзя при этомъ не указать на желательность децентрализаціи управленія нѣкоторыми отраслями народной жизни и народнаго труда. Извѣстна та борьба, которую вели между собою нѣкоторые города, чтобы имѣть у себя правленіе желѣзнодорож-

наго общества. По этому можно судить, какое значеніе для оживленія мѣстной городской жизни имѣетъ мѣстопробываніе въ данномъ городѣ даже отдѣльнаго учрежденія. Между тѣмъ, нынѣ, благодаря сосредоточенію разрѣшенія всякаго рода дѣлъ исключительно въ столицѣ, почти все крупныя промышленныя предприятия акціонернаго характера перевели свои правленія въ Петербургъ.

Наконецъ, нельзя не указать на тѣ, встрѣчаемыя сельскими хозяевами, препятствія къ сбыту переработанныхъ продуктовъ ихъ хозяйствъ, устранить которыя они положительно безсильны и которыя безъ правительственной помощи едва ли когда-нибудь исчезнутъ.

Помощь эта прежде всего необходима для упорядоченія нашего транспортнаго дѣла, какъ сухопутнаго, такъ и воднаго—рѣчнаго и морского. О томъ выдающемся значеніи, которое имѣетъ въ торговомъ дѣлѣ вообще и въ поставкѣ скоропортящихся жизненныхъ припасовъ въ особенности степень упорядоченности и приноровленности къ ней перевозокъ, распространяться нѣтъ надобности. Но порядки или, вѣрнѣе, беспорядки нашихъ желѣзныхъ дорогъ уже давно стали легендарны, а срочная доставка грузовъ—мифомъ. Наконецъ, нельзя не указать на систематически производимые желѣзными дорогами переборы съ совершенно произвольнымъ повышеніемъ провозной платы станціей назначенія, противъ исчисленной станціей отправленія. Какіе-либо протесты, какъ извѣстно, при этомъ ни къ чему не ведутъ: товаръ безъ уплаты полностью произвольно надбавленной цѣны выданъ не будетъ. Правда, что владѣльцу накладной предоставляется возмож-

ность искать съ дороги излишне взысканныя деньги, но съ какими все это связано хлопотами и даже расходами! И это положеніе, несомнѣнно, будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока желѣзныя дороги не будутъ обязаны не только возвращать перебранныя деньги, но и уплачивать за это опредѣленный штрафъ.

При нынѣшнемъ же положеніи дѣла, желѣзныя дороги, разумѣется, ничѣмъ не рискуютъ: уличать ихъ— вернуть лишнее и всему дѣлу конецъ, а между тѣмъ, сколько переборовъ остаются не возвращенными!

Еще бѣльшее значеніе имѣло бы увеличеніе скорости передвиженія товарныхъ грузовъ. Нынѣ наши товарные поѣзда двигаются поистинѣ черепашимъ ходомъ, а именно средняя ихъ скорость, установленная въ 18 верстъ въ часъ, на дѣлѣ, по расчетамъ г. Зимовскаго¹⁾, не превышаетъ 24 верстъ въ сутки! Между тѣмъ, не только въ западной Европѣ, но даже и въ заокеанскихъ странахъ, гдѣ протяженіе отдѣльныхъ желѣзныхъ дорогъ, даже значительнѣе нашихъ, скорость эта превзойдена въ нѣсколько разъ; такъ, въ Канадѣ, на примѣръ, средняя скорость товарныхъ поѣздовъ достигала въ 1895 г. 25¹/₂ верстъ въ часъ²⁾.

Повышеніе скорости передвиженія грузовъ имѣло бы еще и то громадное значеніе, что, увеличивъ количество оборотовъ каждаго вагона, уничтожило бы хроническія изъ года въ годъ повторяющіяся въ осенніе мѣсяцы громадныя залежи хлѣбныхъ грузовъ и притомъ достигнуто бы это было безъ увеличенія подвижного состава. Послѣдній необходимо лишь пополнить надлежащимъ количествомъ вагоновъ, при-

²⁾ Крюковъ. Канада. Спб. 1897 г.

способленныхъ для перевозки скоропортящихся продуктовъ, какъ-то: мяса, масла, молока и т. п.

На ряду съ этимъ, настоятельно необходимо измѣненіе нѣкоторыхъ тарифныхъ ставокъ. Среди нихъ нельзя не указать, на примѣръ, на крайнюю дороговизну перевозки сѣмянъ всевозможныхъ растений. Дѣйствительно, тотъ же самый хлѣбъ, если онъ идетъ подъ наименованіемъ «сѣмена», платитъ въ нѣсколько разъ дороже, чѣмъ если онъ показанъ зерномъ. Между тѣмъ, казалось бы, что снабженіе хозяйствъ улучшенными сѣменами настолько важно, что именно они должны пользоваться наиболѣе льготнымъ тарифомъ¹⁾.

¹⁾ О томъ, до какой степени нѣкоторые ставки нашего желѣзнодорожнаго тарифа несоотвѣтственно высоки, могли наглядно судить посѣтителі устроенной въ 1902 г. всероссійской кустарной выставки. Въ альбомѣ фотографій, изображавшихъ устроенную Суджанскимъ земствомъ въ заштатномъ городѣ Миропольѣ мастерскую кустарей сапожниковъ, имѣлась, между прочимъ, одна, изображавшая нагрузку сапожнымъ товаромъ лошаднаго обоза. Вотъ что по этому поводу было пояснено въ докладѣ кн. П. Д. Долгорукаго съѣзду дѣятелей по кустарной промышленности въ городѣ Полтавѣ. «Странной стороною дѣла былъ способъ доставки товара въ Кіевъ и провозъ оттуда матеріала. Хотя Кіевъ отстоятъ отъ Мирополя болѣе 300 верстъ и колесная дорога идетъ все время параллельно съ желѣзной дорогой, товаръ, тѣмъ не менѣе, вслѣдствіе дороговизны желѣзнодорожныхъ тарифовъ, возился на подводахъ, хотя этотъ видъ поощренія мѣстнаго заработка совѣмъ не входилъ въ планы земства. И до настоящаго времени, когда подряды увеличились уже во много разъ, несмотря на неоднократныя ходатайства о пониженіи тарифа, его не измѣняютъ и получается невыносимая въ концѣ девятнадцатаго столѣтія для какой бы то ни было другой страны Европы ненормальность, что товаръ везется на лошадахъ 300 верстъ рядомъ съ желѣзной дорогой». (Кн. П. Д. Долгоруковъ. «Опытъ организаціи земской фабрики». Стр. 14. Полтава 1901 г.).

Еще болѣе трудную задачу представляетъ организациа сбыта переработанныхъ продуктовъ земли на заграничныхъ рынкахъ. Задача эта отдѣльнымъ хозяевамъ и даже союзамъ ихъ безусловно не подѣ силу. Вообразать, что поѣздки отдѣльныхъ производителей на крупные заграничные рынки могутъ сами по себѣ завязать серьезныя торговыя сношенія съ ними, конечно, наивно. Имѣть какое-либо значеніе поѣздки эти могутъ лишь въ томъ случаѣ, если онѣ явятся одной изъ сотенъ другихъ, направленныхъ къ тому же, мѣрѣ. Разсчитывать на нашъ торговый классъ также нельзя: отсутствіе энергіи у этого класса настолько сильно, что оно до сихъ поръ лишь въ слабой степени распространило свои операциа на рынки средней Азіи, по сбыту нашихъ мануфактурныхъ издѣлій, несмотря на то, что эти рынки можно взять голыми руками, за отсутствіемъ на нихъ какой-либо конкуренціи со стороны западно-европейской торговли. Въ этомъ дѣлѣ безъ правительственной помощи обойтись намъ нельзя, какъ, впрочемъ, не обошлись безъ нея и другія страны, нынѣ господствующія на рынкахъ Европы.

Дѣйствительно, лишь опираясь на рядъ правительственныхъ мѣръ, достигла нынѣшнихъ блестящихъ результатовъ торговля Соединенныхъ Штатовъ и Канады. Последняя не далѣе, какъ десять лѣтъ тому назадъ, находилась приблизительно въ такомъ же положеніи, въ какомъ нынѣ находимся мы.

Вотъ, что говоритъ по этому поводу г. Крюковъ въ своемъ любопытномъ изслѣдованіи о сельскомъ хозяйствѣ Канады.

«Односторонность хозяйства этой страны, напра-

вленная почти исключительно на производство пшеницы, стала особенно ощутительна съ проведеніемъ Тихо-океанской желѣзной дороги. Съ окончаніемъ этого грандіознаго предпріятія, необозримыя степи Манитобы и сѣверо-западныхъ округовъ стали быстро заселяться; фермеры основывали здѣсь свое благополучіе, главнымъ образомъ, на посѣвѣ пшеницы. Въ скоромъ времени по желѣзной дорогѣ и системѣ каналовъ стали поступать въ Монреаль большія количества пшеницы и притомъ лучшаго качества, чѣмъ пшеница старыхъ, восточныхъ провинцій. Цѣна на пшеницу стала понижаться, и хозяйство въ восточныхъ провинціяхъ дѣлалось менѣе выгодно. Въ этотъ критическій моментъ правительство Канады пришло на помощь сельскимъ хозяевамъ. Это стремленіе центрального правительства было дружно и энергично поддержано правительствами провинцій и, въ результатѣ общей работы, получились самые благодѣтельные для страны результаты».

«Все дѣло заключалось въ томъ, что было обращено серьезное вниманіе на развитіе сыроваренія и маслодѣлія и экспортъ этихъ продуктовъ въ Англію. Положимъ, что Канада давно уже посылала въ Англію сыръ и масло, но они были различнаго качества и сильно разнились по провинціямъ; по этому цѣны на эти продукты были очень низкія и едва окупали издержки производства. Предстояла трудная задача, повысить качество продуктовъ, придать имъ необходимое однообразіе, ускорить и удешевить перевозку въ Англію».

«Прежде всего правительство поставило во главѣ всего дѣла профессора Робертсона (специалиста по

кормленію скота) и учредило въ составѣ министерства сельскаго хозяйства особый «молочный отдѣлъ» (Dairyng Service)».

«Затѣмъ, было отправлено нѣсколько человѣкъ въ Европу и, главнымъ образомъ, въ Данію, чтобы практически изучить постановку молочнаго дѣла. Самъ г. Робертсонъ ѣздилъ въ Англію, посѣтилъ всѣ порты, куда приходятъ канадскіе грузы, а также главнѣйшіе рынки: Лондонъ, Ливерпуль, Глазго и др., изучилъ въ подробностяхъ условія продажи молочныхъ продуктовъ, ихъ качество, вѣсъ, способъ укупорки и т. п. Въ то же самое время провинціи Квебекъ, Онтарио, Новая Шотландія послали отъ себя по нѣсколько молодыхъ людей для практическаго изученія сыроваренія и маслодѣлія въ Данію и Норвегію».

«Возвратившись изъ Англіи, г. Робертсонъ началъ энергичную пропаганду молочнаго дѣла: онъ объѣзжалъ важнѣйшіе пункты восточныхъ провинцій, читалъ лекціи на митингахъ, руководилъ сыроvarами и маслодѣлами, указывалъ на необходимость улучшить зимнее кормленіе скота, рекомендовалъ корма, ихъ разведеніе и приготовленіе. Въ то же время посылавшіеся за границу молодые люди выступили въ качествѣ сыроваровъ и маслодѣловъ, устроили въ нѣсколькихъ пунктахъ сыроварни и маслодѣльни и начали готовить повсюду одинъ и тотъ же сыръ, называемый «чедаръ» (Cheddar). Этотъ сыръ на англійскихъ рынкахъ скоро заслужилъ лестные отзывы и сталъ извѣстенъ подъ именемъ «канадскаго».

«Въ 1890 г., когда было начато содѣйствіе сыроваренію, экспортъ сыра изъ Канады равнялся 2.618.338 пудовъ на сумму 18.182.092 р., а уже въ 1894 г. онъ

достигъ 4.304.930 пуд. на сумму свыше 30 милліоновъ рублей¹⁾».

Такимъ образомъ, мы видимъ, что, несмотря на выдающуюся энергію, трудолюбіе и высокій уровень образованія, канадецъ былъ все же безсиленъ занять то положеніе на міровомъ рынкѣ, которое безъ особаго труда ему выработало и обезпечило его правительство. Работать въ настоящее время безъ подробнаго изученія требованій рынка и даже вкусовъ потребителей, вслѣдствіе всемірной конкуренціи въ производствѣ и сбытѣ товаровъ, немислимо. Кому же, между тѣмъ, неизвѣстна та выдающаяся помощь, которую оказываетъ международная торговля культурныхъ странъ ихъ консульская агентура. Но именно эта часть страдаетъ у насъ особыми недостатками. Наши консула, за рѣдкими исключеніями, ограничиваютъ свою дѣятельность засвидѣтельствованіемъ предъявляемыхъ имъ торговыхъ документовъ, да сообщеніемъ въ центральныя учрежденія такихъ свѣдѣній о торговомъ дѣлѣ, которыя и безъ того въ распоряженіи каждаго, такъ какъ они черпаютъ ихъ изъ публикуемыхъ во всеобщее свѣдѣніе печатныхъ матеріаловъ. Къ тому же нашъ консульскій составъ до сихъ поръ руководствуется въ своей дѣятельности принципами нашихъ дипломатическихъ представителей, еще столь недавно гордо заявлявшихъ: „nous ne sommes pas ici pour le Кострома!»

На ряду съ этимъ, громадную важность имѣетъ организациія срочныхъ пароходныхъ сообщеній, спеціально приспособленными для перевозки мясныхъ и молочныхъ продуктовъ судами. Развитіе нашего торговаго

¹⁾ Н. А. Крюковъ. Канада. Спб. 1897 г., стр. 45, 46.

Флота представляется во всѣхъ отношеніяхъ настоятельно необходимымъ. Количество денегъ, которое мы ежегодно уступаемъ иностранцамъ за перевозку нашихъ товаровъ въ иностранные порты — громадно. Между тѣмъ, эти деньги мы бы могли безусловно сохранить у себя. Правда, что и нынѣ правительство оказываетъ помощь частнымъ пароходнымъ предпріятіямъ, въ видѣ опредѣленныхъ субсидій, или помилныхъ платъ. Едва ли, однако, этимъ путемъ мы въ состояніи развить наше торговое мореплаваніе въ ближайшемъ будущемъ. Даже выдача ссудъ пароходнымъ обществамъ на увеличеніе ихъ плавучаго состава новыми судами для этого не достаточно. Дѣйствительно, торговое мореплаваніе представляется въ общемъ дѣломъ малоприбыльнымъ. Въ виду этого, дабы дѣйствительно дать этому дѣлу должный размахъ, государству слѣдовало бы принять въ немъ непосредственное участіе. Если казна успѣшно ведетъ на коммерческихъ началахъ желѣзнодорожное дѣло, то рѣшительно нѣтъ причинъ, почему она не могла бы вести на тѣхъ же началахъ и пароходнаго дѣла. Общегосударственнаго же его значенія нынѣ отрицать немыслимо, хотя бы съ точки зрѣнія улучшенія нашего расчетнаго баланса путемъ сохраненія въ странѣ тѣхъ денегъ, которыя мы нынѣ уплачиваемъ за перевозку нашихъ товаровъ. Установленіе извѣстныхъ льготъ для привозимыхъ подъ русскимъ флагомъ въ наши порты иностранныхъ товаровъ (по сколько это позволяютъ наши международныя конвенціи по сему предмету) обезпечило бы нашимъ судамъ и обратные грузы.

Перечисленными мѣропріятіями, конечно, не исчерпывается все то, что можетъ и должно быть принято

въ видахъ развитія внутренняго и иноземнаго сбыта сельскихъ продуктовъ и повышенія сельскохозяйственной культуры вообще. Указать ихъ всѣ, впрочемъ, нѣтъ возможности, такъ какъ многія изъ нихъ должны отвѣчать постоянно измѣняющимся условіямъ жизни вообще и торговли въ особенности. Не вдаваясь въ виду этого въ дальнѣйшее ихъ перечисленіе, укажемъ еще лишь на одну мѣру, имѣющую первостепенное значеніе.

Эта мѣра — организація общественныхъ работъ, имѣющихъ цѣлью содѣйствовать созданію болѣе благоприятныхъ условій для произрастанія злаковъ. Дѣйствительно, въ рукахъ человѣка имѣются многочисленныя способы измѣнить въ томъ или иномъ направленіи существующія въ данномъ мѣстѣ климатическія и почвенныя условія. Всѣмъ извѣстны тѣ печальныя послѣдствія, къ которымъ ведетъ сплошное истребленіе лѣсовъ и уничтоженіе водныхъ хранилищъ.

Вырубка лѣсовъ, широкимъ поясомъ отдѣлявшихъ песчанья степи Средней Азіи отъ сопредѣльныхъ съ ними плодородныхъ земель Россіи и преграждавшихъ доступъ горячимъ вѣтрамъ, зарождающимся въ этихъ степяхъ, расширила губительное дѣйствіе суховѣевъ вплоть до нашего исконнаго центра. Сведеніе лѣсовъ, разбросанныхъ отдѣльными площадями по всей центральной и юго-восточной части имперіи, привело къ быстрому на всемъ этомъ пространствѣ таянію снѣгового покрова, таянію, заканчивающемуся при замерзшей еще почвѣ, вслѣдствіе чего снѣговья воды не пропитываютъ почвы, а лишь скользятъ по ея поверхности, при чемъ смываютъ ея верхніе слои, уносятъ съ собой ея наиболее плодородныя части, разрушаютъ откосы и склоны овраговъ, по которымъ

стремительно мчатся и, наконецъ, бесплодно для земледѣлія уходятъ въ рѣки и моря. Размытые и унесенные вѣшними водами верхніе плодородные почвенные слои оголили нисшіе, песчаные слои, а послѣдніе образовали, съ своей стороны, источникъ новыхъ бѣдствій. Не только летучіе пески этихъ слоевъ подѣйствіемъ вѣтра засыпаютъ ежегодно цѣлыя сотни десятинъ плодородной земли, они, кромѣ того, вслѣдствіе особо присущаго имъ свойства раскаляются на солнечныхъ лучахъ, образовали очаги горячихъ воздушныхъ теченій, своимъ мертвящимъ дыханіемъ на много верстъ окрестъ спаляющихъ луга и посѣвы. Наконецъ, размытые вѣшными водами склоны рѣкъ и овраговъ, обнаживъ нижніе почвенные слои, дали свободный выходъ грунтовымъ водамъ и тѣмъ понизили ихъ уровень.

Послѣднее явленіе представляется едва ли не всего болѣе губительнымъ для устойчивости нашихъ урожаевъ. Благодаря ему, даже обильное выпаденіе атмосферныхъ осадковъ не обезпечиваетъ для растений достаточнаго количества влаги. Дождевыя воды, пропитывая почву, не задерживаются въ верхнихъ ея слояхъ, а быстро опускаются до такой глубины, до которой не проникаютъ корни большинства злаковъ. А въ дождь у насъ, въ общемъ, вопреки установившемуся мнѣнію, нѣтъ недостатка. Изъ всей обширной площади Европейской Россіи лишь весьма ограниченная часть находится въ худшихъ, нежели страны западной Европы, условіяхъ по количеству выпадающихъ въ ней въ теченіе года атмосферныхъ осадковъ. Мѣстностью этой является Астраханская губернія съ нѣкоторыми прилегающими къ ней уѣздами

губерній Саратовской, Самарской и Оренбургской. На всемъ остальномъ пространствѣ Европейской Россіи климатическія условія, какъ въ отношеніи необходимаго для созрѣванія злаковъ тепла, такъ и по количеству атмосферныхъ осадковъ, выпадающихъ въ теченіе года, въ общемъ не отличаются отъ такихъ же условій на западѣ Европы. Не только общее количество этихъ осадковъ, но и распредѣленіе ихъ по временамъ года и, наконецъ, измѣнчивость этого количества по отдѣльнымъ годамъ болѣе или менѣе одинаково на крайнемъ западѣ и крайнемъ востокѣ Европы. Количество дождя, выпадающаго въ теченіе пяти лѣтнихъ мѣсяцевъ апрѣль—августъ, въ миллиметрахъ колеблется для всей Европы въ предѣлахъ отъ 240 до 300 и хотя наименьшее количество—240 и приходится на нѣкоторыя мѣстности въ предѣлахъ Россіи (Казань, Пенза), но зато по отдѣльнымъ мѣсяцамъ недостатокъ этотъ падаетъ, преимущественно, на августъ, т. е. на такое время, когда степень влажности почвы имѣетъ для произрастанія злаковъ, по крайней мѣрѣ яровыхъ, наименьшее значеніе. Засимъ количество осадковъ, выпадающихъ въ Тулѣ и Парижѣ за пять лѣтнихъ мѣсяцевъ совершенно одинаково, а именно 249 миллиметровъ. Наконецъ, Воронежъ, въ окрестностяхъ котораго столь часто раздаются жалобы на засуху, получаетъ за тѣ же пять мѣсяцевъ 271 миллиметръ дождя, количество, равное наблюдаемому въ Тюрингенѣ и превышающее на 20 слишкомъ миллиметровъ сумму осадковъ въ средней Германской низменности и сѣверо-западной Богеміи¹⁾.

¹⁾ Лохтинъ. Состояніе сельскаго хозяйства въ Россіи.

Такимъ образомъ, главною причиною высыхания почвы слѣдуетъ признать пониженіе уровня грунтовыхъ водъ. Между тѣмъ, борьба съ этимъ явленіемъ чрезвычайно затруднительна. Дѣло въ томъ, что вопреки общераспространенному мнѣнію, древесная растительность не только не содѣйствуетъ болѣе влажной почвѣ, но, наоборотъ, иссушаетъ ее и замѣтно понижаетъ уровень грунтовыхъ водъ. Новѣйшіе опыты во Франціи, въ Италіи и въ Германіи съ очевидностью это доказали. То же явленіе наблюдается и у насъ. По удостовѣренію извѣстнаго нашего почвовѣда Отоцкаго, «недавнія гидрологическія работы въ губерніяхъ Воронежской, Херсонской, С.-Петербургской и др. показали, что при прочихъ равныхъ физико-географическихъ условіяхъ уровень болѣе или менѣе близкихъ къ поверхности (до 8—9 саж.) грунтовыхъ водъ въ лѣсахъ всегда ниже, чѣмъ на сосѣднихъ поляхъ и даже на значительныхъ полянахъ среди лѣса¹⁾». Независимо отъ этого пониженіе грунтовыхъ водъ явленіе общераспространенное во всей Европѣ и притомъ наблюдается съ давняго времени. Такъ, извѣстно, что уровень воды во всѣхъ германскихъ большихъ рѣкахъ и озерахъ понизился за девятнадцатое столѣтіе на нѣсколько футовъ, причѣмъ это явленіе еще сравнительно недавно признавалось благотельнымъ для земледѣлія.

Извѣстный политико-экономъ Робертусъ въ началѣ прошлаго вѣка утверждалъ даже, что каждый футъ, на который понижается уровень воды въ боль-

¹⁾ Энциклопедическій словарь Брокгауза и Ефрона, т. 24, ст. Отоцкаго «Почвенныя воды».

шихъ рѣкахъ, оказываетъ благотельнѣйшее вліяніе на тысячи десятинъ земли, увеличиваетъ ихъ плодородіе, или даже впервые дѣлаетъ ихъ годными для земледѣлія. Съ тѣхъ поръ мнѣніе это претерпѣло существенное измѣненіе. Было признано, что отъ излишней влаги въ почвѣ можно сравнительно легко освободиться путемъ дренажа; наоборотъ, восполнить недостатокъ ея чрезвычайно трудно.

Какъ бы то ни было, бороться съ этимъ явленіемъ намъ необходимо, а лучшимъ, да едва ли и не единственнымъ, средствомъ для этого слѣдуетъ признать заполненіе водою овраговъ и балокъ, во множествѣ пересѣкающихъ центръ и востокъ хлѣбороднаго района. По утверженію того же Отоцкаго, при этомъ хотя и не происходитъ обогащенія грунтоваго водоноснаго яруса за счетъ водныхъ бассейновъ, но послѣдніе закупориваютъ истоки грунтовыхъ водъ въ долину и, въ то же время, производятъ боковое давленіе. Соотвѣтственный проектъ Елецкаго уѣзднаго земства, ходатайствующаго объ ассигнованіи на это дѣло поступленийъ отъ государственнаго поземельнаго налога, нельзя, въ виду этого, не привѣтствовать. Еще болѣе значеніе имѣло бы поднятіе уровня воды въ неудоходныхъ рѣкахъ, посредствомъ загражденія ихъ плотинами. Такая мѣра имѣла бы еще и то существенное значеніе, что предоставила бы въ распоряженіе мѣстнаго населенія даровую двигательную силу.

Правильныя и обширныя работы по укрѣпленію лѣтучихъ песковъ и ихъ облѣсенію, конечно, дѣйствовали бы въ томъ же направленіи. Площадь сыпучихъ песковъ Европейской Россіи, по свѣдѣніямъ, собраннымъ министерствомъ земледѣлія въ 1893 г., дости-

гала около 4.672,000 десятинь, а за исключеніемъ 3.512,000 десятинь, находящихся въ Калмыцкой и внутренней Киргизской степи, составляла 1.160,000 десятинь, изъ коихъ около одного милліона принадлежало крестьянскимъ обществамъ. При этомъ выяснилось, что большая часть песковъ произошла отъ вырубки лѣсовъ на легкой песчаной почвѣ, а также, что не только крестьянскія общества, но и частныя владѣльцы, за ничтожными исключеніями, никакихъ мѣръ противъ непрерывнаго роста песковъ не принимаютъ. Еще болѣе неутѣшительны имѣющіяся свѣдѣнія объ увеличеніи овраговъ. Существуютъ губерніи, какъ, напримеръ, Полтавская, гдѣ подъ оврагами находится болѣе 3% всей земельной площади, при чемъ они быстро разрастаются. Такъ, въ трехъ уѣздахъ Воронежской губерніи (Задонскомъ, Нижнедѣвицкомъ и Богучарскомъ) за послѣднія 25 лѣтъ 50.000 десятинь крестьянской надѣльной земли, вслѣдствіе размыва овраговъ, превратились въ непригодныя для культуры. Борьба съ этими явленіями при такихъ условіяхъ выходитъ изъ сферы вопросовъ исключительно мѣстныхъ, такъ какъ благодаря имъ весь югъ Россіи медленно, но вѣрно превращается въ пустыню, отчего, въ свою очередь, страдаетъ и средняя Россія. Дѣйствительно, увеличеніе песчаныхъ пространствъ на югѣ, способствуя раскаленности и сухости юго-восточныхъ вѣтровъ, пагубно вліяетъ на урожаи центра, южная часть котораго ежегодно терпитъ отъ этихъ вѣтровъ ущербъ на многіе и многіе милліоны рублей.

Независимо отъ этого приданіе общественнымъ работамъ преслѣдованія дѣйствительно полезныхъ цѣлей и постановка ихъ, такъ сказать, на экономиче-

скихъ основаніяхъ имѣетъ и другое крайне важное значеніе. Дѣйствительно, работы, главная цѣль которыхъ состоитъ въ оказаніи помощи населенію, неизмѣнно носятъ характеръ благотворительный. Но всякая помощь благотворительнаго свойства, коль скоро она превращается изъ временной въ постоянную, приобретаетъ развращающее вліяніе. Вселяя въ населеніе увѣренность, что въ безусловно необходимомъ для пропитанія оно недостатка терпѣть не будетъ, подобныя мѣры подрываютъ въ немъ элементы самопомощи, въ корнѣ уничтожаютъ стремленіе къ бережливости и, наконецъ, понижаютъ его трудоспособность.

Между тѣмъ, смотрѣть на постоянную организацию общественныхъ работъ въ центральныхъ и восточныхъ губерніяхъ, при условіи постановки ихъ на цѣлесообразныхъ началахъ, преслѣдующихъ вполне определенную и самостоятельную, независимо отъ предоставленія заработковъ населенію, задачу, какъ на мѣру благотворительную не существуетъ основаній. Подобное мѣропріятіе лишь уравнило бы, и притомъ далеко не въ полной степени, эти области съ остальными мѣстностями имперіи въ отношеніи распредѣленія между ними производимыхъ государствомъ расходовъ. Нынѣ, какъ извѣстно, расходы эти производятся, главнымъ образомъ, на западныхъ окраинахъ государства, вслѣдствіе сосредоточенія въ нихъ большинства военныхъ силъ имперіи, а также вслѣдствіе громадныхъ затратъ по сооруженію крѣпостей и стратегическихъ желѣзныхъ и шоссейныхъ дорогъ и ихъ содержанію. Въ наиболѣе неблагопріятныхъ условіяхъ находятся центрально-черноземныя и промышленныя губерніи. Тогда какъ во всѣхъ остальныхъ областяхъ имперіи

произведенные въ нихъ государствомъ въ пятилѣтіе съ 1894—1898 гг. расходы превышаютъ сумму поступившихъ съ нихъ доходовъ: 1) поземельнаго и съ городскихъ недвижимыхъ имуществъ; 2) выкупныхъ платежей; 3) питейнаго сбора и 4) различныхъ окладныхъ сборовъ, въ этихъ областяхъ они составили— въ промышленныхъ губерніяхъ 85⁰/₀, а въ центрально-черноземныхъ лишь 55⁰/₀¹⁾.

Словомъ, въ то время какъ населеніе всѣхъ остальныхъ частей имперіи можетъ оплатить приходящуюся на его долю часть прямыхъ налоговъ и питейнаго сбора услугами государственному управленію, населеніе центра значительную часть этихъ налоговъ можетъ внести либо посредствомъ отчужденія части произведенныхъ имъ цѣнностей, либо трудомъ въ частномъ дѣлѣ, заручиться которымъ, однако, не всегда можетъ.

Ежегодная затрата государствомъ на общепольныя надобности излишка собираемыхъ имъ въ указанныхъ мѣстностяхъ суммъ упомянутыхъ сборовъ надъ производимыми въ нихъ же государственными расходами будетъ лишь простою справедливостью.

¹⁾ Полѣновъ. Исслѣдованіе экономическаго положенія центрально-черноземныхъ губерній. Графическая таблица VIII г.

XI.

Явленія, понижающія самопомощь и самодѣятельность крестьянъ.

Распространеніе въ частно-владѣльскихъ хозяйствахъ земледѣльской области интенсивной сельскохозяйственной культуры и технической обработки почвенныхъ и животныхъ продуктовъ, повысивъ оборотные расходы владѣльцевъ, увеличитъ количество заработковъ населенія и тѣмъ усилитъ притокъ денегъ въ крестьянскую среду. Организациа въ наиболѣе оскудѣвшихъ мѣстностяхъ постоянныхъ общественныхъ работъ будетъ столь же могущественно этому содѣйствовать.

Необходимо, однако, имѣть въ виду, что предоставленіе возможности крестьянскому населенію земледѣльской области усиленно примѣнять свой трудъ въ теченіе всего года еще не значитъ, что оно этой возможностью на дѣлѣ воспользуется. Дѣйствительно, нынѣ во многихъ мѣстностяхъ замѣчается иное явленіе. Населеніе, и притомъ именно въ наиболѣе оскудѣвшихъ мѣстностяхъ, въ сколько-нибудь благопо-

лучные по урожаю годы не только не ищеть работы на мѣстѣ, но даже отказывается отъ нея. Происходитъ это особенно въ ближайшіе мѣсяцы по сборѣ урожая, когда крестьянинъ, хотя зачастую лишь временно, не нуждается въ безусловно необходимомъ, вслѣдствіе чего владѣльческія экономіи осенью нерѣдко ощущаютъ недостатокъ въ рабочихъ рукахъ, хотя именно въ это время собственное хозяйство крестьянина требуетъ отъ него всего меньше труда и заботы. И это уклоненіе крестьянскаго населенія отъ работы, коль скоро нужда въ продовольствіи, въ насущномъ хлѣбѣ не гонитъ его на заработки, имѣетъ свои глубокія основанія. Причинами его являются, съ одной стороны, отсутствіе у обѣднѣвшаго крестьянина потребности въ чемъ-либо иномъ, кромѣ строго необходимаго для существованія, а съ другой—все усиливающаяся въ немъ увѣренность, что безъ этого необходимаго онъ не останется, что въ той или иной формѣ ему придетъ на помощь казна.

Если принять во вниманіе, что періодическія голодовки понизили до крайнихъ предѣловъ размѣры потребностей населенія хлѣбороднаго раіона, нерѣдко приводя ихъ къ уровню потребностей чисто животныхъ и что, слѣдовательно, крестьянское населеніе этихъ мѣстностей съ каждымъ годомъ все болѣе лишается побужденія повысить свою трудоспособность, то станетъ ясно, что годы урожайные все менѣе разнятся для крестьянскаго населенія по степени удовлетворенія ихъ потребностей съ годами неурожайными. Зажиточность для крестьянина съ каждымъ годомъ становится все болѣе недостижимымъ въ его понятіяхъ идеаломъ, такъ какъ и въ нормальные годы

доходы средней крестьянской семьи едва хватаютъ на ея прокормленіе. Спрашивается, что можетъ заставить населеніе стремиться къ усиленной работѣ, если оно горькимъ опытомъ пришло къ убѣжденію, что ничто не въ состояніи ни улучшить, ни ухудшить его положенія. Сколько ни работай, все же не разбогатѣешь, а съ голоду также не пропадешь—казна прокормитъ.

Наконецъ, нельзя не указать на другое явленіе, дѣйствующее въ томъ же направленіи — крайнюю задолженность крестьянъ казнѣ въ видѣ недоимокъ по продовольственнымъ ссудамъ и по различнымъ окладнымъ сборамъ.

Казалось бы, что недоимки эти лишь на бумагѣ обременяютъ крестьянское населеніе, такъ какъ не только не происходитъ ихъ взысканія, но, наоборотъ, онѣ изъ года въ годъ увеличиваются. На дѣлѣ это, однако, не такъ. Не взыскиваются недоимки лишь съ тѣхъ, съ коихъ взыскивать нечего, а такъ какъ подобныхъ крестьянъ большинство, то понятно, что въ общемъ недоимки не уменьшаются. Но коль скоро у плательщика появляется какое-либо подлежащее продажѣ, въ уплату повинностей, имущество, мѣстныя власти немедленно принимаютъ мѣры, если не къ принудительному его продажѣ, то, по крайней мѣрѣ, къ побужденію крестьянина добровольно его продать и вырученныя деньги внести въ казну. Легко себѣ представить, насколько такое положеніе въ корнѣ подрываетъ всякое стремленіе у крестьянина къ бережливости и вообще къ накопленію имущества. Естественно, что въ конечномъ результатѣ онъ предпочитаетъ прогулять или пропить случайно появившіяся у него лишнія средства, нежели употребить ихъ на увели-

ченіе своего инвентаря, находящагося подъ постоянной угрозой продажи въ пользу казны. Понятно, что онъ уклоняется отъ работы, плата за которую не повыситъ его благосостоянія. Словомъ, недоимки Дамокловымъ мечемъ постоянно висятъ надъ нашимъ крестьянскимъ населеніемъ. Сбросить ихъ со счетовъ, въ прямомъ интересъ самого государственнаго казначества, ибо понятно, что все препятствующее возрастанію благосостоянія населенія одновременно препятствуетъ и возрастанію государственныхъ доходовъ.

Но самое существованіе недоимокъ и ихъ прогрессивный ростъ, кромѣ того, краснорѣчиво свидѣтельствуютъ, что обложеніе крестьянскихъ земель нынѣ несоотвѣтственно высоко, что оно крестьянамъ не подѣ силу. Слѣдовательно, не достаточно освободить ихъ отъ угрозы взысканія прежнихъ недоимокъ, необходимо еще понизитъ и самое обложеніе. Лишь въ такомъ случаѣ можно надѣяться, что у крестьянства вновь разовьется бережливость, появится забота не только о сегодняшнемъ днѣ, но и о будущемъ, и народятся новыя потребности.

Дѣйствительно, обогащеніе народа и развитіе въ немъ культуры, какъ это неуклонно свидѣтельствуетъ историческій ходъ развитія всѣхъ культурныхъ народовъ, наблюдается лишь въ томъ случаѣ, если доходы населенія уравновѣщены съ его расходами. Единственно такое положеніе даетъ ему возможность и служить основаніемъ къ приобрѣтенію знаній и одновременно понемногу развиваетъ въ немъ новыя потребности. Стремленіе удовлетворить эти потребности повышаетъ трудолюбіе населенія, а самое удовлетвореніе ихъ порождаетъ въ народной жизни новыя отрасли труда,

т. е. новыя источники заработковъ, а, слѣдовательно, богатства страны и зажиточности населенія.

Такимъ образомъ, кореннымъ основаніемъ народнаго обогащенія служитъ соотвѣтствіе его доходовъ съ расходами. Одновременно нельзя забывать, что не существуетъ такого бытового явленія, которое было бы неподвижнымъ. Въ какомъ-либо направленіи движеніе неизмѣнно проявляется. То же наблюдается и въ дѣлѣ народнаго благосостоянія. Либо оно понижается, народъ бѣднѣетъ, потребности уменьшаются, трудоспособность и трудолюбіе падаютъ, либо народъ богатѣетъ, потребности его увеличиваются, а трудоспособность повышается. Наблюдается это и у насъ. На ряду съ мѣстностями, гдѣ населеніе бѣднѣетъ, несомнѣнно существуютъ и такія, гдѣ, наоборотъ, оно становится болѣе зажиточнымъ, гдѣ потребности его повышаются, причемъ въ этихъ мѣстностяхъ народъ, въ общемъ, не только не уклоняется отъ работы, но всемирно ищетъ заработковъ. Правда, что обогащеніе происходитъ значительно медленнѣе, нежели сбѣднѣніе, которое, какъ всякое движеніе внизъ получаетъ тѣмъ болѣе развитіе, чѣмъ дольше оно продолжается, и остановить его не легко. Но, повторяемъ, какъ обогащеніе населенія, такъ даже стремленіе къ нему у народа начинается лишь съ того момента, когда онъ въ состояніи удовлетворять въ полной мѣрѣ существующія у него потребности. Нынѣ крестьянство земледѣльческой области лишено у насъ этой возможности. Оно, такъ сказать, притерпѣлось къ всевозможнымъ лишеніямъ. Послѣднія перестали его сколько-нибудь ужасать, а это въ корнѣ подсъкло

его стремление къ лучшей долѣ, а, слѣдовательно, и его трудолюбіе.

Такимъ образомъ, первымъ шагомъ къ обогащенію населенія земледѣльческихъ губерній центра и востока, должно быть признано уравниваніе его доходовъ съ расходами. Послѣднее же достижимо, главнымъ образомъ, посредствомъ уменьшенія его податного обложенія. Если государственное казначейство рѣшительно ничего не потеряетъ отъ сложенія недоимокъ съ крестьянъ, то едва ли оно понесетъ сколько-нибудь значительный ущербъ отъ уменьшенія крестьянскихъ податей. Недоборъ по этой статьѣ государственныхъ доходовъ весьма скоро уравнивается лишними поступленіями изъ другихъ источниковъ, прежде всего отъ косвенныхъ налоговъ.

Обращаясь засимъ къ вопросу о повышеніи доходности земли въ крестьянскихъ рукахъ, надлежитъ указать, что это возможно лишь при тѣхъ же условіяхъ, при какихъ оно осуществимо по отношенію къ владѣльческимъ землямъ, т. е. посредствомъ повышения самой производительности земли. Между тѣмъ тщетно надѣяться, что введеніе улучшенныхъ приемовъ сельскаго хозяйства во владѣльческихъ экономіяхъ повлечетъ за собою постепенное распространеніе этихъ приемовъ на крестьянскія хозяйства. Для проникновенія въ крестьянскую среду лучшихъ приемовъ обработки почвы недостаточно даже полного убѣжденія крестьянина въ ихъ плодотворности; нужна еще увѣренность, что отъ произведенныхъ имъ излишнихъ, безразлично — деньгами или работою, затратъ на воздѣлываніе земли выгадаетъ онъ лично, а не кто-либо иной изъ членовъ сельскаго общества. Такой

увѣренности при общинномъ землевладѣніи крестьянинъ никогда не будетъ имѣть.

Вопросъ объ общинѣ безконечно сложный. Составляя съ давнихъ поръ предметъ раздора между тѣми двумя лагерями, на которые раздѣлились изслѣдователи условій крестьянскаго землепользованія, вопросъ этотъ, какъ извѣстно, породилъ цѣлую обширную литературу. Говорить о немъ, при такихъ условіяхъ, сколько-нибудь обстоятельно въ непосвященномъ специально этому вопросу изслѣдованіи болѣе чѣмъ трудно. Мы не можемъ, однако, не указать, что одно изъ тѣхъ коренныхъ основаній, по которымъ эта форма землепользованія находитъ у насъ до сихъ поръ столько защитниковъ, а именно, что она предотвращаетъ возникновеніе безземельнаго пролетаріата, на дѣлѣ съ каждымъ днемъ все болѣе опровергается самою жизнью. Крестьянская среда ежегодно выдѣляетъ изъ себя множество лицъ, порывающихъ всякую связь съ землею. Наряду съ этимъ, проявляется и сосредоточеніе въ однихъ крестьянскихъ рукахъ большого количества надѣльной земли противъ той нормы, которую составило бы правильное распределеніе надѣловъ по количеству душъ населенія мужскаго пола.

Что же касается утвержденія, что общинное землепользованіе единственная сродная русскому народному духу форма владѣнія землею, то это есть лишь плодъ, выражаясь мягко, недоразумѣнія. Непреложныя и нелицеприятныя показанія исторіи всѣхъ народовъ съ очевидностью доказываютъ, что форма эта лишь стадія въ культурномъ развитіи каждаго народа, столь же неизбѣжная въ извѣстномъ періодѣ его жизни, сколь обязательно переходящая въ инныя формы по мѣрѣ

его цивилизації. Вполнѣ соответствуя интересамъ владѣльца земли, пока онъ пользуется лишь самородными продуктами почвы, не противорѣча имъ, доколѣ онъ довольствуется ея естественнымъ плодородіемъ, форма эта ставитъ непреодолимые препятствія къ искусственному повышенію производительныхъ силъ почвы.

Перечислить здѣсь всѣ эти препятствія—столь они многочисленны—нѣтъ возможности. Едва ли есть въ этомъ и надобность. Они не только общезвѣстны, но на каждое изъ нихъ поборники общиннаго землепользованія имѣютъ готовое и, какъ имъ сдается, несокрушимое возраженіе. Такъ, за нѣкоторыми изъ нихъ они даже вовсе не признаютъ значенія тормоза въ этомъ дѣлѣ, а по отношенію къ остальнымъ указываютъ на вѣрнѣйшія средства для ихъ устранения. При этомъ многимъ изъ ихъ доводовъ и указаній нельзя отказать ни въ основательности, ни въ остроуміи. Бѣда лишь въ томъ, что ихъ разсужденія и выводы характера теоретическаго, умозрительнаго: они не только не опираются на существующіе факты, а, наоборотъ, рѣзко съ ними расходятся. Пока поборники эти доказываютъ возможность правильной эксплуатаціи земли при общинномъ владѣніи ею, жизнь и исторія указываютъ, что эта возможность нигдѣ фактически не осуществилась, что какъ земледѣліе въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, такъ и сельское хозяйство вообще, нынѣ и искони, у насъ и у всѣхъ другихъ народовъ, при общинномъ владѣніи землею, находились и находятся въ самомъ первобытномъ состояніи. Такимъ образомъ, все взвѣснвая и все предусмотрѣвая теорія все же остается теоріей, не находящей ни оправданія, ни приложенія въ живой дѣйствительности.

Очевидно, что существуютъ такія привходящія причины, которыхъ эти теоретики не принимаютъ во вниманіе или, по крайней мѣрѣ, не придаютъ имъ того рѣшающаго значенія, которое они на самомъ дѣлѣ имѣютъ. Причины же эти, сдается намъ, не столько матеріальнаго свойства, сколько духовнаго.

Всякому, конечно, извѣстно, что по мѣрѣ распространенія культуры въ народѣ наблюдается все большее различіе между способностями, знаніями и даже энергіей различныхъ его членовъ. Индивидуальныя качества отдѣльныхъ лицъ все шире расходятся между собою. Вслѣдствіе этого, коль скоро народъ достигъ извѣстной степени умственнаго развитія, общинное землевладѣніе, въ основѣ котораго лежитъ именно однородность способностей лицъ, составляющихъ общину, существенно тормозитъ это развитіе. Община при такихъ условіяхъ превращается въ обширную реторту, насильственно сглаживающую всѣ индивидуальныя способности крестьянъ-общинниковъ, приводящую ихъ, такъ сказать, къ одному знаменателю. Но человѣческая природа все же сильнѣе какихъ-либо внѣшнихъ формъ, механически ее сдерживающихъ. Последнее приводитъ къ тому, что наиболее предприимчивые и энергичные крестьяне общинники, не имѣя возможности приложить избытка своихъ силъ къ лучшему использованию предоставленныхъ въ ихъ распоряженіе силъ природы, направляютъ ихъ противъ самихъ людей. Словомъ, способности крестьянина обращаются не на обогащеніе страны, а на раззореніе ея населенія. вмѣсто того, чтобы основывать свое богатство на усиленномъ извлеченіи цѣнностей изъ почвы, онъ строитъ его на переходѣ уже добытыхъ

цѣнностей изъ чужихъ рукъ въ собственныя. Вотъ одна изъ едва ли не худшихъ сторонъ общинной формы землевладѣнія. Дѣйствительно, не на этой ли почвѣ возникло и процвѣтаетъ русское кулачество?

Едва ли не наилучшимъ доказательствомъ крайней теоретичности всѣхъ основаній, положенныхъ поборниками общиннаго землевладѣнія въ его защиту, служитъ тотъ фактъ, что ни одинъ изъ нихъ не проповѣдуетъ превосходства этой формы землепользования для всѣхъ классовъ населенія, а ограничиваетъ его примѣненіе лишь нисшими сословіями. Невольно напрашивается вопросъ: въ силу какихъ соображеній стремятся ревнители общины поставить крестьянское населеніе въ такія условія, въ которыя ни одинъ изъ нихъ самъ лично стать не желаетъ, и не слѣдуетъ ли такое черезмѣрное попеченіе о меньшомъ братѣ признать за крайнюю по отношенію къ нему тиранію и деспотизмъ? На ряду съ этимъ, нельзя не отмѣтить то глубокое противорѣчіе, которое кроется въ отдѣльных стремленіяхъ защитниковъ общины по отношенію къ крестьянству. Съ одной стороны, эти лица всемѣрно и, конечно, вполне правильно стремятся повысить уровень умственного развитія крестьянства, а съ другой — они же хотятъ искусственно удержать его экономическій бытъ въ такихъ условіяхъ, которыя при этомъ развитіи могутъ быть сохранены лишь путемъ насилія. Дѣйствительно, коль скоро община перестала соответствовать уровню культурнаго развитія народа, силою вещей она должна уступить свое мѣсто другимъ, болѣе соответствующимъ этому уровню, формамъ землевладѣнія.

То обстоятельство, что до сихъ поръ не конста-

тировано ни единого случая добровольнаго перехода крестьянъ отъ общиннаго землепользованія къ подворному, хотя положеніе 19-го февраля это вполне допускаетъ, требуя лишь согласіе для сего двухъ третей членовъ крестьянскаго общества, отнюдь не доказываетъ, чтобы крестьяне не испытывали желанія къ тому. Именно тотъ фактъ, что не было ни единого подобнаго случая выясняетъ, что неимѣется возможности его осуществить. Дѣйствительно, допустить, чтобы во всей великороссіи не нашлось ни единого села, гдѣ бы крестьяне, и притомъ не всѣ, а лишь двѣ трети ихъ, за 40 лѣтъ свободнаго владѣнія землей, не пожелали перейти къ подворному владѣнію, хотя бы даже они при этомъ превратно понимали свои выгоды, немыслимо. Такимъ образомъ, ясно, что этотъ фактъ самъ по себѣ бездоказателенъ и что лишь при предоставленіи крестьянству не только юридической, но и фактической возможности переходить отъ общиннаго къ подворному землепользованію появится критериумъ для опредѣленія ихъ сужденій по этому предмету.

Истекаетъ ли, однако, изъ всего сказаннаго, что общину необходимо насильно ломать? Конечно, нѣтъ. Исторія народовъ и въ этомъ отношеніи представляетъ поучительный примѣръ. Повсемѣстно общинное землевладѣніе переходило въ личное лишь путемъ весьма медленнаго процесса. Остатки этой формы землепользованія сохранились до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ государствахъ западной Европы. Необходимо, слѣдовательно, лишь снять тотъ желѣзный обручъ, которымъ наглухо замкнута нынѣ крестьянская община, и тѣмъ дать возможность выйти изъ-подъ общиннаго

гнета крестьянамъ, сознавшимъ преимущества хуторского хозяйства на неотъемлемой у нихъ по произволу общества землѣ.

Воспрещеніе сосредоточивать въ однѣхъ рукахъ больше опредѣленнаго количества надѣльной земли, съ сохраненіемъ ея неотчуждаемости отъ крестьянскаго сословія, въ достаточной степени оградить сельскій людъ отъ постепеннаго обезземеленія. Установленіе на ряду съ этимъ наименьшаго размѣра крестьянскихъ владѣній, далѣе котораго она дробиться не можетъ — правило, дѣйствующее уже и нынѣ въ Привислянскомъ краѣ — предотвратитъ другое немнѣе пагубное явленіе — измелъчаніе земельной собственности до такой степени, что она теряетъ всякую производительную силу. Отъ послѣдняго общинное землевладѣніе не только не ограждаетъ, а, наоборотъ, роковымъ образомъ ведетъ къ нему. О томъ, до какой степени явленіе это можетъ получить всеобщее развитіе, представляетъ поучительный примѣръ современная Франція, гдѣ существуетъ множество такихъ земельныхъ владѣній, поземельный налогъ съ которыхъ не достигаетъ стоимости гербовой марки, которой оплачивается квитанція во взносѣ этого налога, что и создало извѣстный афоризмъ одного изъ французскихъ экономистовъ «le sol de la France tombe en poussière».

ХІІ.

Общіе выводы.

Въ предыдущихъ главахъ мы разсмотрѣли наиболѣе неблагоприятныя явленія нашего народнаго хозяйства, при чемъ стремились выяснитъ причины ихъ возникновенія, опредѣлитъ степень цѣлесообразности предлагаемыхъ, а отчасти проводимыхъ въ жизнь для борьбы съ ними мѣропріятій и указать, тѣ мѣры, которыя, по нашему крайнему разумѣнію, дѣйствительно въ состояніи ихъ устранить. Для ясности всего сказаннаго резюмируемъ теперь въ немногихъ словахъ тѣ положенія, которыя, опираясь на фактическія данныя, мы стремились доказать.

Положенія эти слѣдующія.

Періодически проявляющаяся нужда въ продовольственныхъ средствахъ въ земледѣльческихъ губерніяхъ проистекаетъ не отъ пониженія производительности чернозема. Такого пониженія не только не наблюдается, а, наоборотъ, происходитъ хотя и медленное, но все же неуклонное возрастаніе собираемыхъ съ него крестьянствомъ урожаевъ. Не происходитъ

оно, равнымъ образомъ, отъ недостаточности крестьянскихъ надѣловъ: губерніи съ широко обеспеченнымъ землею сельскимъ населеніемъ испытываютъ голодовки въ такой же, если не бѣльшей мѣрѣ, какъ и тѣ, въ которыхъ количество земли въ крестьянскомъ владѣніи на душу населенія достигаетъ наименьшихъ размѣровъ. Причины его кроются въ явленіяхъ болѣе сложныхъ. Первоисточникомъ народныхъ голодовокъ въ центрѣ и на востокъ черноземной области надлежитъ признать переходъ крестьянскаго населенія этой области отъ исключительно натурального хозяйства къ хозяйству отчасти денежному. Облегченіе сбыта продуктовъ сельскаго хозяйства въ связи съ потребностью въ деньгахъ для пріобрѣтенія тѣхъ промышленныхъ издѣлій, которыя крестьяне ввели въ свой обиходъ, привело къ повсемѣстной продажѣ остающихся у крестьянъ, за удовлетвореніемъ ихъ личныхъ потребностей, избытковъ урожая даннаго года. Постепенное, съ начала 80-хъ годовъ прошлаго вѣка, паденіе хлѣбныхъ цѣнъ въ корнѣ расшатало крестьянское хозяйство. Оно принудило крестьянъ понемногу ликвидировать всѣ сберегавшіеся ими и составлявшіе основу ихъ былой хозяйственной устойчивости хлѣбные запасы, что, въ свою очередь, создало для нихъ необходимость пополнять недостатокъ въ продовольственныхъ средствахъ въ неурожайные годы путемъ покупки хлѣба. Но эта покупка крестьянину не подъ силу. Денегъ, полученныхъ за проданный въ урожайные годы хлѣбъ, вслѣдствіе его дешевизны, едва хватаетъ на удовлетвореніе потребностей крестьянъ въ теченіе даннаго года. Накопленныя въ единичныхъ случаяхъ сбереженія тѣмъ болѣе недостаточны, что низкая при уро-

жаяхъ хлѣбная цѣна — при неурожаяхъ внезапно и значительно повышается. Дальнѣйшее, съ 1893 г., обезцѣненіе производимыхъ крестьянами въ центрѣ и на востокъ сѣрыхъ хлѣбовъ нанесло окончательный ударъ крестьянскому земледѣлію, какъ источнику денежныхъ доходовъ. Доходность этой отрасли народнаго труда упала до такихъ предѣловъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ перестала даже оправдывать затраченный крестьяниномъ для полученія урожая трудъ, оцѣнивая послѣдній по существующей въ данной мѣстности заработной платѣ. Повысить цѣны на хлѣбъ не въ нашей власти. Размѣры земельного владѣнія крестьянина играютъ при такихъ обстоятельствахъ второстепенную роль. Искать спасенія въ увеличеніи крестьянскаго земельного фонда въ виду этого не основательно. Увеличеніе этого фонда путемъ переселенія части населенія на зауральскія земли недопустимо, кромѣ того, по причинамъ политическимъ: оно едва ли не равносильно измѣненію этнографическаго состава Европейской Россіи путемъ ослабленія чисторусскаго элемента, при одновременномъ увеличеніи элемента инородческаго. Равнымъ образомъ, нежелательно увеличеніе крестьянской земли за счетъ владѣльческой, находящейся въ рукахъ болѣе интеллигентныхъ сословій. Сводясь въ сущности къ переносу риска сельскохозяйственнаго дѣла съ помѣщика на крестьянина, оно, въ виду неумѣнія послѣдняго разумно вести это дѣло и вслѣдствіе малой прибыльности его вообще, въ случаѣ широкаго примѣненія этой мѣры, приведетъ не къ обогащенію крестьянъ, а, наоборотъ, къ еще бѣльшей хозяйственной ихъ неустойчивости. Наконецъ, даже распределеніе всей зе-

мельной площади центра земледельческой области между крестьянами даже не удвоить размѣра душевыхъ надѣловъ, т. е. не доведетъ ихъ до той нормы, которая фактически существуетъ во многихъ губерніяхъ востока и гдѣ, тѣмъ не менѣе, крестьянство голодаетъ, не говоря уже про то, что не пройдетъ и четверти вѣка, какъ размѣръ этихъ надѣловъ, вслѣдствіе естественнаго прироста населенія вновь упадетъ до ихъ нынѣшней величины. Одновременно съ этимъ непремѣннымъ послѣдствіемъ увеличенія крестьянскаго землевладѣнія, за счетъ владѣльческаго, явится ухудшеніе сельскохозяйственной культуры и тѣмъ самымъ уменьшеніе общаго количества сбора хлѣбовъ, т. е. уменьшеніе богатства страны въ ея совокупности. Но основывать благосостояніе большинства населенія на мѣрахъ, влекущихъ уменьшеніе производительныхъ силъ страны, конечно, невозможно. Наиболѣе вѣрнымъ и прочнымъ источникомъ крестьянскихъ средствъ являются въ настоящее время его заработки. Къ увеличенію этихъ заработковъ и необходимо стремиться. Но количество занятій, въ которыхъ принимаетъ участіе населеніе, можетъ быть увеличено далеко не во всѣхъ отрасляхъ народнаго хозяйства. Искусственное развитіе фабрично-заводской дѣятельности, какъ показали опытъ ближайшаго прошлаго, недостижимо. Несоответствующая платежнымъ силамъ населенія обрабатывающая промышленность неминуемо гибнетъ, причемъ своею гибелью порождаетъ столь тяжкіе перевероты во всемъ бытѣ фабричнаго люда, что съ ними не можетъ быть сравниваемо даже тонесомѣнноострое оскудѣніе, которое нынѣ испытываетъ земельное крестьянство. Къ тому же распространеніе фабрично-за-

водской промышленности въ центрально-черноземныхъ и восточныхъ губерніяхъ вообще неосуществимо, вслѣдствіе отсутствія въ этой мѣстности дешеваго топлива. Остается поневолѣ обратиться все къ тому же захудалому, лишенному всякаго существеннаго подспорья, но, однако, основному источнику нашихъ достатковъ — сельскому хозяйству. Единственно на этомъ старинномъ устоѣ всего экономическаго строя страны мыслимо возстановить благоденствіе созидательнаго ядра государства. Подъемъ, хотя бы и искусственный, частно-владѣльческаго сельскаго хозяйства, насажденіе и развитіе въ немъ первичной обработки сырыхъ продуктовъ земледѣлія и животноводства, увеличивъ количество заработковъ крестьянскаго населенія, не только не можетъ привести къ перепроизводству добываемыхъ имъ цѣнностей, но, наоборотъ, вызоветъ увеличеніе потребленія произведеній всѣхъ остальныхъ отраслей человѣческаго труда.

Но переустроить на новый ладъ всю систему сельскаго хозяйства возможно лишь при усиленномъ приливѣ къ землѣ денежныхъ средствъ. Этихъ средствъ у большинства сельскихъ хозяевъ не имѣется. Снабдить ихъ ими возможно, слѣдовательно, лишь посредствомъ организациі соответственнаго поземельнаго кредита. Существующая форма этого кредита — выдаваемая подъ залогъ имѣній долгосрочныя ипотечныя ссуды — этой задачи не отвѣчаютъ. Добытныя, такимъ образомъ, средства получаютъ постороннее отъ землепользованія назначеніе и, отвѣчая личнымъ интересамъ владѣльцевъ, на самую землю накладываютъ тяжелое иго срочныхъ платежей. Иго это тѣмъ тяжелѣе, что доходность земли подвержена край-

нимъ колебаніемъ, а размѣръ платежей по ссудамъ неизмѣненъ. Между тѣмъ, сельское хозяйство нуждается въ непосредственномъ оплодотвореніи капиталомъ. Этой задачѣ могутъ удовлетворить лишь спеціальныя виды кредита, предназначенныя для снабженія хозяевъ средствами для повышенія производительности земли, обзаведенія улучшеннымъ живымъ и мертвымъ инвентаремъ и оборудованія хозяйственныхъ единицъ техническими, перерабатывающими почвенные и животные продукты производства, а также для покрытія оборотныхъ расходовъ. Повышеніе производительности нашихъ земель и цѣнности поступающихъ на рынокъ отъ сельскихъ хозяевъ продуктовъ необходимо и по иной причинѣ. Единственно развитіе этой отрасли народнаго труда въ состояніи увеличить нашъ иностранный вывозъ, что, въ свою очередь, является единственнымъ средствомъ для возстановленія равновѣсія между активомъ и пассивомъ нашего международнаго расчетнаго баланса. Нынѣ этотъ балансъ заключается для насъ дефицитомъ, превышающимъ 485 милліоновъ рублей въ годъ. Дефицитъ этотъ мы въ состояніи покрывать лишь посредствомъ заграничныхъ займовъ, избавить насъ отъ которыхъ не можетъ самое благопріятное поступленіе государственныхъ доходовъ. Полученныя отъ реализации этихъ займовъ средства, при отсутствіи надобности въ нихъ у государственнаго казначейства для покрытія текущихъ расходовъ, могутъ, однако, получить производительное назначеніе. Такой пріемъ нынѣ и практикуется. Заграничныя платежи по займамъ уплачиваются за счетъ суммъ отъ реализуемыхъ тамъ же новыхъ займовъ, а соответствующая часть текущихъ

государственныхъ доходовъ, предназначенная по росписи для уплаты этихъ процентовъ, обращается на производительныя цѣли, преимущественно на желѣзнодорожное строительство. Но желѣзнодорожныя предприятия, сколь бы они ни были доходны, лишь увеличиваютъ поступления государственнаго казначейства внутри страны, въ которыхъ, однако, и нынѣ для покрытія текущихъ государственныхъ расходовъ, недостатка нѣтъ, но не улучшаютъ международнаго расчетнаго баланса и даже не заполняютъ того дефицита, который вызываетъ совершеніе новыхъ заграничныхъ займовъ. Чтобы суммы государственнаго казначейства, обращаемыя на производительныя цѣли, достигли послѣдняго, они должны быть направляемы на развитіе такой отрасли промышленности, продукты которой могутъ найти сбытъ на иностранныхъ рынкахъ, т. е. увеличить цѣнность нашего вывоза. Подобной отраслью является единственно сельское хозяйство. На его развитіе они, слѣдовательно, и должны быть преимущественно направлены. Но дабы сельскіе хозяева проявили желаніе прибѣгать къ ссудамъ изъ этихъ средствъ для усиленія производительности своихъ земель и цѣнности отчуждаемыхъ ими продуктовъ и чтобы эти средства пошли дѣйствительно въ прокъ, необходимо одновременно провести въ жизнь цѣлый рядъ другихъ мѣропріятій, имѣющихъ цѣлью облегчить сельскимъ хозяевамъ какъ переходъ къ болѣе интенсивнымъ формамъ хозяйства, такъ и сбытъ переработаннаго въ болѣе цѣнные продукты сельскохозяйственнаго сырья.

Среди этихъ мѣръ, исключая имѣющія спеціальныя характеръ, какъ-то: снабженіе улучшенными сѣмена-

ми, производителями сельскохозяйственных животных и т. п., наиболее настоятельными представляются: 1) освобождение от пошлины выписываемых изъ-за границы улучшенных сельскохозяйственных орудий, аппаратов, необходимых для первичной обработки сельскохозяйственного сырья и земледельческих туков; 2) понижение пошлины на чугунъ и желѣзо и тѣ ихъ производныя, которыя необходимы въ сельскохозяйственномъ и народномъ быту; 3) обложение вывозною пошлиной кормовыхъ средствъ — ячмыховъ и отрубей и повышение тарифа ихъ перевозки по желѣзнымъ дорогамъ по направлению съ востока на западъ; 4) понижение акциза на пиво низшаго качества и на низшіе (желтые) сорта сахара, хотя бы съ повышениемъ акциза на рафинадъ; 5) покровительство мелкому винокуренному производству и постепенное сокращение размѣровъ выкурки крупныхъ заводовъ; 6) облегчение сельскимъ хозяевамъ соединяться въ союзы, имѣющіе цѣлью сбытъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ и снабженіе этихъ союзовъ обратными средствами; 7) упорядочение перевозокъ по желѣзнымъ дорогамъ, путемъ ускоренія движенія товарныхъ поѣздовъ и обезпеченія срочной поставки скоропортящихся грузовъ въ особо приспособленныхъ для сего вагонахъ; 8) понижение тарифа на перевозку всѣхъ влияющихъ на повышение сельскохозяйственной культуры товаровъ, какъ-то: сѣмянъ, удобрительныхъ туковъ, сельскохозяйственныхъ орудій и аппаратовъ, перерабатывающихъ сельскохозяйственное сырье; 9) содѣйствіе возникновенію и разрастанію мѣстныхъ потребительныхъ центровъ, имѣющихъ, благодаря особымъ обстоятельствамъ, задатки жизненнаго разви-

тія; 10) оживленіе дѣятельности по коммерческой агентурѣ нашего консульскаго состава; 11) организациа срочныхъ переходныхъ сообщеній съ иностранными портами, приспособленными для перевозки скоропортящихся продуктовъ судами, хотя бы посредствомъ устройства правительственнаго торговаго флота и 12) организациа общественныхъ работъ, направленныхъ къ созданію болѣе благоприятныхъ условій для произрастанія злаковъ, какъ-то: облѣсеніе сыпучихъ песковъ и овраговъ, устройство водоемовъ и сооруженіе плотинъ, повышающихъ рѣчныя воды.

Обращаясь за симъ къ вопросу о повышеніи благосостоянія собственно земледѣльческаго населенія, надлежитъ признать, что необходимо прежде всего оживить въ немъ бодрость духа, поднять его трудовую энергію. Нынѣ населеніе это придавлено той безысходной нищетой, выйти изъ которой оно рѣшительно не въ состояніи. Первымъ шагомъ въ этомъ направленіи представляется сложеніе недоимокъ по различнымъ ссудамъ и окладнымъ сборамъ, постоянно грозящее взысканіе которыхъ отнимаетъ у населенія охоту обзавестись какимъ-либо имуществомъ, такъ какъ последнее можетъ быть въ каждую минуту принудительно продано въ уплату недоимокъ. Но самое накопленіе недоимокъ по сборамъ указываетъ, что и нормальные оклады платежей съ крестьянской земли не соответствуютъ ея доходности. Слѣдовательно, чтобы дать возможность крестьянину вновь встать на ноги необходимо эти оклады соразмѣрить съ платежными силами населенія. Возможно надѣяться, что при помощи этихъ мѣръ, доходы крестьянъ уравниваются съ ихъ расходами, что они получаютъ возможность въ полной

мѣръ удовлетворять всѣ существующія у нихъ потребности. Последнее возродитъ въ нихъ стремленіе къ дальнѣйшему увеличенію своего благосостоянія, разовьетъ въ нихъ чувство бережливости, придастъ необходимую устойчивость всему ихъ хозяйственному быту. Отразится оно неминуемо и на приѣмахъ, практикуемыхъ ими при использовании принадлежащей имъ земли. Но полного расцвѣта собственнаго крестьянскаго земледѣлія возможно ожидать лишь по мѣрѣ перехода ихъ отъ общиннаго землевладѣнія къ личному, подворному. Исключительно въ послѣднемъ случаѣ проявится въ крестьянствѣ стремленіе къ возвышенію самого качества состоящей въ его владѣніи земельной поверхности къ повышенію ея капитальной стоимости. Однако, общинная форма землепользованія пустила столь глубокіе корни въ русской народной жизни, что искоренять ее насильственно, безъ возникновенія весьма серьезныхъ осложненій въ народной жизни, невозможно. О ломкѣ общины, въ виду этого, не можетъ быть и рѣчи. Весь вопросъ сводится къ тому, чтобы облегчить возможность какъ цѣлымъ крестьянскимъ обществамъ, такъ и отдѣльнымъ ихъ членамъ, при ихъ къ тому желаніи, безболѣзненно совершить этотъ переворотъ.

Возвращаясь собственно къ развитію и поддержанію сельскохозяйственной промышленности нельзя не сказать, что правительственная дѣятельность въ указанномъ направленіи не можетъ быть очерчена и ограничена какими либо предѣлами. Ни одна отрасль народного труда не можетъ развиваться, если этому не отвѣчаетъ вся жизненная обстановка, въ которой она дѣйствуетъ. Единичныя мѣропріятія, сколь бы

они ни были существенны, сами по себѣ, если они не являются органически связанными съ цѣлымъ рядомъ другихъ, имъ соответствующихъ, въ большинствѣ случаевъ остаются безплодными. Но созданіе общей обстановки, благоприятствующей развитію какого-либо дѣла, возможно лишь въ томъ случаѣ, если оно является логическимъ послѣдствіемъ общей государственной идеи. Достаточно, однако, проникнуться известной идеей, начертать ее на своемъ знамени, и соответственныя мѣропріятія сами явятся неизбежнымъ ея послѣдствіемъ. Въ этомъ отношеніи мы имѣемъ на глазахъ наглядный примѣръ, а именно развитіе нашей промышленной дѣятельности. Несмотря на то, что экономическія условія Россіи вовсе не способствовали этому развитію, однако, достаточно было проникнуться убѣжденіемъ, что развитіе это необходимо, какъ мѣропріятія послѣдовали сами собою. Мыслью способствовать промышленности прониклись не исключительно мѣры, имѣющія непосредственнымъ своимъ объектомъ достиженіе этой цѣли, но и вся вообще правительственная дѣятельность, во всѣхъ ея безчисленныхъ развѣтвленіяхъ и при этомъ даже въ такихъ областяхъ, которыя не имѣютъ, казалось бы, никакого отношенія къ этой отрасли народного труда. Вотъ ихъ-то совокупность и создала ту атмосферу, ту обстановку, въ которой дѣйствительно могла успешно развиваться, горная и обрабатывающая промышленность.

Воплощеніе въ государственную идею мысли о необходимости поднятія производительности нашихъ земель будетъ, несомнѣнно, имѣть тѣ же послѣдствія.

Между тѣмъ этого поднятiя требуютъ вся совокупность явленiй нашей экономической жизни.

Передъ нами три грозныя явленiя.

Перiодическiя голодовки и хроническое недоѣданiе всего крестьянскаго населенiя центра и востока земледѣльской области.

Угрожающая гибелью, за неимѣниемъ сбыта издѣлiямъ своего производства, фабрично-заводская промышленность.

Изъ года въ годъ увеличивающiйся дефицитъ по международному балансу, достигающiй суммы всѣхъ платежей по нашимъ, помѣщеннымъ внѣ предѣловъ страны, процентнымъ бумагамъ, уплата коихъ нынѣ возможна лишь посредствомъ совершениа новыхъ заграничныхъ займовъ.

Прекратить первое явленiе возможно лишь посредствомъ усиленiя мѣстныхъ заработковъ населенiя, а это достижимо лишь путемъ повышениа сельскохозяйственной культуры.

Отвратить второе явленiе возможно лишь посредствомъ усиленiя платежныхъ силъ населенiя, а это достижимо лишь путемъ повышениа доходности сельскаго хозяйства.

Уничтожить третье явленiе возможно лишь посредствомъ усиленiя цѣнности нашего иностраннаго вывоза, а это достижимо лишь путемъ повышениа производительности нашихъ земель.

Словомъ, мы должны развитъ сельскохозяйственную культуру для созданiя постоянныхъ зимнихъ заработковъ населенiя земледѣльской области, которые одни въ состоянii избавить его отъ перiодическихъ голодовокъ. Мы должны повысить производи-

тельность нашихъ земель и цѣнность отчуждаемыхъ нами сельскихъ продуктовъ для восстановленiя равновѣсiя международного расчетнаго баланса и прекращениа роста иноземной задолженности. Мы должны повысить технику нашего земледѣлiя, чтобы успѣшно соперничать съ заокеанскими странами въ поставкѣ животныхъ и почвенныхъ продуктовъ на европейскiе рынки. Мы должны удешевить стоимость производства зерновыхъ продуктовъ, чтобы выручать отъ ихъ продаж, какъ внутри страны, такъ и внѣ ея предѣловъ, прибыль, а не убытокъ. Мы должны повысить годовое производство продуктовъ сельскаго хозяйства въ соответствii со стоимостью фабрично-заводскаго производства, чтобы предотвратить гибель промышленныхъ предпрiятiй, чтобы содѣйствовать ихъ дальнѣйшему развитiю. Наконецъ, мы должны повысить доходность земледѣльческаго промысла, чтобы обезпечить государству возможность удовлетворять всѣ свои сложныя, съ каждымъ годомъ увеличивающiяся потребности, такъ какъ расходы по нимъ оплачиваются преимущественно земледѣлiемъ. Словомъ, все, рѣшительно все, требуетъ развитiя сельскохозяйственной культуры. Повышение благосостоянiя оскудѣвшихъ центра и востока, культурное развитiе мѣстной жизни, сохраненiе денежной золотой валюты, избавленiе отъ порабощениа иностранными капиталистами внутри страны и отъ непосильной работы на нихъ, вызываемой уплатою процентовъ по иностраннымъ займамъ, поддержанiе и развитiе фабрично-заводской промышленности—все это достижимо лишь однимъ путемъ—повышениемъ доходности земли.

Въ этомъ дѣлѣ середины нѣтъ; если естественная

производительность земли не удовлетворяетъ нашимъ современнымъ потребностямъ, а затраты по практикующимся у насъ приемамъ ея обработки не окупаются цѣнностью полученнаго зерна, то имѣются лишь два пути для установленія равновѣсія между этими двумя факторами. Одинъ—уменьшеніе нашихъ, какъ народныхъ, такъ и государственныхъ, потребностей до размѣровъ естественнаго плодородія почвы, что для народа возможно посредствомъ возвращенія къ исключительно натуральному хозяйству, а для государства вообще путемъ отказа отъ поставки хлѣба въ Европу. Но путь этотъ знаменуетъ регрессъ во всей нашей народной жизни и банкротство въ государственной. Другой—усиленіе производительности почвы въ соответствии съ народными потребностями, при уменьшеніи стоимости производства зерна посредствомъ повышенія земледѣльческой техники до той степени, которую достигли страны Новаго Свѣта, что дастъ намъ господствующее положеніе на международныхъ рынкахъ. Отъ этого зависитъ все наше будущее и сколь, быть можетъ, это ни странно звучитъ, но даже наше дальнѣйшее международное положеніе во многомъ зависитъ отъ исхода той безкровной борьбы, которая завязалась между нами и странами Новаго Свѣта въ производствѣ предназначенныхъ для населенія западной Европы жизненныхъ продуктовъ.

Ранѣе, нежели закончить настоящіе очерки, да будетъ намъ позволено указать еще на одно крайне важное, съ общегосударственной точки зрѣнія, послѣдствіе, которое должно имѣть созданіе такихъ

условіи, при которыхъ наша сельскохозяйственная промышленность была бы въ состояніи опереться и получить широкій размахъ. Условія эти въ состояніи удержать при землѣ, при живой дѣятельности многихъ изъ тѣхъ лицъ, которыя нынѣ, отчасти за недостаточностью получаемыхъ ими съ ихъ оскудѣвшихъ владѣній доходовъ, отчасти за невозможностью съ пользою приложить свои силы и способности къ творческой сельскохозяйственной дѣятельности покидаютъ землю и, перебираясь въ города, заполняютъ тѣ безчисленныя казенныя мѣста, которыя съ каждымъ годомъ разрастаются въ нашихъ правительственныхъ учрежденіяхъ.

Дѣйствительно, однимъ изъ главныхъ тормазовъ къ развитію въ интеллигентныхъ слояхъ нашего отечества необходимой для приращенія богатства страны предприимчивости, этого могучаго рычага народнаго благосостоянія, служитъ непрерывно растущее количество, хотя, быть можетъ, и скудно, но все же крайне регулярно оплачиваемыхъ казенныхъ должностей. О количествѣ этихъ должностей возможно судить по тому, что ежегодный расходъ государства на содержаніе, наградныя и прогонныя деньги личнаго состава служилаго люда, не считая офицеровъ арміи и флота, а также безъ служащихъ во всѣхъ хозяйственныхъ предприятияхъ казны, какъ-то: винная монополія и эксплуатація желѣзныхъ дорогъ, и, наконецъ, безъ всего нисшаго канцелярскаго персонала—писцовъ, служителей и т. д., превысилъ въ 1900 г. 175 милліоновъ рублей. Число интеллигентныхъ лицъ, оказывающихъ услуги государству и имъ оплачиваемыхъ, очевидно, превосходитъ многія тысячи. Привычка жить

на впередь точно опредѣленные и неизмѣнно въ данный день поступающія средства, съ одной стороны, и полная оторванность отъ народной жизни въ ея производительныхъ источникахъ — съ другой, лишаютъ этихъ людей какъ умѣнья, такъ и рѣшимости принять участіе въ такихъ отрасляхъ общественной дѣятельности, въ которыхъ человѣкъ является не только потребителемъ, но и производителемъ цѣнностей. Неизбѣжно сопряженный съ каждымъ самостоятельнымъ дѣломъ рискъ не подѣ силу тому безмятежному квиетизму, который роковымъ образомъ развиваетъ даже въ сильныхъ организамахъ дѣятельность, оплачиваемая не въ соответствии съ произведенной въ теченіе извѣстнаго срока работой, а впередь установленнымъ жалованьемъ.

Каждому извѣстна существующая разница между работой, оплачиваемой издѣльно и по срочно; въ то время какъ работающій издѣльно всячески стремится къ повышенію своей работоспособности, у человѣка, оплачиваемого безъ соответствія съ количествомъ и качествомъ произведеннаго имъ въ теченіе опредѣленнаго срока труда, наоборотъ, наблюдается пониженіе рабочей производительности. Таковы основныя свойства природы человѣческой, и высота умственнаго развитія лишь въ слабой степени смягчаетъ послѣдствія указанныхъ различныхъ способовъ трудового вознагражденія. Нашъ бюрократическій государственный строй, такимъ образомъ, является также препятствіемъ къ повышенію пульса народной жизни. Стремленіе современныхъ государствъ сосредоточивать въ своихъ рукахъ не только заботы управленія, но и многія отрасли хозяйственной дѣятельности

страны, проявляющееся и у насъ, конечно, также этому способствуетъ. На ряду съ этимъ, производительная дѣятельность въ странѣ несомнѣнно находится въ тяжелыхъ условіяхъ. Малое количество денежныхъ знаковъ, обращающихся въ населеніи, постоянныя неурядицы въ перевозочномъ дѣлѣ, частая смѣна правилъ, регулирующихъ различныя отрасли промышленности, наконецъ, дороговизна и неупорядоченность всѣхъ видовъ торгово-промышленнаго кредита, при отсутствіи сколько-нибудь правильно поставленной общественной или, вѣрнѣе, корпоративной самопомощи, все это создаетъ такую обстановку, при которой ни одно промышленное дѣло не можетъ быть увѣрено въ завтрашнемъ днѣ и не въ состояніи пережить самыхъ кратковременныхъ кризисовъ безъ сильнѣйшихъ потрясеній. Мудрено ли, что при такихъ обстоятельствахъ русская предприимчивость, вмѣсто того, чтобы развиваться, изъ года въ годъ падаетъ, и не только малоодоходная сельскохозяйственная дѣятельность, но даже еще въ недавнее время столь прибыльныя торговля и промышленность не находятъ русскихъ людей, готовыхъ и способныхъ посвятить имъ свои силы и умѣнье.

Мѣсто русскаго купца все болѣе и болѣе занимаетъ евреемъ, а промышленность почти всецѣло сосредоточена въ иностранныхъ рукахъ. Русскіе капиталы таютъ и съ каждымъ днемъ все болѣе переходятъ въ иноземныя руки. Картина поистинѣ не отрадная!

Возвращеніе къ самостоятельной жизненной дѣятельности, убивающихъ нынѣ свои творческія силы въ канцелярской работѣ, является едва ли не единственнымъ средствомъ для поднятія русской пред-

примчивости. Мало того, окажетъ оно свое вліяніе и на поднятіе самаго уровня личнаго состава правительственныхъ учреждений. Если уже въ настоящее время, когда большинство правительственныхъ чиновниковъ, лицъ стоящихъ на той или иной ступени власти, составляютъ люди, лишь въ первомъ поколѣніи порвавшіе связь съ землей, отошедшіе отъ участія въ какой-либо отрасли производительнаго труда, если уже эти люди зачастую проявляютъ полное незнакомство не только съ русскимъ народнымъ бытомъ, но и съ жизненными условіями вообще, то во что же превратятся ихъ послѣдующія поколѣнія, преимущественно все болѣе суживающія свой горизонтъ входящими и исходящими бумагами? Послѣднія, какъ извѣстно, сколь бы они ни были талантливо изложены, все же не могутъ освѣтить жизненныя явленія съ той полнотой и яркостью, не въ состояніи дать столь вѣрнаго о нихъ представленія, какъ непосредственное столкновеніе съ живыми людьми и личное испытаніе условій самостоятельной борьбы за существованіе. Къ тому же громадное большинство дѣлопроизводственныхъ бумагъ касается лишь одного какого-либо вопроса, часто лишь подробностей его, безъ всякой связи съ тысячами другихъ явленій, взаимно переплетающихся и лишь въ совокупности воспроизводящихъ то, что именуется условіями народнаго быта. Нѣтъ сомнѣнія, что послѣдующія поколѣнія этихъ людей, изучающихъ по официальнымъ даннымъ русскую жизнь, понемногу превратятся въ типичныхъ представителей дореформенной Руси, въ приказахъ посядѣлыхъ.

Правящіе классы, для плодотворной дѣятельности

на государственномъ поприщѣ, должны по временамъ возобновлять истраченный ими запасъ жизненной энергии путемъ возвращенія къ землѣ. Какъ русскій былинный богатырь набирался новыхъ силъ при каждомъ прикосновеніи съ матерью сырой землей для вражеской борьбы, такъ и русское служилое сословіе для успѣшной жизненной борьбы должно по временамъ возвращаться къ этому источнику народнаго познанія.

